

Евгения Борисова

Красивейшая гая вампиров

Часть II

Вампирские сказки о любви

Пришелец из тьмы веков — живое свидетельство того, что наша цивилизация далеко не первая на Земле — тоскует по своему миру и создаёт новую расу людей, но они не спешат объявлять о себе остальному человечеству. Ведь они похожи на своего создателя, который, в свою очередь, слишком уж смахивает на мифических вампиров.

Никотан талантлив и умён, а ещё он бессердечен и крайне жесток. Ведь породившая его цивилизация сродни цивилизации ацтеков, чьи кровавые правители ни во что не ставили жизнь своих подданных.

КНИГА ПЕРВАЯ

Колыбельная для вампиров

Часть II

Жёлтая жемчужина

— Дорогая, вы просто изумительны! — восторженно воскликнул француз, бросаясь к ногам прекрасной царевны-лягушки. — Я это сразу понял, как только увидел вас в вашей первой ипостаси. У вас такие очаровательные ножки!

И он с сожалением отложил вилку.

Антология вампирских детских сказок

ГЛАВА 12. Как выясняется, социология — крайне туманная наука. А уж в вампирском изложении и вовсе полный бред

Академия. Выдержки из вводной лекции декана факультета социологии профессора, доктора социологии и политолога Макса Пола Беккера, Старшего лорда клана Волка.

— Mesdames et Messieurs, Bonjour à toutes et à tous[1]! Я буду читать вам лекции по такому предмету, как социология. Не нужно заранее расстраиваться. Социология — не столь уж заумная наука. К тому же курс будет сокращённым, поскольку собственной социологической базы у нас ещё не наработано. В основном, мы будем изучать социологию человечества. Как зачем? Врага нужно знать, как говорится, в лицо и уметь им управлять, чем мы с вами и займёмся.

Хорошо-хорошо, не надо так шуметь! Что вы хотите у меня узнать? Давайте всё-таки не хором.

Мадемуазель, вам слово!

Да, в Академии разрешена регистрация брака студентам.

Да, вы можете отпраздновать это знаменательное событие не только в узком кругу, но и договорившись с администрацией, которая ведаёт ресторанным делом в Академии.

Всё просто, вам нужно согласовать время банкета и порядок проведения церемонии. Ну и прочее, что сопутствует свадебным торжествам.

Новобрачным можно не беспокоиться об оплате, а затраты Академии будут компенсированы вашими кланами. Они оплатят всё, включая стоимость нарядов жениха и невесты. Правда, в эту сумму не входят драгоценности. В общем, сумма кредита не бесконечна, но достаточно велика, чтобы ваш праздник был действительно праздником, как он того и заслуживает.

Вы правильно поняли, обручальные кольца вы приобретаете из собственных средств.

Да, при желании вы можно заказать наряды для своих гостей.

При превышении выделенного лимита, вы вернёте своим кланам разницу в перерасходованных средствах.

Нет, проценты с этой суммы не взимаются, она даётся вам на условиях беспроцентного займа.

Да, возможно. Тише! Что за странная реакция? Кстати, у нас нет дискриминации в отношении однополых браков. Официально всё оформляется точно также, включая сумму кредита на проведение свадебного торжества.

Нет, сроки брачных контрактов мы не ограничиваем. Это только ваше личное решение.

Тем не менее мы поощряем тех, у кого контракт больше десяти лет. На территории Академии на время учёбы таким парам предоставляется отдельный коттедж, естественно, в порядке очереди. Купол не резиновый и со строительством здесь особо не развернёшься.

В общем, дамы, прочие животрепещущие вопросы того же плана вы можете прояснить для себя в хозчасти Академии, а теперь дадим слово мужчинам.

Итак, месье, что бы вы хотели безотлагательно узнать?

Пока не могу ответить утвердительно. Турниры на мечах будут, но сначала это начинание должен утвердить совет Академии. Во всяком случае, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы его приняли. Это я вам твёрдо обещаю.

Нет. Стихийные поединки запрещены. Занятия с холодным и огнестрельным оружием вам разрешены только в кружках, под присмотром инструкторов, и во время общевойсковой подготовки.

Нет, первоначально девушки будут заниматься отдельно от вас. У них несколько иная конституция организма и наша подготовка её учитывает.

Не переживайте, месье, хорошо подготовленная девушка запросто навешает вам оплеух, тем более что их подготовка учитывает использование слабых мест мужчины.

Ваша — нет. Молодые люди, нужно оставаться джентльменами даже в рукопашной с дамами.

Да, мадемуазель! Последний вопрос и давайте на этом закончим наше лирическое отступление.

Увы, дорогая! Я уже женат и не скажу, что к сожалению. Тем не менее, спасибо за столь лестное предложение.

Нет, надеяться абсолютно не на что. В ближайшие сто лет я точно не собираюсь разводиться. У нас с женой пожизненный контракт, если вам такое обстоятельство о чём-либо говорит.

Я рад, что о многом. Чтобы окончательно закрыть вопрос, сообщаю, что я абсолютно счастлив в браке.

Всё, господа! На сегодня достаточно отвлечённых сентенций. Приступим к занятиям.

Для начала давайте я приведу определение того, что наша наука изучает. Термин «социология» в середине 18 века ввёл Огюст Конт и состоит он из двух слов: *societas*, что в переводе с латинского означает «общество», и *logos*, что в переводе с греческого языка означает «учение». Таким образом, социология — это наука об обществе, как целом социальном организме. У человечества к концу 20 века социология превратилась в сложно структурированную науку. Появилось множество обособленных подразделов социологии, занимающихся различными проблемами общества. От попытки вывести общие законы для всего общества в целом, человечеству пришлось отказаться, ввиду невозможности учесть весь спектр воздействий и взаимовлияний в обществе. Тогда люди пошли по более простому пути: они попытались выделить и исследовать основные группы. В связи с чем, появились макросоциология и микросоциология, общая и прикладная социология, теоретическая и эмпирическая социология, а также различные направления и школы. Но, как говорится, дальше в лес — больше дров. Вскоре появились социология труда, социология образования, политическая социология и так далее. Короче, люди, отчаявшись вывести общие законы, по которым развивается общество, стали исследовать частности.

Мы опустим часть ненужных нам исследований и подробно разберем всё то, что, по мнению господина Говарда Беккера, является наивысшей ролью социологии. По его

разумению, она заключается в умении предсказать дальнейшее развитие событий и по возможности управлять ими и через них всем сообществом на определенных этапах его развития. Я с ним полностью согласен в этом вопросе. В качестве инструмента возьмём за основу идеи Макса Вебера. Это немецкий социолог, философ и историк, а ещё он один из основоположников социологии, как науки. Главной идеей веберовской социологической философии была идея экономической рациональности.

По Веберу: в обществе так складываются взаимоотношения, что и религия, и управление, и хозяйственные взаимосвязи — всё это подчинено рациональности, зачастую, вопреки индивидуальным стремлениям отдельного индивида...

...Мы с вами долго говорили о социологии людей, конечно, у расы вампиров есть общие с человечеством тенденции в развитии общества, но есть и существенные отличия. Они возникли как следствие отличий, возникших в нашем организме. Нам присуща большая тяга к клановому устройству общества, а тесные семейные связи поддерживаются практически без привлечения традиций, как это принято в человеческом обществе.

Наши внутрисемейные связи являются следствием вампирской ментальности, то есть взаимосвязанности эмоций всех членов вампирской семьи через их общее семейное эмпатическое поле. Помимо этого, вся наша раса взаимосвязана друг с другом через общую для всех, в том числе и для людей, ноосферу. Эта связь, конечно, гораздо слабее внутрисемейной, но она есть, и никто из нас не может быть из неё исключен.

Итак, мы являемся более спаянным сообществом, чем остальное человечество. Тем не менее это не исключает конфликтов в нашей среде. К счастью, они не носят столь острого характера, как у людей.

Я веду к тому, чтобы вы вместе со мной могли сделать вывод о том, что, несмотря на более агрессивный типаж отдельного индивида, в целом наша раса, раса вампиров, является более спокойной, более монолитной, более устойчивой общественной формацией, чем любое человеческое сообщество. К тому же наша сплочённость увеличилась благодаря поголовному высшему образованию. За что мы должны поблагодарить нашего бессменного кормчего, главу Совета старейшин Михаила Палевского. Как библейский Моисей, он вывел нас из тьмы невежества, и направил к сияющим вершинам всеобщего мира и благополучия. Понимаю, звучит несколько высокопарно, но, как говорят русские, из песни слов не выкинешь.

Да, с этого семестра все лекции в Академии будут читаться только на русском языке. Ничего страшного! Привыкайте к языковому многообразию новой родины.

Мари. Любовь — не всегда подарок, а зачастую, как раз наоборот

В Петербург мы прилетели днём и приземлились в Пулковое. Наш самолёт, который в камуфляже выглядел как обычный самолет чартерного рейса, прокатился по бетонной полосе аэродрома и остановился.

Выйдя из аэропорта, мы всей толпой направились к автобусам, присланным из штаба Клана Волка. Там нас ожидали распределения по местам будущей работы в соответствующих службах.

Славно выспавшись, я чувствовала себя превосходно, и настроение было под стать, то есть просто замечательное. От ночной усталости не осталось и следа.

«Ау, родители! Я уже дома и страшно по вам соскучилась!» Я поискала в сумочке мобильник. Ну, как всегда! Под руку попадалось всё что угодно, кроме телефона. Но терпение и труд всё перетрут... Блин! Без труда не вынешь рыбку из пруда... Так! Тут и у

святого терпение лопнет!.. Спокойствие, только спокойствие. Терпи, казак, атаманом будешь... Да что б тебя!.. Фух! Слава богу!

Рени отозвалась мгновенно, как будто ждала моего звонка.

— Здравствуй, детка! Ну наконец-то! У тебя всё в порядке?

В мягком голосе моей вампирской матушки прозвучала такая неподдельная забота, что у меня мгновенно потеплело на душе.

— В полном. Привет, Рени! — воскликнула я, услышав столь долгожданный голос в трубке. — Не беспокойся, родная, мы долетели совершенно нормально. Да и что может приключиться с таким-то чудом техники? Зверь, а не машина.

— Думаю, после полёта ты, как обычно, голодна. Давай встретимся в аэропорту, и пообедаем в каком-нибудь приличном ресторане.

— В «скате» ни капельки не укачивало, так что поверь, я не умираю от голода.

— Слава богу! Кстати, техника техникой, но я переживала за тебя. Знаешь ли, надёжность такой махины не выше надёжности самой крошечной детали...

— Так-так! Я-то знаю, нам читали теорию надёжности в Академии. Вот только не пойму, откуда у тебя столь глубокие познания в технике? Рени, ты же экономист по специальности, — сказала я со смехом. — Опять какие-нибудь ужасы обсчитывали на работе? Что на сей раз? Количество аварийных ситуаций на воздушном транспорте? И не ври мне, что это не так.

— Замечательно, что ты у меня теперь такая образованная, дорогая. Но я тоже «не лаптем щи хлебала» и кое-какое образование, помимо экономического, у меня тоже имеется, — с наигранной обидой ответила Рени и тут же созналась: — Ну, да! Мы только что обсчитывали частоту столкновения в воздухе наших самолетов с метеоспутниками и прочей ерундой, запускаемой в космос чёртовым человечеством. К счастью, трагических случаев мало, но их кривая растёт год от года, вот я и подумала, в общем, тьфу-тьфу! чтобы не сглазить... Мари, что за дела? Сколько раз я просила, не называй меня по имени, а зови мамой.

У меня в горле встал комок. «Спасибо, Господи, за такой благословенный подарок, как моя вампирская матушка», — растроганно подумала я, но усилием воли взяла себя в руки.

— Опять ты за своё? Мой хороший, сама подумай! Как я могу называть тебя мамой, когда мы выглядим ровесницами?

— Неслух! — капризно перебила меня Рени и театрально вздохнула. — По возрасту я намного старше тебя. Думаю, это уже сказывается на внешности.

Она снова вздохнула. Вот ведь вымогательница!

— Ну хорошо, как старшая сестра, — пошла я на компромисс. — Всё равно народ на улице, слышав слово «мама» из моих уст по обращению к тебе, шарахается от меня, как от прокажённой, или думает, что у некоторых не все дома.

— Ну, не скажи, детка. Если и шарахаются, то далеко не все. Помнишь ту экстравагантную дамочку с ядовито-красными волосами? Она долго приставала ко мне, уговаривая раскрыть секрет, где делают такую чудодейственную пластику.

— Вот-вот, тебе смешно, а я страдаю.

— А я приготовила торт из мороженого! Между прочим, ассорти, как ты любишь.

— Не подлизывайся, садистка, — улыбнулась я и поинтересовалась: — Приготовила торт, значит, заказала его в Метрополе?

— А вот не угадала! Он на самом деле домашний, а вот *кто* его приготовил — это

сюрприз.

— Гляди-ка, что творится. Надеюсь, что торт хотя бы съедобный.

— Гарантирую, что некоторых будет за уши не оттащить. Передавай привет Соне с Иваном, и скажи, что их я тоже захвачу. Итак, я еду. Жди меня, детка...

— Не-не-не! Не вздумай! Сейчас нас всем скопом тащат в штаб ОК — на распределение. Вот получу государственную индульгенцию с отпущением грехов и сразу же домой... Ой, забыла! Мика дома?

— Шутишь? Он, как всегда, в разъездах. Занят выше крыши и по-прежнему разрывается между Советом старейшин и своим институтом генетики. Скоро будет днество, и ночевать либо в самолётах, либо в лаборатории, — ответила Рени с нешуточным расстройством в голосе. — Ладно, ребёнок, не бери в голову! Так-то у нас всё нормально. Позвони мне, когда освободишься. Я обязательно заеду за тобой.

— Хорошо, татап, пока!

— Вот видишь, как несложно сказать мне приятное. Заметь, что даже язык у некоторых не отвалился, — растрогалась Рени, услышав моё подлизочное обращение. — Целую! До встречи, детка.

В трубке раздалось эхо звучного поцелуя, и запищал сигнал отбоя. Я с сожалением посмотрела на замолчавший мобильник и набрала номер отца, но его трубка оказалась вне зоны приёма. Без особой надежды на успех, я попробовала ментальный вызов. Пардон, телепатический. Несмотря на то, что нас в Академии неустанно ругали за неправильное использование терминов, народ упорно пользовался словом «ментальный» вместо «телепатический». Как и следовало ожидать при занятости Мики, он и не подумал отозваться. Я вздохнула. Что ж, на нет и суда нет и подмигнула подошедшему Ивану.

— Судя по твоей довольной физиономии дома у вас всё в порядке, — сказал он.

— Да, в полном. Рени рвалась приехать за нами в аэропорт, еле отговорила. Мика, как всегда, болтается в разъездах, вот она и киснет. Что поделаешь, он у нас занятой товарищ. Как там говорится у вас, русских? А, вспомнила! Стахановец-многостаночник! А твои как? У вас дома всё в порядке? Чего ты такой нерадостный?

— Что им сделается? Цветут и пахнут. И я счастлив, как никогда, — ответил Иван, впрочем, без особой радости в голосе. — Ты не поверишь, наконец-то, удалось сплавить замуж сестрицу Алёнушку. Ну что ты ржёшь? Только попробуй сказать дурацкое: «Иванушка, не пей из копытца, а то козлёночком станешь!» Сама сейчас в ближайшей луже окажешься.

Всё же я не выдержала и хихикнула.

— Вот-вот! Делаете из меня дурака, — сердито произнёс мой умница-приятель. — Уже достали по самое некуда. Дома только и слышишь: либо «Ванька-дурак, чтоб тебя черти взяли», либо «Ванечка, свет мой солнышко, скажи да всю правду доложи», в зависимости от того, кому что нужно. Так бы и прибил всех под горячую руку.

— Солнце моё, никто не виноват, что Иванушка-дурачок главный герой русских народных сказок. Не злись, Ладожский, твой тёзка хоть и не очень умный, но красавец и жуткий везунчик по жизни. Дурак-то он дурак, но всё же ему достаётся: и царство, и царевна и в любовницы — королева.

— Не придумывай! Мой тёзка — парень порядочный и в порочащих связях не был замечен.

— Ну да, не пойман — не вор. Отсюда напрашивается логичный вывод, что русский

Иван отнюдь не дурак.

Ладожский снисходительно потрепал меня по голове. Вот гад! Терпеть не могу, когда он так делает и он это прекрасно знает. Ишь, расплылся и физия, гляди-ка, какая довольная.

— Ну-ка, лапы прочь от моей стильной причёски!

— Не переживай, Машунь! Твою стильную причёску уже ничто не испортит, даже ураган. Эх, всё-таки жаль, что Алёнка уехала. Хотя она та ещё заноза в заднице, мне её будет не хватать, — Иван перестал улыбаться и с расстройством потянулся к затылку. — Опять дома никакого покоя! Придётся в своей комнате отсиживаться.

— Ври больше! Раз Алёнка вышла замуж, теперь ты один будешь жить с родителями. Во всяком случае, постоянно. Все остальные твои родичи бывают только наездами. В последний раз, когда я заходила к вам, Вера Дмитриевна плакалась мне, что жутко скучает по вам, паразитам. Говорит, что вы ни звоните, ни пишете. Одна радость от вас — это открытки, да и те по великим праздникам. А уж как она радуется, когда все съезжаются! Она так боится, что и ты захочешь отделиться и оставишь их одних с Александром Павловичем.

— Вот нечего глядеть на меня, будто я последний изверг. При случае можешь успокоить родителей, я не собираюсь от них съезжать. А вот насчёт того, что на сегодняшний день я один в родительском доме, ты ошибаешься. Из-за дня рождения Гошки столько народу понаехало, что негде плюнуть, — вопреки собственным словам, глаза Ивана заблестели радостью. — Представляешь, припёрлись все, кроме самого именинника. Этот гад позвонил родителям и сказал, что до сих пор не знает, сумеет ли он вырваться домой или нет. Всё равно я приглашаю тебя к нам в субботу, будем праздновать его день рождения и моё окончание учебы. Придёшь?

— Конечно! Ещё спрашиваешь. Повезло тебе, Ладожский! У тебя столько родичей, аж завидно.

Иван вздохнул.

— Нашла чему завидовать! Думаешь, легко выслушивать постоянные нравоучения?

Дело в том, что у Ладожских очень большая и дружная вампирская семья, а мой приятель самый младший из всех своих братьев и сестёр. Потому в семье с ним носятся не меньше, чем Рени со мной, своим единственным ребенком. Бывает, что Ивану достаётся, особенно от сестричек. Но они теребят его любя, а случись что, тут же горой встают за младшенького, и тот бессовестно этим пользуется. Сама была тому свидетелем, как он использует сестёр в качестве щита, когда кто-нибудь из братьев катит на него... как это по-руски? А вспомнила, бочку!

Раньше, дойдя до полного озверения от постоянного вмешательства родичей в его жизнь, Иван частенько удирает из дома и отсиживался у меня. На следующий день к нам приходила Вера Дмитриевна — как правило, вся в чёрном: шляпка, платье, туфли, причём все вещи исключительно дизайнерские — и начинала терроризировать Рени. Сев в гостиной, она изящным жестом доставала из сумочки кружевной платочек и, периодически прикладывая его к сухим глазам, с трагическим выражением на лице вопрошала мою мамушку, что она делает не так, если её любимый сын предпочитает чужую семью собственной. Мол, она понимает, что не может уделить ему столько внимания, сколько Рени своей единственной дочери.

Пока моя мамушка с выражением кошачьего долготерпения выслушивала её жалобы на детей, подозрительно похожие на похвальбу, я давилась смехом, наблюдая за этим цирком, а Иван всё больше заводился. Наконец, не выдержав, он выходил из укрытия и начинал

пространно извиняться за доставленное беспокойство. Рени уверяла его, что это не так, а Вера Дмитриевна тем временем спокойно допивала чай, а затем вставала и с королевским видом благодарила нас за гостеприимство. После чего она, не оборачиваясь, шла к дверям и мой приятель, как провинившийся щенок, тащился следом за ней. Ну а Рени после ухода Ладожских шла в спортивный зал и начинала избивать ни в чём не повинную грушутренажёр.

В общем, Вера Дмитриевна та ещё стервова, но я её люблю. Когда я прихожу к ним домой, она встречает меня с таким искренним радушием, что я прощаю ей Рени. Дай ей волю, так матушка Ивана закармила бы меня до колобкового состояния и, вообще, с удовольствием оставила бы в своей семье: если не в качестве невестки, то хотя бы приёмной дочери. Что очень соблазнительно, ведь жизнь в их доме просто бурлит ключом. Братья и сестры Ладожские — народец очень охочий до всяких выдумок и проказ, и когда их семейка в сборе, там царит буйное веселье. Временами оно даже переходит в нешуточные потасовки.

Правда, теперь Ладожские пребывают в постоянных разъездах и редко собираются вместе.

«Эх, везёт же некоторым!» — подумала я, как всегда по-хорошему завидуя тем, у кого большие семьи.

— Страдалец! А так-то всё в порядке? Алёнка хоть счастлива? — поинтересовалась я.

— По-моему, да. Во всяком случае, когда она звонила мне, то буквально захлёбывалась от восторга. Всё рассказывала, какой у неё муж-лапочка и чуть ли не приносит по утрам в зубах тапочки. Чёрт! С расстройства даже в рифму заговорил.

— Ничего, стихоплётство — проходящее заболевание. А за кого её угораздило выскочить? Я его знаю?

— Вряд ли, — ответил Ладожский. — Пару лет тому назад сестричка своего гордого орла подбила где-то в командировке на Кавказе. С тех пор он прочно сидит у неё на привязи. А теперь ещё и окольцевала беднягу, лишив его последней свободы.

— Да, ну? Кажется, я видела этого несчастного орла. Насколько я припоминаю, парень с такой преданностью заглядывал Алёнке в глаза и так рвался выполнять её поручения, что свою неволю, по-моему, он встретил с величайшим восторгом.

— Дай-то бог, если так.

— Уверена, что так оно и есть. Идём скорей в автобус, а то нам достанутся места в самом хвосте и на них, как всегда, усядется куча народа, а я терпеть не могу толкучки.

Из двух присланных за нами автобусов мы с Ладожским усаелись в головной, но Беккер почему-то не захотела ехать вместе с нами. Она заглянула в салон нашего автобуса, махнула нам и упорхнула прочь. Я покосилась на Ивана, но выяснять, что всё это значит, не стала. Хотя странно, вроде бы они к концу полёта больше не шипели друг на друга и довольно мирно чирикали, усевшись рядышком. Периодически оба многозначительно поглядывали в мою сторону, чем вскоре начали действовать мне на нервы.

Наш автобус тронулся с места и, периодически застревая в пробках, выехал сначала в новостройки у метро «Купчино», а затем помчался по Московскому проспекту. Я сидела у окна и поначалу смотрела на город, в который мы переехали в прошлом году. Но вскоре мне это наскучило. Новостройки Санкт-Петербурга, которые Ладожский называет спальными районами, абсолютно безлики. Конечно, они уже не производят на меня такого ужасного впечатления, как это было сразу после переезда. В городе появилось много новых домов, правда, он от этого не сильно выиграл. У так называемой совковой стройки... нет,

правильно застройки, была хоть какая-то оригинальная физиономия, пусть и мрачная. А сейчас на улицах полная безвкусица — как говорит мой приятель, ни кошельку, ни сердцу.

Особенно жаль центральную часть города, погребённую под кучей дурацких вывесок, которые совсем ей не подходят. Тем не менее благородная красота старого Санкт-Петербурга ещё чувствуется в его узких спокойных улочках, отходящих от центральных магистралей, до отказа забитых транспортом. По-моему, старый город и «спальные» районы разнятся примерно также как старинное кресло из музея и дачные стулья из пластика. Вроде бы и то и другое предназначено для одной и той функции, но, как говорили наши ребята-одесситы, какие две большие разницы!

Вздыхнув, я отвернулась от окна. Тем более что меня заинтересовали странные маневры приятеля. Периодически я ловила на себе его оценивающий взгляд. Заметив, что я на него смотрю, он тут же отводил глаза. Наконец, мне надоело гадать, что это значит.

— Ладожский!

— А?

— В чём дело?

— Ты это о чём?

— О том, что ты строишь мне глазки. Ладожский, не надо! Я не хочу пасть жертвой Сониной ревности.

— Извини, не знаю, как тебе сказать... — смущённо начал Иван.

«О! Неужели, кто-то нашкодил и не решается напрямую признаться Беккер?» Повернувшись к приятелю, я поощрила его взглядом. Не-а, молчит как партизан! Да что с ним такое? И физиономия какая-то подозрительная — будто он хочет предложить мне что-то неприличное.

— Выкладывай! — потребовала я.

Ладожский ещё немного поломался.

— Знаешь, хочу попросить тебя о помощи в одном деликатном деле... — сказал он, не глядя на меня.

— Да не тяни ты kota за хвост! В чём проблема?

— Ну конечно в Соне! — выпалил он.

«Тоже мне новость!» — хмыкнула я.

— Ну и? Переспал, что ли, с Исабель и теперь боишься, что Беккер узнает? — спросила я, максимально понизив голос.

Ладожский эдак свысока глянул на меня.

— Стал бы я беспокоиться из-за таких пустяков.

Я вытаращилась на приятеля, а ему хоть бы что — совести ни в одном глазу. Вот ведь наглая морда! Лично я на месте Беккер убила бы за такие «пустяки». Может, мне самой прописать ему ижицу?.. Нет, хватит! Пусть ищут себе другой громоотвод, а я — пас.

— Вань, ты совсем дурак или с просветами? Я-то чем могу помочь? — спросила я скучным голосом и пошла напролом. — Насколько я поняла из путаных речей Беккер, она снова по уши втрескалась. На этот раз в какого-то спецназовца с дурацким именем Ник.

«Причём редкостного козла», — добавила я про себя и затылком ощутила чей-то недобрый взгляд. Ладожский после моих слов обернулся и на кого-то глянул в салоне автобуса, но я не придала этому значения. И зря, как выяснилось впоследствии.

— Вот скажи, чего ты от меня ждёшь? Что бы я за хвост оттаскивала Соньку от предмета её обожания? Сам знаешь, что это пустое дело. На настоящий момент будь ты хоть

Суперменом и, вообще, кладезем всех мужских достоинств, ей всё равно. Она сходит с ума по этому уро... Нику. Подожди, скоро блажь пройдёт и всё вернётся на круги своя. Ведь так бывало уже не раз. Беккер у нас — натура увлекающаяся. А если невмоготу ожидание, переключись пока на Исабель... ах да, она же не наша... ну или другую девицу, тебе же не привыкать.

— Машка, подожди, не таракти! Я же не зря обращаюсь к тебе, кое в чём ты можешь помочь. Пожалуйста, отвлеки Реази от Сони, — тихо попросил Ладожский.

— Сколько раз тебе говорить, не зови меня Машкой, доморощенный ты Макиавелли! — ответила я, недовольная тем, что в этой истории мне отводится неблагоприятная роль подсадной утки.

По правде говоря, я не хотела связываться со странным поклонником Сони. Даже в шутку.

— И вообще, я с никаким Реази не знакома, — добавила я, хотя догадалась, что это фамилия Ника.

— Не ври! Соня сказала, что познакомила вас на выпускном балу, — тут же подловил меня Ладожский и снова склонился к моему уху. — Мне кажется Реази больше смотрит на тебя, чем на Беккер, иначе я не просил бы тебя о помощи... Ну, пожалуйста!

Стараясь не поддаваться на его дурацкую просьбу, я упорно глазела в окно.

— Да? Что-то я не заметила страстных взглядов с его стороны. Думаю, ты ошибаешься, — попробовала я отбрыкаться.

Как назло, перед моим мысленным взором тут же возник Сонин поклонник и я зябко передёрнула плечами. «Конечно, если не считать за знаки страстной любви кучу презрения во взглядах, которыми он меня одаривал». Стоило только представить себе физиономию Ника и в душе всколыхнулась сильнейшая неприязнь. После того, что он наговорил мне на выпускном, до ненависти ещё не дошло, но если мы снова встретимся и этот гад продолжит в том же духе, то запросто.

— Мари! Уверен, что ему нужна именно ты, потому он прицепился к Соне.

— Ладожский! — я возмущённо посмотрела на приятеля. — Неужели трудно понять, что мне он не нравится, причём настолько, что я не хочу иметь с ним никаких дел?

— И не нужно! Я прошу тебя только об одном, отвлеки его на какое-то время от Беккер и всё!.. Не хочу, чтобы она всерьёз восприняла ухаживания Реази, а потом страдала. Мари, будь другом! Проси что хочешь, я всё для тебя сделаю!

Иван не спускал с меня молящих глаз. Раньше поклонники Сони настолько его не задевали, но я его понимаю. Ник — особый случай, потому постаралась не заводиться.

— Ладно, гад ты эдакий, — заметив, что соседи наострили уши, я по максимуму понизила голос. — Предположим... только предположим, понял? что ты прав, и этот стервец действительно положил на меня глаз — во что я, заметь, ни на йоту не верю. Тогда скажи, отчего этот безумно мной очарованный Реази вьётся около моей подруги? Вот про ревность не надо! Чтобы она появилась, сначала надо дать знать мне, что ему нравлюсь именно я, а не Соня.

Я победно улыбнулась. «Так-то, месье Ладожский! В ваших предпосылках нет ни кванта логики, значит, ваш вывод неверен».

— Это тебе не задачка по математике, — сказал раздосадованный приятель.

— Ну да, это элементарная логика. Не паникуй, всё образуется, — попыталась я его успокоить.

— Ладно, проехали, — буркнул он. — Не хочешь, не надо. Я тебя не заставляю. Просто думал, что ты мне действительно друг.

Вот ведь поганец! Спрашиваешь, друг ли я тебе? Ну, а ты мне? «Будь ты мне настоящим другом, то знал бы, что я люблю Тьена и не хочу, чтобы ему донесли, что я строю глазки другому», — обижено подумала я.

В общем, моё нежелание обольщать Ника Реази было столь велико, что я пошла на рискованную авантюру. «Ладно, Ладожский! Сейчас проверим, какие мы друзья», — мелькнуло у меня в мыслях, и я всем корпусом развернулась к приятелю. Идея, конечно, дурацкая, с другой стороны, что уж греха таить, меня уже давно подмывало это сделать.

— Во-первых, не понимаю, зачем мне вообще охмурять Реази. Он же из клана Ягуара и вряд ли появится в наших местах. Во-вторых, каким образом я буду его охмурять? По скайпу? Или мне завязать с ним роман в письмах? В общем, нефиг придумывать всякую ерунду и накручивать себя без причины. Знаешь что, друг мой ситный, кстати, я правильно выразилась? — спросила я и кокетливо хлопнула ресницами, когда приятель насторожённо кивнул. — Спасибо, Иван! Ты мой бессменный консультант по русской речи... О! — выдохнула я, округлив губы, и сняла невидимую пушинку с ресниц. — Что-то попало в глаз. Mon cher ami[2], на чём я остановилась? Ах да! Если ты так жаждешь втянуть меня в свои отношения с Беккер, то у меня есть другое предложение.

Я прищурила глаза и, подавшись к Ладожскому так близко, что он шарахнулся от меня, приторно улыбнулась.

— Mon cher[3], почему бы тебе самому не поработать библейским змием и не приударить за мной? Думаю, Беккер враз опомнится и перестанет шарахаться от тебя к другим.

Конечно же, я ещё не сошла с ума, чтобы портить отношения с лучшими друзьями, просто надеялась, что Соня поймёт, что это была шутка и ничего более. Но, как говорится, мы полагаем, а бог располагает.

И всё же я была уверена, что наша дружба выдержит такое пустяковое испытание, — ведь мы: я, Соня и Иван знакомы практически всю нашу жизнь. Естественно, жизнь вампирскую, что было до инициации никто из нас не помнит.

В моём знакомстве с Ладожским нет особой интриги. Просто, сколько я себя помню, наши семьи всегда жили поблизости. Ну а в Петербурге совсем просто, здесь мы живём вообще в одном доме, эдаком симпатичном особняке в шесть этажей и с подземным гаражом. Ладожский зовёт наш дом общежитием, а по мне так обычный кондоминиум.

На первом курсе в Сорбонне мы с Иваном как-то сели рядом и разговорились, а затем договорились вместе пойти домой. По дороге мы заглянули в кафе и славно поболтали за жизнь. С той поры Ладожский, когда ему позволяли занятия, составлял мне компанию. Видимо, ему грело душу то обстоятельство, что он может общаться со мной без риска заполучить себе ещё одну навязчивую поклонницу. Ну а я в то время, естественно с подачи отца, начала учить русский язык и живой разговорный был мне очень хорошим подспорьем. В общем, мы крепко сдружились с Ладожским, и частенько проводили время вместе. Вместе ходили в кино и на концерты, просто гуляли, ездили на семейные пикники, которые устраивала Вера Дмитриевна и которые я обожала, потому что там было очень весело. Незаметно для себя я прикипела сердцем ко всей их семейке. В общем, я очень уважаю Ладожского, и не только за недюжинный ум — мой друг душа-человек, а ещё за ним как за

каменной стеной. Если бы не их взаимная симпатия с Соней, то кто знает. Может быть, я попыталась бы перевести наши отношения в другое русло, а так он для меня табу. Ну а с выпускного бала вообще всё кардинально поменялось, Тьен для меня теперь всё — единственный свет в окошке. Правда, и Соня Беккер тоже.

Соня Беккер. Сонечка — моя любимая подруга, которая временами злится, когда я так её называю. «Зай, у тебя что, гарем из подруг?» — сердится она. Что я могу ей на это ответить? Только то, что она мне как сестра и даже ближе. Ведь близкие по крови не всегда близки по духу.

На самом деле Соня Беккер — это мой ангел-хранитель. Вот так! Не больше и не меньше.

Наше с ней знакомство — особая история. Впервые мы встретились во время моей вампирской инициации. В период адаптации всем фениксам приходится не сладко, но со мной творилось нечто невообразимое. Отчего-то мне было так плохо, что наставники всерьёз решали вопрос: подождать ещё немного или добить из жалости, чтобы не мучилась. Ошалевшая от невыносимой боли, я сутками напролёт стонала в больничном изоляторе. По мере сил я старалась контролировать себя и не орать, но силы-то не бесконечны. Спать я не могла, есть — тоже, выворачивало от всего, даже от крови. В общем, дойдя до ручки, я уже мечтала умереть и, корчась в конвульсиях, выла в полный голос.

И вот однажды, сквозь пелену запредельной боли ко мне пробился чей-то голос, умоляющий потерпеть ещё немного — мол, скоро меня отпустит и всё будет хорошо. Я зацепилась за него, как утопающий за якорь, и открыла глаза. Мне даже удалось сфокусировать взгляд, и я узрела прекрасного ангела. Вокруг его головы сиял золотой нимб, а в небесно-синих глазах светилось такое искреннее сочувствие, что во мне проснулась надежда. «Помоги!» — прохрипела я и ангел, взяв меня за руку, приблизился. «Пей!» — сказал он и, откинув волосы, подставил мне шею.

Со стороны Беккер это был не просто опрометчивый шаг, это было смертельно опасно. Всё равно, что кролику войти в клетку к голодному тигру. Фениксы — существа не только неконтролируемые, они ещё жутко прожорливые. В общем, Соне повезло, наставники вовремя вырвали её у меня, а то бы я выпила её досуха.

Другая бы до смерти испугалась, а Беккер хоть бы что. На следующий день она снова ко мне заявила и уже с предосторожностями снова напоила меня своей кровью. Да и я была уже не в столь безумном состоянии и старалась контролировать свою жажду. С той поры я пошла на поправку, и Соня уже целыми днями просиживала рядом со мной, болтая о всяких пустяках.

Вот такая она, моя любимая подруга, и я пойду за неё хоть в огонь, хоть и воду. Потому если мне скажут: «Выбирай, кого спасать: Соню или Тьена», то я умру, но спасу их обоих.

Ладожского я тоже люблю, потому терплю роль няньки в их бесконечной love story. Естественно, я на стороне подруги. А нечего было некоторым ломаться и строить из себя недотрогу! Вот фиг ли ещё нужно, когда такая девчонка бежит за тобой? Ведь Беккер у нас красавица-блондинка, причём в Васнецовском стиле. Она хоть и невысокого росточка, зато грива роскошных, пшеничного цвета волос достаёт ей аж до попы. И глаза у неё синие-пресиние, как васильки в поле. В общем, Сонька — настоящая русская красавица, поди таких ещё поищи! И поклонников у неё тьма-тьмуца. И хотя Беккер любит напустить на себя неприступный вид, народ её обожает, — ведь она сама доброта.

Правда, и Ладожский таков, что за ним стоит побегать. Матушка-природа щедро его

одарила. Мой приятель — редкая умница. Незря ему прочат карьеру аналитика в штабе Объединенных кланов. Ведь его прогнозы в политике и экономике уже в Академии стали пользоваться спросом. Поговаривают, что даже Совет старейшин с ними считается. А ещё Иван красив, как бог, и временами я не понимаю Соню. Если она и дальше будет отвергать его ухаживания, то добром это дело не кончится. Вон Исабель весь последний год в Академии доставала Ладожского по полной программе. Между прочим, очень красивая и темпераментная девица. Одно время мне даже казалось, что он дрогнул под её натиском. Счастье, что она не из нашего клана. В конце концов, пламя любви гаснет, если в него не подбрасывают дровишек. Тем более наш приятель — это такой соблазн: и умён, и красавец. Неотразимое сочетание качеств в мужчине. Раньше до Тьена, я и сама могла бы в него влюбиться. Даже не знаю, почему этого не произошло. Мы так много времени проводили вместе, тем не менее между нами ничего не вспыхнуло.

Понять взаимоотношения моих самых близких друзей не просто. Вроде бы они встречаются, — причём сразу видно, что Иван настроен серьёзно, а Соня вроде бы и не считает, что связана какими-либо обязательствами. Поэтому она совершенно спокойно может позволить себе увлечься другими парнями. Но все её загулы, как правило, совершенно безобидны и дальше лёгкого флирта дело не идёт. Думаю, Иван для неё по-прежнему очень значим, но такие вот выверты, как последний с Ником Реази, вполне в её духе. Причём, как только кто-то из девиц начинает вплотную заниматься её бессменным рыцарем, Соня решительно пресекает их поползновения и ревнует неимоверно. Например, как-то она обнаружила у Ладожского мягкую игрушку, подарок от Исабель. Что тут было! Соня закатила знойной брюнетке грандиозный публичный скандал, со швырянием ей в лицо злосчастного медвежонка. За своё безобразное поведение она схлопотала трое суток ареста с отсидкой в карцере, и две недели общественных работ, но ни капли не раскаивалась в содеянном. По-моему, она без ума от Ладожского, но не хочет в этом признаваться даже самой себе.

И поскольку в love story друзей я сбоку припёка, то временами моё терпение лопається, например, как сейчас. Очень хочется настучать им обоим по головам, особенно Ладожскому. «Так что берегись, ты сам напросился! То же мне, ревнивый Отелло нашёлся! Сейчас я отучу тебя от подобных глупостей, Беккер на радость», — мстительно подумала я.

— Вань, а Вань!.. Нет, ты нос не вороти! Ты слушай, я дело говорю.

— Может, не надо? — страдальчески спросил Ладожский, видимо догадавшись, что сейчас последует.

— Надо, Ваня, надо, — вкрадчиво пропела я и подвинулась ещё ближе. — Что такое, mon cher? Или я ниже твоего уровня запросов и, как женщина, не заслуживаю внимания? — с обидой спросила я и, захлопав ресницами, бурно задыхалась: типа я в таком расстройстве, что аж до слёз.

Ладожский растеряно посмотрел на меня. Уж он-то знает меня как облупленную и понимает, что я его разыгрываю, но всё равно начал медленно, но верно уползать от меня в проход автобуса.

— Прекрати, не сходи с ума! На нас же люди смотрят, — сказал он вполголоса.

— Пусть смотрят, — отмахнулась я, — мне всё равно. Столько лет по тебе страдаю, а ты на меня ноль внимания. Всё Соня да Соня, а я кто для тебя?

— Что ты несёшь? Причём здесь ты и Беккер?

Войдя в роль, я всхлипнула и для полного драматического эффекта из глаз послушно скатились одинокие слезинки. Класс! Талант не пропьешь! А что? Умение плакать, не гримасничая, дано не многим.

— Во и я тебя спрашиваю, причём здесь Беккер? Я первая начала с тобой встречаться и у нас всё было хорошо, пока не появилась она. Разлучница!

К моему великому изумлению, Ладожский выглядел так, будто купился на мой розыгрыш. Когда на его ошеломлённой физиономии проступила краска, я поняла, что перестаралась и решила по-быстрому свести всё к фарсу.

— О, как же я страдаю! — воскликнула и, закатив глаза, театральным жестом заломила руки. — Месье, какой же вы бесчувственный болван! Если вы не ответите мне взаимностью, то я поеду в Китай и утоплюсь там в...

Ладожский не дал мне договорить, в чём именно я утоплюсь. Он сгрёб меня в охапку и притиснул мою голову к груди.

— Пусти!.. Ты меня задушишь! — промычала я, уткнувшись носом в его пушистый свитер, от которого страшно хотелось чихать. Не иначе это подарок Алёнки. Она мастерица на все руки и, кажется, умеет вязать.

— Зато тебе не придётся тащиться в Китай. Как выйдем, сам утоплю тебя в ближайшем водоёме, — пообещал приятель с садистскими нотками в голосе и злорадно добавил: — Видишь ли, она страдает! Нет, Машка, ты ещё не знаешь, что такое страдания...

— Ну-ка, убери от неё руки! — вдруг раздался чей-то знакомый голос, но до меня не сразу дошло кто это.

В следующее мгновение я отлетела к окну, а Ладожского снесло с сиденья.

Спонтанно возникшая драка кончилась также быстро, как началась — вмешались наставники и обездвижили парней. Несмотря на недостаток времени и тесноту автобусного прохода, они всё же успели помахать кулаками. Во всяком случае, на физиономии Ладожского зрел солидный фингал. Когда я попыталась приложить к нему металлическую пудреницу, то приятель так зверски глянул на меня, что я, запричитав: «пardon! pardon!», снова убрала её в сумочку.

В автобусе повисла неестественная тишина, но я чувствовала многочисленные недобрые взгляды, устремлённые на меня. Чёрт! Вот опять из меня сделали крайнюю! Я что ли виновата, что этот придурок Реази, который неизвестно откуда взялся в нашем автобусе, взял и полез в драку? В общем, я понимаю, чего народ злобится, теперь всем автобусом нам предстоит тошнотворное разбирательство у психологов.

Хотя меня так и подмывало обернуться, но я держала себя в руках. Слишком много чести: обращать внимание на всяких придурков. Пусть хоть насквозь просверлит мне спину, я не обернусь...

Да вот ещё!

Мы с Ладожским занимали места во втором ряду, а Ник сидел через проход от нас, ближе к середине автобуса. Оказалось, что он смотрел не на меня, а в книгу. Но когда я обернулась, он поднял голову и ответил мне мрачным взглядом. Реух![4] Я фыркнула и отвернулась.

— Ну, убедилась? — спросил хмурый Ладожский.

— В чём? — отозвалась я и быстро добавила: — Постой, не злись! Вот ты говоришь, что Реази неровно ко мне дышит. Тогда не прояснишь, почему он смотрит на меня как на дерьмо?

— А я откуда знаю? — буркнул Ладожский. — Может, у него такой подход к девицам.

— Да ну? А вот с Беккер он вёл себя иначе, с ней он был сама любезность.

— Звучит так, будто ты ревнуешь.

Я откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза.

— Нет, просто констатирую факты...

— А они упрямая вещь, — перебил меня Ладожский. — Это из-за тебя Реази полез в драку.

Тут он был прав и то обстоятельство, что Ник заступился за меня, никак не укладывалось в моей голове. Уверена, что здесь что-то другое. Клясться не буду, но есть ощущение, что он среагировал на слова, сказанные Ладожским, а не из желания меня защитить. А ещё есть ощущение, что мне знаком этот эмоциональный фон... Проклятье! Только головной боли мне не хватало!.. Слава богу, отпустило!

— Чего сидишь с таким видом, будто по-прежнему сомневаешься?

— В чём? — не поняла я.

Повернувшись, Ладожский внимательно посмотрел на меня.

— С тобой всё в порядке? — поинтересовался он.

— В полном. А что такое? — удивилась я.

— Ничего. Видимо, показалось, — он стянул с себя свитер и с озабоченным видом оглядел его. — Вот гад! Алёнка меня убьёт, когда увидит. Заявит, что мне плевать на её подарки, если я их не берегу.

— Не переживай! — я взяла свитер и проинспектировала его на предмет дыр и распушенной вязки. — Вещи ручной работы тем и хороши, что их легко починить, — заявила я авторитетным тоном, хотя не слишком разбираюсь в вязании.

— Хорошо, если так.

— Попроси, Соню. Одно время она увлекалась вязанием, — предложила я и приятель со вздохом утянул к себе испорченный свитер.

— Как думаешь, что будет, когда Беккер узнает о том, что здесь произошло? — спросил он убитым голосом.

— Да ничего не будет! Не расстраивайся ты раньше времени, — ответила я с уверенностью, которой не ощущала и, не удержавшись, снова обернулась.

Ник был в своём репертуаре и ответил мне очередным злобным взглядом.

Pfut[5]! Вот какого чёрта он здесь делает, если он из клана Ягуара? И почему я не заметила его при посадке в наш автобус? Ну а если поставить вопрос на ребро, то почему он здесь, когда ему полагается быть рядом с Беккер? В общем, куча вопросов и ни одного внятного ответа. Если только признать, что Ладожский прав, а я ошибаюсь.

У меня вырвался невольный вздох, так хорошо день начинался и вот на тебе!

Я отвернулась и, хотя люблю старые районы Питера, без всякого интереса посмотрела на мелькающие за окном городские пейзажи. На душе скребли кошки, и рука сама собой потянулась к золотой лилии. Тьен, отзовись! Любимый, мне плохо без тебя! Я сжала лилию в ладони, и прохлада её гладких лепестков принесла мне успокоение. Ничего, как-нибудь отобьёмся! На Ника наплевать, с Иваном помирюсь. Единственно, кто меня беспокоит это Соня. Если ей напоют, что я вешалась на Ладожского и заодно увела её нового парня, то мне кранты. Боже! Как же я ненавижу сплетников! Ведь так измажут, что потом не отмоешься. Одна надежда, что Беккер им не поверит... А если поверит? Ужас! Вот и где была моя голова, когда я вздумала наказать Ваньку таким дурацким способом?

— Что, уже боишься? Так тебе и надо! — подлил он масла в огонь, и я с расстройства стукнула его по плечу.

— А всё ты виноват! Что ты пристал ко мне с этим Реази?

[1] Леди и джентльмены!))

[2] Mon cher ami — Мой дорогой друг

[3] Mon cher — Мой дорогой

[4] Реух! — Подумаешь!

[5] Pfut — Плевать!

ГЛАВА 13. Вампирская бюрократия в действии. Все бюрократы — гады!

Вампирская диаспора, решившая обосноваться в России, не теряла времени даром. Через офшорные фирмы были загодя куплены производства и недвижимость. И когда настало время переезда руководства, то Палевский после некоторых колебаний выбрал местом основного базирования всё же не Москву, а Санкт-Петербург.

Сюда же, естественно, перебрался и штаб Объединённых кланов, который выстроил для себя современный комплекс, состоящий из нескольких зданий. И вот теперь в огромном круглом фойе центрального входа суетились клерки обоего пола. То и дело одна их часть, держа в руках какие-то страшно важные документы, ныряла в бесшумные лифты, а другая — выныривала из их зеркального нутра, держа другие не менее важные бумажки. Служащие, непрестанно курсировавшие между кабинетами, получали подписи или отказ очередной инстанции и неслись обратно к своему начальству, чтобы обстоятельно доложить о проделанной работе. Временами эти неустанные челноки сворачивали к автоматам, где, сохраняя неприступный вид страшно занятых людей, пили кофе и оживлённо болтали о всякой ерунде. В общем, в фойе штаба царила обычная деловая суета обычного крупного офиса.

В центре фойе, под высоким стеклянным куполом, находилась зона релаксации, с относительной тишиной и спокойствием. Конечно же, в первую очередь это место предназначалось посетителям, но, как правило, это было пристанище офисных лентяев и парочек, ищущих уединения. Здесь можно было, не привлекая к себе излишнего внимания коллег, посидеть в тени тропической зелени, ютящейся в громадных кадках и разнокалиберных кашпо, и под чирикание птах в клетках поглазеть на великолепный фонтан, чьи причудливые струи уходили высоко вверх и снова падали на дно бассейна, выложенное разноцветной галькой.

Вот здесь, у оплота вампирской бюрократии, и высадили выпускников Академии. Пройдя через препоны охраны, они шумной толпой ввалились в центральное фойе, чем сразу же внесли диссонанс в его деловую суету. Правда, разбрестись их весёлому стаду не дали.

Около ресепшна выпускников уже ожидал сопровождающий — подтянутый мужчина в строгом деловом костюме, который представился как Клод Раум. Он сказал, что со всеми вопросами нужно обращаться к нему и заодно предупредил, что нельзя отставать от группы и уходить куда-либо без его разрешения. После этого он привёл их к фонтану и, велев особо не шуметь, быстрым шагом направился к лифтам.

Отсутствовал Раум недолго. Вскоре он вернулся, но не один, а в сопровождении невысокой, полноватой (что было необычно для вампиров), приветливой (что было типично для племени психологов) женщины, которая назвалась Нинель Аркадьевной. Она с улыбкой оглядела юных вампиров и после нескольких общих вопросов достала из объемистого портфеля стопку именных планшетов и попросила старост их раздать. Первым делом Нинель Аркадьевна попросила заполнить анкеты и как можно быстрее. «Прошу вас, отвечайте, не задумываясь!» — то и дело подгоняла она особо медлительных. Но выпускники, закалённые пятью годами общения с психологами, не поддавались на её провокацию и тщательно продумывали каждый свой ответ. Наконец, когда все до единой анкеты были заполнены, причём, как выяснилось, у каждого она носила индивидуальный характер, Нинель

Аркадьевна сложила планшеты обратно в портфель и с удивительной для её комплекции быстротой направилась к лифтам. Когда выпускники, ведомые Раумом, тоже подошли к ним, то психолога уже и след простыл.

Сопровождающий нажал кнопку, помеченную буквой D и лифт, набирая скорость, поехал вниз. Когда он остановился, выпускники оказались в светлом зале, способном вместить тысячи человек, и чей дизайн был таков, будто он прямиком из будущего. Чтобы не было сомнений, кому всё это богатство принадлежит, в центре зала высилась четырёхгранная стела с эмблемой Объединённых кланов на макушке.

— Ух ты! Бункер фюрера отдыхает на фоне нашей вампирской резиденции, — уважительно заметил один из выпускников.

— Где это мы? — спросила у Раума тоненькая девушка с чёрной кожей и розовыми волосами.

— В здании центрального штаба Совета старейшин Объединённых кланов, часть которого отдана нашему клану Волка, в целях экономии людских ресурсов, — последовал невозмутимый ответ.

Выйдя из лифта, Мари тоже подняла голову и посмотрела на фантастическое сплетение линий на многоуровневом потолке.

— Красота-то какая! — восхитилась она.

— Ага, сплошной креатив! — подтвердил Иван. — Гитлеру, между прочим, и не снились, те средства, что вбуханы Советом в строительство этого чудо-здания, не говоря уж о его техническом оснащении. Знала бы ты, что тут только есть!

— Ты хотел сказать, чего здесь только нет? — поправила его Мари.

— Я сказал именно то, что хотел сказать. Здесь есть всё.

— Всё? — заинтригованная девушка пихнула приятеля локтем в бок. — Скажи, не томи! Пока Раум от нас далеко. Что такого здесь интересного?

— Правда, хочешь знать? — осведомился Иван, насмешливо глядя на неё. — А потом не пожалеешь, когда будем на пару куковать где-нибудь на полярной станции в Антарктиде?

— Что мы там забыли?

— Лично я тюремный срок за разглашение государственной тайны, а ты пойдёшь как соучастница.

— Ну и ладно! Если на пару, то ещё ничего... — спохватившись, Мари шлёпнула себя по губам и опасливо огляделась по сторонам. — А чего это Беккер нас игнорирует? — забеспокоилась она, заметив, что подруга держится от них на расстоянии.

— Видимо, ищет Реази, — поскущнел Иван и сердито добавил: — Только зря старается. В фойе его остановил какой-то орёл из СБ, и они на пару куда-то отчалили.

Нечистая совесть не давала Мари покоя и она, оставив его, отправилась к Соне.

— Сонь, а Сонь! Ты чего киснешь? Что-то случилось?

Она попыталась взять подругу под руку, но та отстранилась от неё.

— Извини, я должна кое с кем переговорить, — холодно сказала она.

— С кем именно?

— Это не твоё дело! — последовал не слишком вежливый ответ, и Соня ускользнула в толпу выпускников.

— Ты что-нибудь понял? Она злится на меня из-за тебя или из-за Ника? — спросила Мари у подошедшего приятеля.

— Вроде бы у нас всё осталось по-прежнему, так что, скорее всего из-за Реази, —

ответил Иван и укоризненно посмотрел на девушку: — Я же не зря просил тебя помочь, Беккер реально запала на него. Видишь, как бегают, причём не она одна. Из всех девчонок лишь ты одна оказалась непробиваемой для чар Реази. Вот он и положил глаз на тебя.

— Он мне не нужен.

— Почему? Вроде ж красивый парень, к тому же харизма так и прёт из него... Господи! Что я несу? Он и меня довёл до ручки, раз сыплю ему комплементами.

— Точно, голубеешь прямо на глазах, — хихикнула Мари. — Если так дальше дело пойдёт, то скоро будешь у сестриц кружевные чулки и нижнее бельё одалживать.

— Типун тебе на язык! А это что такое? — спросил Иван, уже давно обративший внимание, что она то и дело касается украшения, спрятанного на груди.

Он потянул за цепочку, и при виде знакомого медальона, бросил быстрый взгляд на его хозяйку.

— Понятно. Вот, значит, какие пироги. Прости! Кабы знал, то не приставал бы к тебе с Реази.

— Пустяки, — грустно улыбнулась Мари и снова спрятала лилию. — Рано или поздно, это должно было случиться.

— Эх, повезло Моррисону! Правда, он тоже молодец. Хотя при его упрямстве неудивительно, что он достучался до твоего сердца. Не вешай нос! Через полгода встретитесь, если не раньше. Думаю, Тьен прискачет к тебе с первой okazji.

— А вдруг нет? Вдруг он не придет? — наконец выплеснула свою тревогу Мари.

— Ну, ты чего? — Иван с некоторым удивлением посмотрел на неё. — Уверен, Моррисон не из тех, кто легко меняет сердечные привязанности. Иначе он не бегал бы за тобой так долго.

Увидев, какой радостью озарилось лицо девушки, он улыбнулся и с дружеским участием обнял её за плечи.

— Что, так сильно скучаешь?

— Не без этого, — призналась она и вывернулась из-под его руки.

— Ты чего?

Мари показала глазами на подругу.

— Соня смотрит.

— И что? — ухмыльнулся Иван. — Ты же сама хотела, чтобы она приревновала меня к тебе.

— А теперь расхотела! Ладожский, я тебя урою, если мы с Беккер разругаемся... О чёрт! — простонала Мари. — Ты только посмотри! Доброхоты всё ей уже донесли.

— Похоже, ты права, — помрачнел Иван, глянув на свою капризную даму сердца. — Судя по злобному выражению её милого личика, нас ждёт нешуточная буря, — резюмировал он и схватив Мари за руку, устремился вперёд. — Бежим, пока не поздно!

Ведомые Клодом Раумом выпускники прошли по длинному извилистому коридору с множеством ответвлений и оказались в библиотеке. Правда, не общественной, а чьей-то личной, если судить по обстановке. Паркетные узорчатые полы комнаты большей частью были застланы дорогими коврами. Стена напротив входной двери была доверху заставлена стеллажами, на которых полки с книгами чередовались с застеклёнными витринами, заполненными разнообразными предметами — были там фигурки, вазочки, камни, свитки и даже чьи-то кости. Другую стену почти целиком занимал гобелен ручной работы с традиционными сценами охоты. На нём висели гербы и старинное оружие: холодное и

огнестрельное. В том, что это раритеты, ни у кого не возникало сомнений. Ещё у одной стены располагался мраморный камин, в котором, несмотря на лето, потрескивали берёзовые поленья. В центре комнаты стоял Т-образный стол из тёмного дерева, а на нём стоял предмет, чужеродный остальной обстановке. Это был куб с матовыми гранями, которые говорили о том, что это какая-то вариация компьютера.

В библиотеке их никто не ждал и выпускники, обмениваясь впечатлениями, разбрелись кто куда. Частью они разместились в старинных креслах, стоящих у стола, а другие от нечего делать принялись бродить по кабинету, рассматривая оружие и прочие диковинные вещицы.

Время шло. Ожидание неизвестно чего затянулось, а Клод Раум, их провожатый, сидел в сторонке, ничего не объясняя. И хотя его поза казалась внешне расслабленной, почему-то в нём чувствовалось скрытое внутреннее напряжение. Самые нетерпеливые стали потихоньку ворчать, высказываясь в том духе, что ждать у моря погоды они могли бы и сидя дома, и если до них никому нет дела, то какого дьявола они здесь торчат, когда их ждут в семьях.

В разгар всеобщего недовольства хлопнула дверь и в кабинет ворвалась рыжеволосая девушка в тёмно-зелёном коротком платье. Она стремительно пронеслась по помещению и бросилась в кресло, стоящее во главе Т-образного стола. Откинувшись на высокую удобную спинку, она обвела выпускников любопытным взглядом. Зеленовато-карие глаза на какое-то мгновение задержались на Мари и в них загорелись весёлые смешинки. Не говоря ни слова, незнакомка нырнула под стол. Раздался грохот, треск рвущейся ткани и сдавленные, крайне неприличные ругательства. После некоторой возни из-под стола появилась рука, держащая стопку бумаг, а за ней и встрёпанная голова рыжули — с паутиной и торжествующим выражением на лице.

— Вот, нашла! — весело сказала она, выпрямляясь, и с размаху шлёпнула на стол пачку бумаг. — Забирайте ваши бумажки, и все свободны.

После этого заявления девушка в зелёном развернулась и, ни с кем не прощаясь, стремительно вылетела за дверь.

После её ухода в библиотеке повисла изумлённая тишина, а затем раздался дружный хохот.

«Ну и кадр!» — подумала Мари и, получив свой конверт, с нетерпением вскрыла его. Лист бумаги был девственно чист. С озадаченным видом она повертела его в руках. «Это что, шутка такая или написано симпатическими чернилами?.. Нет, не может быть!»

— Ладожский, тебя куда распределили? — спросила она на всякий случай.

— Буду работать здесь, в штабе, а ты куда?

— Не знаю. У меня ничего не написано.

— Ну-ка, дай!

— Я же сказала, смотреть не на что. Подожди, я выясню у Раума, — сказала Мари и направилась к сопровождающему. — Сэр, кажется, произошла ошибка. В мой конверт вложили пустой лист бумаги.

Раум протянул руку и, убедившись, что она права, пожал плечами.

— Что ж, бывает, — сказал он и, вернув лист Мари, снова сложил руки на столе и устремил взгляд прямо перед собой.

— Сэр! — не выдержала она, видя, что он молчит. — В чём дело? Куда я должна обратиться, чтобы выяснить, куда именно меня распределили?

— Никуда не нужно обращаться, — ответил Раум, не поворачивая головы.

— Сэр!.. Простите, но вы должны мне объяснить, что всё это значит.

— Это значит, госпожа Палевская, что клан Волка не нуждается в ваших услугах.

— Что?! — воскликнула Мари, ожидавшая чего угодно, но только не этого. — Тогда, что я должна делать? — её голос дрогнул. — Пожалуйста, сэр! Я должна знать, почему я единственная осталась без распределения.

Все разговоры разом стихли и в библиотеке повисла выжидательная тишина. И хотя к девушке относились по-разному, большинство выпускников смотрели на неё с сочувствием.

— Ничем не могу вам помочь. Я не уполномочен решать подобные вопросы.

— Тогда кто уполномочен? — спросила Мари, начиная злиться.

— Я уже вам ответил, госпожа Палевская, — Раум окинул взглядом выпускников. — Есть вопросы?.. Нет вопросов. Тогда разрешите откланяться.

Он встал из-за стола и размеренной походкой робота направился к выходу из библиотеки.

С секундным промедлением Мари выскочила следом за Раумом. В коридоре было уже пусто, но краем глаза она успела заметить, что в одном из боковых ответвлений мелькнул его тёмный силуэт. Удивившись, как далеко он ушёл за столь короткое время, она бросилась его догонять.

Будто дразня свою преследовательницу Раум несколько раз давал ей приблизиться нему, а затем легко отрывался и уходил вперёд. Увлечённая погоней Мари не смотрела по сторонам, и когда из распахнутой двери вылетела ловчая нить, она не успела среагировать.

Мари. Убить всех мало за такой подход к трудоустройству!

Резкий рывок вбросил меня из ярко освещённого коридора в тёмное помещение, в котором не было ни искры света.

Угроза нападения! К бою!

Ментальный щит. Ночное зрение. Боевой режим. Готово!

Вот и пригодилась военная подготовка: тело сработало само, на уровне инстинкта, и запустило цепочку нужных команд.

В прыжке я вывернулась из ловчей нити и, сгруппировавшись, мягко приземлилась на пол. Дальше как учили инструкторы: оценка противника, обстановки, выработка стратегии и тактики.

Противников двое: мужчина и женщина. Он — типичный страж, недалеко ушедший от нас, выпускников Академии. Она... плохо дело! Пластика незнакома, силуэт нетипичен и так давит менталом, что мой щит того и гляди прикажет долго жить. Вывод: она — старое поколение, значит, непредсказуема и очень опасна.

Стратегия ясна как день: вырваться из западни, тактика: по возможности держаться как можно дальше от женщины.

Теперь обстановка. Обстановка хреновая. Правда, особой агрессии не чувствуется. Скорей это проверка, чём серьёзное нападение, но расслабляться не стоит. Кто знает, что им нужно. Дочь главы Совета старейшин — ценная добыча.

Внимание, началось!

Мужчина направился ко мне, женщина осталась на месте. Понятно, маневр с отвлечением внимания. «Ну-ну, даже не надейтесь, господа! Не куплюсь!» Прыжок вверх, соскок за спиной мужчины с откатом. Очень вовремя: над головой свистнула ловчая нить. Прыжок в сторону стены с попыткой ухода. Merde[1]! Чуть не зажали в угол! Бросок с подкатом к центру. Угадала — противники ушли вверх и в стороны.

Каскад головокружительных прыжков, чтобы пробиться к выходу. Задача осложняется

тем, что противник знает, куда я стремлюсь, и строит нападение так, чтобы не дать мне уйти. Вдобавок их двое, и они с оружием. К счастью, в ход идут только ножи. Тем не менее мои шансы начинают стремительно падать. Как я ни уворачиваюсь, порезов становится всё больше. Если не потороплюсь, то хана: регенерация уже начинает давать сбой. Стоит хоть на мгновение ослабить ментальный щит и всё, моя песенка спета.

Времени мало, пора менять тактику. Во что бы то ни стало нужно вывести из строя одного из противников. Из последних сил я рванулась к мужчине. Перехват нити. Попался, голубчик! Резкий рывок на себя и нить, закрутившись вокруг мужчины, обездвиживает его. Ouaf[2]! Задача выполнена, противник выведен из строя. Всё хорошо, но одна мелочь портит всю малину — я тоже попалась.

Финита ля комедия.

Спеленатая ловчей нитью я с облегчением повалилась на пол. Слава богу! Испытание закончилось. Вспыхнул неяркий свет и всё же после ночного зрения он невыносимо режет глаза. Я опустила веки и расслабилась. Вот гады! Устроили себе развлечение за мой счёт! Вот погодите, нажалуюсь отцу, мало вам не покажется. Хотя не факт, что он заступится. Скорей заявит, что раз проиграла, то лишняя тренировка мне не помешает.

Женщина засмеялась.

— Скажи, Клод, а девочка неплоха. Во всяком случае, для дилетантки, — сказала она со знакомыми грацирующими интонациями в голосе и насмешливо добавила: — А вот ты был предсказуем, как зелёный новичок, за что и поплатился.

Моей противницей оказалась поганка в зелёном платье, которая раздавала нам направления. Ну а мужчина, как и ожидалось, наш провожатый. «Вот дура!» — расстроилась я, поняв, что меня подловили на простейшем трюке. Сколько раз нам говорили, что нельзя горячиться и нужно наперёд просчитывать последствия. И вот, стоило только закинуть крючок в виде пустого клочка бумаги и я, не слушая Ладожского, тут же помчалась за Раумом. Так что поделом мне! Если бы думала головой, шкура была бы целее.

— Верно! — подтвердила рыжая. — Думать нужно всегда, особенно дочери Палевского. Если она не хочет создавать ему неприятности.

— Я и думаю! Вот только нападать на меня в штабе ОК — это уже верх наглости. И вообще, двое на одного, это не честно, — разозлилась я.

— Противники твоего отца не институтки и не благородные испанские доны, чтобы стесняться и выходить один на один, — парировала рыжая зараза. — Отключи боевой режим! — потребовала она.

— Не хочу! Вдруг вы вражины и только прикидываетесь друзьями отца.

— Не вредничай, Мари! Ты знаешь, что это не так.

— Ладно, — я подчинилась требованию. В общем-то, терять уже было нечего.

— Ментальный щит тоже можешь убрать. Детка, мы — не кукловоды.

— Все вы так говорите, — буркнула я.

Под влиянием проснувшейся подозрительности я медлила, не спеша расставаться с защитой. Глупо, конечно. При желании рыжая мигом снесёт мой ментальный щит.

— Правильно понимаешь.

Чувствуя, что пошёл откат и организм скоро забастует, я открыла глаза. Всё верно. Надо мной стояли мрачный Раум и рыжая девица, успевшая сменить зелёное платье на чёрный бархатистый комбинезон. «Вот к чему был весь этот балаган?» — сердито подумала я, глядя на недавних противников.

— Гадаешь, что нам нужно? Успокойся, детка. Обычная рутинка. Всего лишь проверка перед приёмом на работу. В Академии ты числилась одной из лучших и нам стало любопытно, чего ты стоишь на самом деле, — отозвалась рыжая.

«Проверка перед приёмом на работу?» — озадачилась я и перед глазами промелькнула забавная картинка. Вопя как ниндзя в боевиках, я, вооруженная шариковой ручкой и книгой по математическому анализу, с боем прорываюсь на своё рабочее место в институт прикладной математики. Я дёрнулась и едва удержала стон. «Да! Это было бы смешно, когда бы не было так больно».

— Может, развяжете меня?

— Нет, ещё рано, — заявила рыжая.

— Какого чёрта вам ещё нужно?

— У нас есть к тебе предложение. Правда, ты при всём желании не сможешь от него отказаться.

— Понятно.

Перед глазами перестали мельтешить разноцветные круги, и я сфокусировала взгляд. На лице рыжей заразы к остаткам паутины из-под стола добавились тёмные полосы. Никогда не понимала за каким фиггом спецназовцам грязевые разводы на физиономии. Честное слово, как дети!

— Ладно, валяйте! Я вас внимательно слушаю.

Рыжая соорудила мне зверскую мину.

— Не-а. Это мы сейчас тебя развяжем, и отведём в одно чудное местечко, где устроим допрос с пристрастием, и ты нам всё расскажешь. — пригрозила она и начала освобождать меня от пут.

— Сатрапы! Душителю свободы! Гестаповцы! — поддержала я её игру.

— Но-но! Сатрапы и душителю свободы ещё куда ни шло, а вот за гестаповцев ответишь. Клод, как думаешь, не показать ли нам мадемуазель Палевской что такое настоящий гестаповский застеночек, чтобы она больше не бросалась такими обвинениями? Устроим ей экзекуцию по полной программе: будем пытаться её с вырыванием когтей и битьём по мягкому месту. Глядишь, прыти у неё поубавится.

Я возмущённо закатила глаза. «Ну-ну, попробуйте!»

Рыжая засмеялась.

— Не бойся, мы не изверги.

Вот зараза! Всё же заметила, что я малость струхнула. А она тем временем продолжала:

— Чего молчишь, Клод? Всё никак не можешь переварить, что девчонка изловила тебя, несмотря на спецназовскую подготовку? Не переживай, не надо! У всех случаются промашки... Ну вот, всё готово, ты свободна.

Рыжая, умильно глядя на меня, отошла к Клоду, который с момента нападения не произнёс ещё ни слова.

[1]Merde! — дерьмо!

[2]Ouaf! — вот так! — в переводе с фр. яз.

Свобода, да? Стараясь не стонать, я с трудом поднялась на ноги. С отключением боевого режима исчез адреналин в крови и многочисленные царапины ощутимо заныли. Ещё бы! Регенерация была практически на нуле. Я посмотрела на свои руки — Mince[1]! Сплошное кровавое тату. И если бы только на руках! Но есть ранки и посерьезней царапин.

Мою инвентаризацию телесных убытков прервала неугомонная рыжая.

— Клод, отведи девушку.

— Всё равно не понимаю, зачем она нам, — наконец подал голос Раум и смерил меня мрачным взглядом.

— Не твоё дело! — жёстко сказала рыжая, но тут же смягчила тон. — Пусть Томас решает, нужна ему эта красotka или нет.

— Хорошо, — буркнул Раум и направился к выходу.

В коридор мы вышли все вместе. Здесь рыжая, которую звали Эльзой, как выяснилось по ходу дела, попрощалась с нами, и я поплелась следом за Раумом. Добравшись до лифта, мы спустились и опять куда-то понеслись по бесконечным коридорам. Я так устала, что временами отключалась на ходу. Во всяком случае, когда я очнулась в очередной раз, то осознала, что нахожусь в незнакомой комнате.

Сфокусировав взгляд, я увидела, что напротив меня сидит хмурый блондинистый тип. Судя по менталу, жутко давящему на психику, это был один из старейшин, но мне уже было плевать кто он и что он. Да хоть сам Господь бог! Единственно чего я хотела — это скорей попасть домой и заползти в кровать. Maman! Забери меня отсюда!

Я поёжилась. Пристальный взгляд серых глаз был невыносимо тяжел. Не выдержав, я опустила голову и вздохнула. Представляю, какой у меня сейчас видок: волосы всклокочены, физиономия побитая, одежда рваная. Настоящий клошар. Если выставить на паперть, то подаяния стопроцентно обеспечены, особенно, если что-нибудь жалостливо спеть.

Блондин хмыкнул.

— Нам только побирушек не хватало.

Я вскинулась и с вызовом уставилась на него, но снова не выдержала его взгляд и отвела глаза.

— Так-то лучше, — буркнул он и посмотрел на Раума, который стоял навтыжку у его стола. — Это что такое?

— Простите, сэр!

— Вы что, вдвоём не могли с ней справиться? Потому ухайдакали девчонку до полумёртвого состояния?

— Нет, сэр! Просто проверка пошла не по плану, — отрапортовал Раум, полностью уйдя в личину оловянного солдата.

Чувствовалось, что он страшно волнуется и будь у меня больше сил, я бы порадовалась, что ему досталось от начальства. С другой стороны, если уж кого и винить в избиении младенцев, так это не его, а рыжую, но, честно говоря, я не держу на неё зла. В общем-то, на Раума я тоже не особо злилась. В конце концов, он человек подневольный, к тому же служить под началом такого типа — то ещё удовольствие.

Уверена, что хозяину кабинета не понравился ход моих мыслей. Наплевать! Не хочешь знать, что о тебе думают другие, не пасись в их голове.

В подтверждение того, что я не ошибаюсь и он действительно читает мои мысли, блондин иронично глянул на меня и потянулся за пачкой сигарет, лежащей на краю стола. Тем временем Раум, получивший передышку, слегка расслабился.

— Свободен, — сказал блондин после первой затяжки и протянул было руку к селектору, но передумал. — Передай Эльзе, пусть зайдёт в мой кабинет.

— Слушаюсь, сэр!

Если судить по выражению лица нашего провожатого, он не чаял так легко отделаться. Ну да! Как подсказывает мне интуиция, проще самому застрелиться, чем попасть на разбор полётов к хозяину этого кабинета. Одна незадача: я-то что здесь делаю? Тоже за что-нибудь получу по ушам?

— Это мы сейчас посмотрим. Если есть за что, то обязательно, — поддержал блондин ход моих мыслей и выпустил мне прямо в лицо клуб сигаретного дыма.

Вот скотина! Никакого воспитания!

— Да, с этим есть проблема. Как-то всё не хватает времени на хорошие манеры, — с ленцой проговорил он и, обдав меня ещё одним клубом дыма, взял дисплейную папку. — Ну, Мариэль Палевская, что ты можешь сказать в своё оправдание?

— Даже не представляю, за что именно я должна оправдываться, — ответила я, когда откашлялась и разогнала сизую завесу перед лицом.

— Уверен, что есть за что... — блондин вперил взгляд в дисплейную папку. — Что ж, если не хочешь сама признаваться, тогда посмотрим, какие обвинения против тебя выдвигают преподаватели и наставники. Окончательный вердикт будет зависеть от совокупной тяжести преступлений.

О боже! Неужели он всерьёз намеревается устроить судилище?

— Почему бы нет? — отозвался он. — Или у тебя есть какой-нибудь общественный иммунитет?.. Иммунитета нет, значит, ты подсудна. Так что сиди и готовь текст помилования.

Я посмотрела на непроницаемо-спокойное лицо того, кто выступал моим обвинителем.

— Вы заочно вынесли мне обвинительный приговор?

— Да, — последовал рассеянный ответ.

— Это произвол!

— Произвол — это когда без суда и следствия, а у тебя будет всё, включая народный гнев, если подтвердится, что ты...

— Что подтвердится? — спросила я, не понимая, к чему весь этот бред, да ещё с народным гневом.

— Когда подтвердится, тогда и узнаешь.

— Нет, вы скажите!

— Молчать!

Конечно, я заткнулась, но можно было бы и не орать, подумалось мне. Блондинистый гад поднял на меня глаза. «Ладно-ладно! Обойдусь без ваших извинений, — мысленно сказала я, изучая свои руки и, не удержавшись, добавила: — Сатрапы! Душителю свободы! Нет на вас дедушки Ленина!»

Подозрительный звук заставил меня поднять глаза, и я с сомнением посмотрела на своего визави по-прежнему хранящего непроницаемое спокойствие на лице. Ладно, будем считать, что мне показалось, что кто-то только что ржал.

В кабинете было тихо, как в склепе. Блондин, вальяжно развалившись в своём удобном

кресле, с головой ушёл в увлекательное чтение о моей жизни, и меня со страшной силой потянуло в сон. Поёрзав на стуле, я нашла более или менее удобное положение и закрыла глаза.

— Не спать! — рявкнул хозяин кабинета.

— Почему?

— Я так хочу! Ещё слово и будешь стоять по стойке смирно.

«Какого чёрта вам нужно от меня? Я потная, голодная, раненая, наконец! А вам жалко, если я посплю пару минут?» — возмутилась я, естественно про себя, но глаза всё же открыла и выпрямилась, сидя на стуле.

Чтобы не нервировать зловредного типа и ненароком не уснуть, я взялась изучать обстановку его кабинета. Здоровенный шкаф, пара шкафчиков поменьше, так называемый прилавок, стеллажи для офисных папок, письменный стол и стол для совещаний — вот и вся, в общем-то, обстановка, если не брать в расчёт всякие мелочи. В отличие от библиотеки, где нам выдавали назначения, здесь не было ни старинных ковров, ни великолепных гобеленов, ни прочих предметов роскоши.

«Что ж, простенько, но со вкусом», — резюмировала я. Правда, при более внимательном взгляде выяснилось, что это обманчивая простота. Мебель в кабинете была выдержана в стиле арт-деко и сделана из натурального тонированного дуба с вставками из полудрагоценных камней, а столешница письменного стола и вовсе обтянута натуральной крокодиловой кожей. Что ж, неплохо начальство устроилось на новом месте. Вон и стены оклеены обоями из натурального светло-серого шелка. Я подняла голову. Светильники с необычными плафонами тоже неплохо смотрелись и, будучи очень стильными, идеально вписывались в окружающее пространство. Люблю такое, когда обстановка не кричит о роскоши и богатстве, но несёт на себе отпечаток благополучия и уюта.

— Нравится? — спросил хозяин кабинета, и я согласно кинула.

— Мне тоже, — рассеяно сказал он и, переходя на личности, сухо добавил: — В отличие от содержимого твоих файлов. Итак, Мариэль Палевская, насколько я понял, распоряжения старших ты игнорируешь, постоянно дерзишь психологу и наставникам. С ровесниками тоже ведёшь себя не лучшим образом. Дисциплина хромает на все четыре копыта. Количеству часов, проведённых тобой в карцере, могут позавидовать самые задиристые из парней. Что, девушка, звёздная болезнь одолевает?

«Вот только не нужно приплетать сюда моего отца!» — возмущённо подумала я, а вслух сказала:

— Хотите сказать, что я из тех прощелыг, что живут за счёт родительского авторитета?

— Здесь я задаю вопросы! Отвечай!

Боже! Это надо же так орать! Я едва удержалась от того, чтобы не заткнуть уши.

— Нет, сэр! — рявкнула я в ответ.

— Что, нет? — спросил блондин, не дождавшись от меня продолжения.

— Не одолевает, сэр! Я такая от рождения! Отец здесь ни при чём! Мать тоже!..

— Молчать, дрянь! Вообразила, что тебе здесь цирк? Так у меня таких клоунов, как ты, за глаза и за уши!

А вот это уже выходит за все рамки! Я оскорблённо выпрямилась, но постаралась не лезть в бутылку.

— Я не дрянь, сэр, и звёздной болезни у меня нет. Она существует только в вашей голове. И вообще, ещё никто не обвинял меня в том, что я пользуюсь служебным

положением отца. Вы первый, от кого я это слышу.

Кажется, голос у меня не дрогнул, во всяком случае я очень старалась, чтобы он звучал спокойно. Я поднялась из-за стола.

— Если вы и дальше собираетесь общаться со мной в том же духе, то разрешите откланяться. Я с вами больше не собираюсь разговаривать.

— Сидеть!

— Я вам не собака, сэр! — процедила я сквозь зубы.

Ноги были как ватные, колени подгибались, я бы с удовольствием села, но нужно было держать марку. И хотя в голове у меня мутилось от усталости и сказывалось напряжение, вызванное неприятным разговором, я ещё была способна к логическим построениям. Хозяин кабинета был не просто так груб со мной. Чем-то я ему не нравилась. Сильно не нравилась. Так сильно, что это походило на ненависть. Вот только я даже представить себе не могу, чем именно я ему насолила. В памяти тут же всплыла ещё одна мрачная физиономия. Ха, нравлюсь я ему! Нет, Ладожский! Хоть ты и гений, но тут ты ошибся. Ник тоже ненавидит меня, и убей меня бог, если я знаю за что.

Не знаю, чем бы дело кончилось, скорей всего очередным карцером, но тут появилась моя рыжая мучительница. Правда, на этот раз она выступила в роли спасительницы и, судя по ощущениям, не только для меня. Конечно, блондин не подал виду, но что-то мне подсказало, что он тоже обрадовался её появлению.

В общем, на столе пикинул сигнал селектора, и это несколько разрядило атмосферу. Блондин нажал кнопку, и женский голос спросил примет ли он Эльзу Тероян. После его утвердительного ответа приёмная почему-то не отключилась, и я услышала, как секретарь высокомерным тоном выговаривает рыжей:

— Входите, фрау, но помните, герр Штейн очень занят. Не отнимайте у него времени больше необходимого, разводя пустые разговоры.

В ответ раздался негромкий смешок, и рыжая распахнула дверь. Подойдя к столу, она поздоровалась с хозяином кабинета и, поймав мой мученический взгляд, заговорщицки подмигнула. Я припомнила недавнюю экзекуцию и вздохнула — друзей в комнате не прибавилось, но и врагов вроде бы тоже. Чем-то Эльза Тероян мне даже нравилась. Думаю, она из тех, что не унывают в любой ситуации. К тому же она казалась забавной и доброй.

Рыжая и блондин закурили и, немного поболтав на неизвестном языке, сели напротив меня и тут такое началось! Не знаю, как народ умудряется что-либо скрывать во время перекрёстного допроса. По-моему, это невозможно, — ведь тебе ни мгновения не дают подумать над ответом. Стоит только замешкаться и на тебя начинают со страшной силой давить менталом.

Господи, какое там врать! Я вертела головой, едва успевая отвечать на быстрые требовательные вопросы. По несколько раз меня спрашивали об одном и том же, но в разных вариантах. Как я отношусь к такому и такому-то и почему, где я была и что подумала в такое-то время о том-то и о тех-то. Короче, сплошное гестапо.

Не знаю, сколько времени прошло, но меня так умотали, что к концу допроса я была как выжатый лимон. Причём у меня так и не сложилась система из вопросов, которые мне задавали. Большинство имён и мест, о которых меня спрашивали, я впервые слышала. В общем, я так и не поняла, чего эти два гестаповца от меня хотели.

Когда от меня наконец-то отстали, я сердито посмотрела на рыжую. Пожалуй, я погорячилась, назвав её доброй и забавной. Прав Хамелеон, мой новый знакомец, я

редкостная дура, если принимаю видимое за чистую монету.

Как оказалось, я рано обрадовалась. Блондин и рыжая снова поболтали на незнакомом языке, думаю, они обсудили результаты допроса, а затем он вновь взялся за меня.

— Вижу, ты встречалась с Тьеном Моррисоном. Зачем? Пыталась приручить его, зная, что его отец глава клана Тигров?

И хотя его голос прозвучал по-деловому спокойно, я сумела прочитать эмоциональный ряд, сопровождающий его слова. Он воспринимал меня как мерзкое насекомое, которое необходимо раздавить. Это был не просто допрос, это была война не на жизнь, а на смерть. В памяти снова всплыло лицо Ника, но мысль так и не оформилась: от подступивших слёз у меня перехватило горло, но будь я проклята, если расплачусь перед этой сволочной парочкой.

— Не ваше дело с кем я встречаюсь, — отчеканила я, бесстрашно глядя в серые безжалостные глаза. — Не дружите с головой, господа? Зачем мне глава клана, когда мой собственный отец глава Совета старейшин?

— Вот и мы думаем, зачем тебе старший Моррисон.

Я молчала, по-прежнему не спуская глаз с лица блондина...

Впрочем, чего я зову его блондином, когда знаю, что это Томас Штейн? В семье часто упоминали его имя. Штейн глава службы безопасности ОК и, что самое обидное, правая рука отца. В жизни не подумала бы, что при нашей первой встрече он отнесётся ко мне, как к врагу народа.

— Ты и есть... — проворчал Штейн, но рыжая бросила на него выразительный взгляд, и он заткнулся.

— Начали, договаривайте! — взорвалась я. — Что такого я вам сделала, что вы относитесь ко мне как к дерьму?

Перед глазами снова возник Ник, с ненавистью глядящий на меня. Это переполнило чашу терпения, я сникла и устала на стену.

— Ладно, можете оставить ваше мнение при себе. Мне плевать, что вы думаете.

Неожиданно рыжая встала и, подсев ко мне, с участливым выражением на лице обняла за плечи.

— Не расстраивайся, ребёнок! Всё будет хорошо!

Это оказалось последней каплей. Я заморгала, прогоняя слёзы. Merde! Вот дура! Всё же не выдержала прессинга и начала реветь.

— Добренькую строите из себя, да? — всхлипнув, я оттолкнула её руку. — Как-нибудь обойдусь без вашего липового сочувствия! Что я вам такого сделала, что вы сидите здесь и всячески измываетесь надо мной?..

— Томас, не надо! — вскрикнула рыжая, но Штейн не послушался.

Всё же я успела поднять щит, но куда там! Защита не выдержала и секунды.

Если чтение мыслей довольно безобидный процесс и его можно расценивать как разговор без обычных вербальных увёрток, то ментальное нападение сродни изнасилованию. Во всяком случае, для меня. Насильник роется в твоих воспоминаниях, а ты ничего не можешь с этим поделать, кроме как ждать, когда он удовлетворится и уберётся прочь. А ещё это больно. Страшно больно!.. Хватит! Умоляю!.. Не-е-ет!!! Не выдержав, я закричала и отключилась.

— Мари! — позвал меня встревоженный голос. — Мари, что с тобой?.. Тихо, тихо, девочка! Всё хорошо! — успокаивающе проговорила Эльза, прижав меня к себе и глядя по

голове, как маленькую.

У меня уже не было сил на протест, и я терпеливо сносила её объятия. Тяжёлая волна гнева, вызванная страхом боли, улеглась и в мозгах прояснилось. Вот только проклятые слёзы никак не иссыкали и продолжали безостановочно течь. Наконец, я не выдержала и, обняв её, заревела в полный голос.

— O mein Gott! Прекратите обе немедленно!

Штейн попытался выдать мне стакан с водой. Когда ему это не удалось, и он вознамерился вылить мне на голову воду из графина, то тут уже Эльза ударила его по руке.

— С ума сошёл? Мы без тебя разберёмся.

— Разбирайся, только побыстрей, мне некогда тут со всякими сопливыми девчонками возиться.

— Томас! Ты можешь просто сесть и заткнуться? — прорычала Эльза.

Это было так похоже на мою вампирскую матушку, что я, наконец, ощутила прочный тыл за спиной и понемногу начала успокаиваться.

Видя, что дело пошло на лад, и я затихла, Эльза с улыбкой заглянула мне в лицо.

— Ну что, горяшко, успокоилась?

Я шмыгнула носом и согласно кивнула.

— Простите! Что-то я совсем расклеилась.

Штейн громко хмыкнул.

— Это точно.

— Томас, заткнись!

— Mädchen, вы прекращайте тут командовать, — предупредил шеф СБ, снова беря инициативу в свои руки.

— Что скажешь? — обратился он к рыж... к Эльзе и смерил меня придирчивым взглядом. — Она действительно так хороша, как расписано в её досье? Похоже, Раум от неё не в восторге.

Эльза усмехнулась и как щенка потрепала меня по голове.

— Славная девочка! Конечно, до подготовки спецназа далеко, но талант имеется. Немного дрессуры, и она будет не хуже остальных.

«Укусить что ли?» — подумала я, но вместо этого улыбнулась. «Славная девочка» должна вести себя примерно и не отталкивать от себя того, кто её поддерживает.

Я потянулась за салфеткой и, скосив глаза на Штейна, трубно высморкалась. Он поморщился, но ничего не сказал. И ведь что странно, в его эмоциональном фоне исчезла неприязнь по отношению ко мне, хотя осталось ощущение, что он чем-то разочарован.

— Ну что, берёшь девочку? — спросила Эльза

Я замерла с салфеткой у многострадального носа и у меня мелькнула мысль, что он наверняка опухший и красный как сеньор помидор.

Штейн с усталым видом потёр лицо ладонями и сердито буркнул:

— А куда я денусь от этой троянской ослицы? Приказ есть приказ.

«Господи! О чём это он?» — я вздохнула. Чего уж там! Лишь один человек мог надавить на шефа СБ и заставить его взять меня в свою команду. Ну а на Мику могла надавить только моя вампирская матушка. Чёрт знает что! «Рени, я тебе что, маленький ребёнок, чтобы пристраивать меня, да ещё таким диким способом?» — сердито подумала я.

— Эй, а у меня есть право голоса?

— Нет! — дружно ответили мои мучители и я снова увяла на стуле.

Не хочу к безопасникам! Вон и Штейн колеблется. «Не берите меня! Ну, пожалуйста! Я же вам всю статистику по дисциплине испорчу», — мысленно уговаривала я, наблюдая, как он в явных раздумьях расхаживает по кабинету.

Наконец, шеф СБ перестал маячить и сел за стол. С хмурым выражением на физиономии он побарабанил пальцами по крокодиловой столешнице, а затем достал из ящика серую коробочку и резким толчком отправил в моём направлении. Я её поймала, чтобы она не вылетела за пределы стола совещаний, за которым я сидела.

Уф! Кажется, дело сдвинулось с мёртвой точки и близится к завершению! Штейн молчал и я, в отместку за пережитое, нарочно медлила. Через пару минут я всё же подцепила крохотную задвижку. Внутри коробочки лежал жетон незнакомого мне образца. Он был примерно с половину ладони, но довольно увесистый для таких размеров. Гладкая тёмная поверхность пульсировала в определенном ритме и переливалась всеми цветами радуги. Наши академические жетоны выглядели куда скромней и были значительно легче. Ну да, это же безопасники, наверняка у этого жетона такие возможности, какие и не снились его ученическим собратьям.

— Поднеси к правому глазу, а затем по очереди приложи все пальцы рук, — приказал Штейн.

Так я и сделала. Диск зажужжал, как рассерженный шмель, и тут же умолк.

— Поздравляю, стажёр, — сухо сказал он и нажал кнопку на селекторе.

Приём окончен. Славным девочкам пора покинуть хозяйские владения. Да с радостью! Отлепившись от стула, я кивнула Эльзе, которая с прежним сочувствием смотрела на меня, и на негнущихся ногах направилась к выходу. Со Штейном я даже не подумала попрощаться. Обойдётся!

В дверях кабинета я чуть не столкнулась с красивой платиновой блондинкой. Несмотря на огромные голубые глаза, в её внешности не было ничего кукольного — это была настоящая Снежная королева. Одета в стильный костюм из голубого тонкого шёлка, который выгодно подчеркивал её пастельную красоту, она выглядела просто потрясно. Я вздохнула. Лично для меня такая элегантность была недостижимой мечтой.

Судя по уверенным повадкам, это была секретарша Штейна. Она скользнула по мне пренебрежительным взглядом и вдруг будто засветилась изнутри. Я обернулась и на всякий случай вычислила направление её взгляда. Понятно, служебный роман. Уже другими глазами я посмотрела на Штейна. Да, красив. Даже удивительно, что этот факт прошёл мимо моего сознания. Видимо, исходящая от него опасность не давала увидеть в нём мужчину.

Секретарша, не обращая внимания на Эльзу, подошла к Штейну и, задев его бедром, со значением заглянула ему в лицо. Это была изумительно красивая пара. «Хорошо смотрятся! Эдакая парочка ледяных истуканов. Снежная королева и Ледяной тигр», — подумала я, не подозревая, что угадала с прозвищем Штейна. А ещё подумала, что я при них в роли несчастного Кая, который никак не может сложить слово «вечность». Хотя чего напрягаться? Пара таких «тёплых» встреч с шефом СБ и вечность сама придёт ко мне.

Штейн бросил на меня насмешливый взгляд, и я шагнула через порог. Попытка хлопнуть дверью закончилась неудачей. Дубовая дрянь закрылась совершенно бесшумно.

Выйдя из приемной, я огляделась по сторонам. Кругом сплошные коридоры с дверями. Куда идти — не ясно и, как назло, кругом никого нет. Оставался единственный выход, а именно прислушаться к своей интуиции, что я и сделала.

Выйдя к лифтам, я поднялась вверх и, оказавшись в знакомом фойе направилась к фонтану. Нужно было умыться, чтобы не пугать Рени. Разыскивать туалет я была не в силах. Ловя изумлённые взгляды встречных, я фыркала про себя. «Знаю-знаю, леди и джентльмены! Это вам предупреждение. Будете плохо работать, и вас таким же Макаром трудоустроят. А особо упёртых примет на службу сам шеф СБ СС, чистокровный гестаповец. Тогда гарантированно у вас будет видок как у меня, «Мечта гробовщика» называется...»

Поплескавшись в фонтане, я села на лавочку и попробовала проанализировать события сегодняшнего дня, но поняла, что слишком устала для этого, да и журчание воды действовало усыпляюще. Единственно, я начала сомневаться, что это Мика поспособствовал моему трудоустройству в СБ. Отец терпеть не мог протекционизма. Да и Рени знает, что я брежу математикой. Против моей воли она никогда не запихала бы меня в безопасность. Вдобавок она не понаслышке знает эту службу. А родители, как правило, не хотят, чтобы дети шли по их стопам и набивали те же шишки. Так что надо искать кого-то другого. Вот только кого?.. Не имею понятия! Хотя если подумать, помимо отца только Совет старейшин и сам Старейший могут приказывать всесильному главе СБ СС, но это уже из области фантастики, особенно последний.

Отыскав мобильник, я позвонила Рени и через пятнадцать минут мы уже ехали к нашему дому.

[1]Mince — Блин! — фр. изыски.

ГЛАВА 14. Ай-я-яй! Сплетничать нехорошо! Но так иногда тянет о(б)судить ближнего — Ну, что скажешь?

Отклика не последовало и Штейн вместе с креслом развернулся к Эльзе Тероян, которая ждала, когда он выставит секретаршу из кабинета. Поскольку процесс затянулся, то она, судя по отсутствующему выражению, ушла в себя и не слышала его вопроса. И вообще, после ухода стажёрки с её лица не сходило серьёзное выражение. Это говорило о том, что её что-то беспокоит.

— Эй! Я тебя спрашиваю! — рыкнул он.

— Не ори! — Эльза оживилась и по её губам скользнула ехидная улыбочка. — Если ты интересуешься, что я думаю о тебе и твоей ревнивой секретарше, то вынуждена огорчить. Я вообще ничего о вас не думаю.

Положив ногу на ногу, она сидела на краешке его стола. Зелёное платье было неприлично коротким и едва прикрывало ноги, зато оно хорошо оттеняло гладкую загорелую кожу. Находя это забавным, она частенько устраивала ему подобные провокации, но при этом ни разу не перешла границ и ограничивалась только флиртом.

Откинувшись на спинку кресла, Штейн смерил девушку откровенным мужским взглядом. «Ходишь по краю, Mein Liebstes!» — с угрозой подумал он. Тем не менее он перестал хмуриться и несколько задержавшись на стройных конечностях нахальной сотрудницы, перевёл взгляд на её лицо.

— А ты подумай, — проговорил он вкрадчивым голосом. — Лично я не возражаю, если ты присоединишься к нашему дуэту с Мартой.

Эльза лукаво улыбнулась.

— Обваляешься!

Не преуспев в попытке натянуть платье на колени, она спрыгнула со стола.

— Тогда не хами и отвечай по существу.

— Что здесь думать? Зря мы устроили такой прессинг девчонке, — Эльза вздохнула и уныло добавила: — Рени раскатает меня в лепёшку, когда увидит, что мы сотворили с её чадом.

— С чего вдруг? — Штейн приподнял бровь. — Правила приёма для всех одинаковы.

— Не передёргивай! Мы прогнали Мари через проверку, предназначенную для тех, кто будет служить в спецназе, а для служащих вспомогательных служб иные требования.

Штейн презрительно фыркнул.

— Ничего, не сахарная, не развалится!

— Это ты зря. Мне она показалась не слишком устойчивой в психологическом плане.

— В досье всё нормально.

— Ну не знаю. Может, я ошиблась. Что ты сделал с девочкой, что она стала кричать?

— Ничего.

— Не уваливай! — Эльза требовательно посмотрела на Штейна. — Ты намеренно причинил ей боль?

— Да нет! — рассердился он. — Всего лишь попытался взломать блок, перекрывающий доступ к её детским воспоминаниям.

На лице Эльзы появилось укоризненное выражение.

— Зачем? Мы же специально перекрываем воспоминания, что были до вампирской жизни. Правда, проверка есть проверка.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Когда я вскрыл наш блок за ним обнаружился ещё один, более ранний, и тот, кто его ставил профи высочайшего уровня. Я такого ещё ни у кого не встречал. Как только я попытался его вскрыть, она и завопила как резаная.

— Думаешь, его поставил Палевский?

— Я тоже поначалу так подумал... — на лице Штейна отразилось раздумье. — Но нет, это не Мика. Я видел его работу. Он хорош, но тот, кто поработал с его дочерью, лучше на порядок.

— Хочешь сказать...

— Нет, я ничего не хочу сказать и тебе не советую.

— Я так и подумала. Ну, так ты убедился, что это не Эльжбета?

— Да, — усмехнулся Штейн. — Я это понял, как только взломал щит девчонки. С Эльжбетой этот фокус не прошёл бы. И вообще, попытайся я забраться к ней в голову, она так вломила бы мне, что мало бы не показалось. Нет, это совершенно точно не она. К тому же в ментальном отношении девчонка слабенькая, ей далеко до Эльжбеты. По своим способностям, она ей даже в подмётки не годится. А Давида Левантовского убить мало. Такое впечатление, что вся его писанина о девчонке — полнейшая лажа. Похоже, она оказалась ему не по зубам, а вот признаться в этом ему не хватило духу, вот он и накатал в отчёте полную ерунду.

Эльза понимающе кивнула.

— Короче, твоя паранойя успокоилась, и ты больше не подозреваешь, что за обличьем дочери Палевского прячется Эльжбета.

— Да, — Штейн скривил губы. — Очень на то надеюсь, что эта сука сдохла и мы её больше не увидим.

— Как думаешь, кто такая Мари? — спросила Эльза и потянулась за сумочкой.

Найдя сигареты, она снова села на край стола и щёлкнула зажигалкой.

Штейн пожал плечами и неодобрительно глянул на неё: ему не нравилось, когда женщины курили.

— Может, генетическая копия Эльжбеты, может, просто двойник. Это знает только Мика. Если присмотреться, то они не так уж и похожи. Будь такое возможно, я бы сказал, что это дочь Эльжбеты.

— Вот как! — пуская изящные колечки дыма, Эльза обдумала его предположение. — Да, я бы сказала то же самое.

— Но это невозможно.

— Да, невозможно. Или эксперимент удался, но Палевский пока не хочет его обнародовать. Удивительно, что Рени не ревнует из-за похожести с Эльжбетой и очень привязана к дочери, — Эльза припомнила как Мари взхлёб ревела на её плече, и улыбнулась. — Хотя я её понимаю. Славная девочка! Сама не отказалась бы от такой дочери.

— Избалованная до предела, эта ваша славная девочка, — проворчал Штейн. — Мало того, что Рени носится с ней, как курица с золотым яйцом, так и ты туда же.

— У женщин в генах заложено стремление к потомству, — спокойно ответила Эльза.

Затушив сигарету, она спрыгнула со стола и заходила по кабинету.

— Бабская блажь, — отозвался Штейн, зорко наблюдая за её передвижениями. — Тронешь, руки оторву! — предупредил он, когда она из любопытства потянулась к диску,

который принесла секретарша, и который он ещё не успел убрать.

С покаянным выражением Эльза подняла обе руки вверх, демонстрируя, что в них ничего нет.

— О, прости! Я не хотела, как-то вышло само собой.

— Вот что за привычка, вечно лапать мои вещи? Знаю, это рефлекс сотрудника СБ, и всё же не забывайся, а то живо заполучишь неприятности, сунув нос, куда не следует, — беззлобно проворчал Штейн и с ожесточением потёр лицо. — Teufel! Всё же я не ожидал, что девчонка окажется настолько похожей на Эльжбету. У меня даже мурашки по спине побежали, когда я её увидел. Как ты думаешь, кого Мика видит в ней: дочь или замену Эльжбете?

— С ума сошёл? — воскликнула Эльза, с возмущением глядя на него. — Сам-то хоть веришь, в то что сказал? Для Мики один свет в окошке это Рени.

На физиономии Штейна появилось скептическое выражение.

— Ну и что? Мужчины — существа полигамные.

— К счастью, не все такие полигамные, как ты, — усмехнулась Эльза. — Кстати, как так вышло, что ты не знаком с Мари? Вы же с Палевским друзья.

— Дел по горло, потому ходить по гостям особо некогда. Вдобавок этот переезд, будь он неладен. Я несколько раз заскакивал к ним, но Мари в это время не было дома.

— Последний вопрос. Кто отдал тебе приказ о приёме Палевской?

— No comment.

— А если подумать?

— Пошла вон из моего кабинета!

Эльза села перед носом Штейна и, запустив руку в вырез платья, вытащила два билета.

— Это в La Scala. Тоже без комментариев, или быстренько смотаемся в Италию и послушаем оперу? Между прочим, твоя любимая Любовь Казарновская будет петь.

Штейн вздохнул.

— Ведь знаешь, что у меня дел выше крыши. Вот кто ты после этого?

— Змея-искусительница? — с готовностью подсказала Эльза.

— Ладно, будь по-твоему. Давай билеты, я закажу самолёт, — согласился Штейн.

Будто невзначай его рука легла ей на колено, но она тут же её стряхнула.

— Не подумай чего лишнего. Просто я решила, что нам обоим не мешает развеяться. Ты в кои веки отвлечёшься от своих бесконечных дел. Ну а мне жизненно необходимо отрешиться от горы трупов перед глазами.

— Давно прилетела?

— Вчера. Может, плеснёшь чего-нибудь для аппетита? Я знаю, у тебя есть, — Эльза взяла стакан, стоявший рядом с графином с водой.

Штейн заглянул в её потухшие глаза и взял за руку.

— Идём!

— Куда?

— Время уже обеденное. Пойдём, что-нибудь перекусим.

— Нет, давай сначала выпьем.

— Обойдётся! — Штейн отобрал у неё стакан и, поставив на место, потянул за собой. — Идём, идём! Не упирайся! Знаешь же, что я с подчинёнными не пью.

— Никогда-никогда?.. Жаль, — пробормотала Эльза. — Пусти! Я должна надеть туфли.

Видя, что девушка не спешит вернуться к нему, и усердно роется в своей сумочке,

Штейн фыркнул. «И так всегда! Крутится рядом, а в руки не даётся», — сердито подумал он. Резко развернувшись, он направился к выходу.

— Эй, Тероян! Кажется, я уже отошёл на достаточно безопасное расстояние. Давай выметайся из моего кабинета, — проговорил он, стоя на пороге.

С озабоченным выражением на лице Эльза подняла на него глаза.

— Чёрт побери! Кажется, я забыла кошелёк. Шеф, я могу рассчитывать на твою щедрость?

Штейн смерил её долгим взглядом, но она не дрогнула.

— Идём! Так и быть, я заплачу за твоё пиво и сосиски, — проворчал он, и когда девушка приблизилась к нему, взял её под руку. — Спорим, что твой кошелёк на месте, — добавил он вполголоса, когда они вышли в коридор.

— Возможно, — не смутилась Эльза. — Ты же знаешь, как это иногда бывает с вещами. Ищешь, ищешь, и нигде их нет, но стоит кому-то другому взглянуть свежим взглядом, и они находятся.

На людях девушка держалась так близко, что то и дело задевала его бедром, и когда он глядел на неё, она посылала ему сладкие до приторности улыбки. Штейна до глубины души бесила эта пантомима лживых чувств, но до поры до времени он помалкивал и делал вид, что ему всё равно.

Мари. Караул, вампиры! Спасите меня от ужасных кровососов! Бедный папочка, никуда-то ему не деться от нежеланных деток

Когда Рени припарковала машину в гараже, и мы поднялись к себе на этаж, я категорически отказалась обедать. Все мои мечты были только об одном: я хотела немедленно оказаться в своей комнате, и рухнуть в вожаделенную кровать.

— Спать! Пусть падёт очередной Вавилон. Пусть взорвётся атомная бомба на газоне. Плевать! И не буди меня до Судного дня, — пробормотала я и, вывалившись из лифта, с настойчивостью зомби устремилась к лестнице, которая вела на второй этаж нашей квартиры.

На этот раз привычный путь оказался невероятно длинным. На заплетающихся ногах я доползла до лестницы и остановилась. Нужно было дать себе небольшую передышку перед подъёмом, и тут мне поплохело настолько, что я ухватилась за перила, чтобы не упасть. «Merde!.. Ну, всё! Объявляю кровную месть Штейну, — расстроилась я, зная, что Рени теньк следует за мной. — Как только приду в себя, обязательно урою эту сволочь. Скотина! Вот зачем нужно было доводить меня до состояния полного не стояния?»

Обернувшись, я поймала обеспокоенный взгляд Рени и постаралась выдавить из себя улыбку. Надеюсь, это была именно она, а не страдальческая гримаса.

— Мой хороший, ты не волнуйся, я скоро оклемаюсь... посплю чуток и буду как огурчик.

— Да? По мне так ты уже зелёная и в пупырышек, — хмуро заметила родительница, и когда я задрала неподъёмную ногу, чтобы взобраться на первую ступеньку, она ухватила меня за локоть и потащила за собой.

— Честное слово, я в порядке!

Не помню, что ещё я говорила, но что-то говорила. Вот только все мои протесты остались без внимания.

— Ну-ка, присядь, — приказала Рени, когда мы добрались до небольшого диванчика, обтянутого пёстрым набивным шёлком.

Несколько мгновений я тупо созерцала его весёленькую расцветку, а затем рухнула на мягкое пружинящее сиденье. В поле зрения попала пуховая подушка, и меня со страшной силой потянуло в сон. Но не тут-то было.

— Не спать! — рыкнула моя вампирская матушка.

Как Ванька-встанька я вскочила с места и, вытянувшись, вытаращила на неё глаза.

— Сидеть! — приказала Рени, и я послушно шлёпнулась на место. Чёрт! Сразу чувствуется, что она была сержантом.

— У нас что теперь не дом, а казарма? — осведомилась я сварливым тоном и бросила на родительницу негодующий взгляд.

Выражение её лица сразу же смягчилось.

— Прости, детка, от командного тона нелегко избавиться. Не ерепенься, солнышко! Я просто хочу тебя немного подлечить.

Возражать не имело смысла. Если она что-то вбила себе в голову, то проще танк на ходу остановить, чем мою вампирскую матушку.

— Тогда действуй, — я подставила шею и Рени, выпустив симбиотические клыки, без промедления впила в мою сонную артерию. Чувствуя, как уходят остатки многострадальной кровушки, я совсем поплыла. «Ah, mince![1].. Сейчас точно отрублюсь», — промелькнуло в голове. Тем не менее, я постаралась удержаться в сознании, — чтобы окончательно не вводить родительницу в панику.

— А теперь забирай обратно, — Рени отбросила на плечо массу блестящих чёрных волос и подставила мне свою шею.

Даже на грани обморока я услышала вожделенное приглашение и без раздумий припала к живительному источнику. О!.. Вампирская кровь — это нечто, не поддающееся описанию! Ничто в мире не может сравниться с ней. Она не только дарит жизнь, но и пьянит не хуже алкоголя.

Пришла я в себя, только услышав настойчивый зов отца. С встревоженным видом он тряс меня за плечо.

— Хватит, Мари! Остановись, тебе уже достаточно.

— А?.. Что?.. Привет, *rara*... С приездом! — мой взгляд прояснился, и я увидела перед собой бледное лицо Рени. — Ой! — я провела по губам, и моя ладонь окрасилась кровью. — Прости, родная! Я присосалась как клещ, да? Что ж вы меня сразу не остановили?

— Потому что у некоторых ненормальных Кошек больше упрямства, чем здравого смысла, — отрывисто произнёс сердитый отец. — Ну-ка, кыш! А ты, моя дорогая, немедленно приляг, — распорядился он и, выгнав меня с дивана, заставил прилечь на него побледневшую Рени. — Милая, может, объяснишь за каким чёртом, ты взялась лечить совершенно здоровую молодую девушку? — он бросил на меня изучающий взгляд. — Утром она оклемалась бы без твоего участия. Конечно, Мари малость потрепали, но это ещё не повод загонять себя в могилу.

Отец замолчал и в ментале сильным порывом пронёсся его призыв. Рени с встревоженным видом схватила его за руку.

— Дорогой, не надо! Девочка испугается! — произнесла она умоляющим голосом.

Ха! В соответствующем настроении отец запросто переплюнет мою вампирскую матушку. Если она танк, то он Звезда смерти. Когда он что-то задумал, остановить его абсолютно нереально.

— Помолчи! Раньше нужно было думать, а не биться в истерике при виде пустяковых

царапин Мари, — резко проговорил отец и в ментале снова пронёсся его призыв.

«Интересно, кого он зовёт?» — не понимая, в чём дело, я с недоумением таращи́лась на него. Вроде бы дома только мы трое. Конечно, если не считать охраны.

В общем, мне было лень напрягаться и расшифровывать словесные загадки. Тупила я не потому, что была не в адекватном состоянии. С восстановлением кровопотери раны и усталость бесследно исчезли. Повреждённый энергобаланс пришёл в норму. Под действием слияния эмополей, моего и родительского, я впала в эйфорию и находилась в состоянии полной гармонии с окружающим миром. В общем, это сказывалось действие вампирской крови, насыщенной симбионтами. Под её влиянием я пребывала на пике ничем не замутнённого беспричинного счастья — состояние, знакомое любому наркоману.

Единственный недостаток любого опьянения — это то, что при нём мыслительный процесс уходит в подполье и вылезает оттуда только после похмелья.

Всё было просто замечательно, и вдруг раздался отчаянный вопль. Я повернула голову и с величайшей неохотой сфокусировала взгляд на источнике неприятного звука. В дверях комнаты стояло нечто мелкое и, судя по платью, женского рода. Собрав мозги в кучку, я сообразила, что это девочка лет десяти-одиннадцати. Прижав руку к горлу, она смотрела на нас с таким невыразимым ужасом, что мне стало ужасно смешно.

— Это что ещё за явление Христа народу? — спросила я игриво. — Мрр! Новая игрушка? Как мило, родители! Это на окончание Академии? Спасибо, мои хорошие! Чудеснейший подарок, — во мне всё запело в предвкушении охоты.

— Ошибаешься, милая. К сожалению, это не подарок, а сущее наказание, — произнёс Мика, глядя на меня с весёлым любопытством.

Ну да, загуляла его дочура! С кем не бывает? И тут на меня накатила волна подозрительности.

— Что человек делает в нашем доме? Как ей удалось преодолеть охранную зону и пробраться внутрь?.. Шпионка! Убить немедленно! — воскликнула я и крадучись направилась к девчонке.

Ужас, написанный на её лице, вызывал у меня смех и в то же время подстёгивал хищнические инстинкты.

— Поиграем, мышонок? — сказала я, охваченная охотничьим азартом. — Не важно, что ты шпионка. Так даже лучше, я могу убить тебя, не заботясь о последствиях. Прекр-р-асно! Прячься, мышонок! На счёт десять я иду искать. Только, чур, из дома ни шагу. Поняла? А то такой трезвон поднимется, что плохие дяди охранники по запаре могут подстрелить тебя. Ну, всё! Раз, два, три!.. Не стой, беги!

Как муха, увязшая в паутине, девчонка задёргалась, но не смогла сдвинуться с места. Я скривилась. Фу, какая гадость! У неё было не лицо, а само воплощение ужаса. Бледная как смерть, глаза того и гляди выпадут из орбит, рот раззявлен в беззвучном крике. Разве что волосы не стоят дыбом, а по-прежнему заплетены в аккуратные косички. «Прибить, чтобы не мучилась», — возникла мысль в моей нетрезвой голове. С этим намерением я шагнула было к девчонке, но тихий голос Рени остановил меня.

— Мари, прекрати запугивать девочку! Аннабель — твоя будущая сестра. Мика, ну что ты молчишь?

— А что такого? — приподнял бровь отец. — У нашего ребенка выиграли вполне здоровые вампирские инстинкты. Пусть немного развлечётся.

Я нерешительно глянула на родителей не понимая, могу я продолжить игру с новой

игрушкой или нет.

— Детка, ты совсем пьяна. Иди к себе наверх и ложись спать. Мика, как тебе не стыдно? Аннабель! Не бойся, малышка, тебе не сделают ничего плохого. Не обращай внимания на Мари, иной раз она любит дурно пошутить. Аннабель, ты тоже иди к себе.

— Почему ты зовешь её деткой? — возмутилась я. — Не смей! Это я твоя детка!

Рени укоризненно посмотрела на меня.

— Мари, прекрати истерику.

— Не хочу!

— Ну-ну, не капризничай! Иди спать.

— Не пойду! Мне не нужны никакие сёстры. *Рара*, выгони эту дрянь, я не хочу ни с кем делить Рени!

— Не шуми, милая, — поморщившись, сказал отец. — Сядь, и чтобы я тебя не слышал.

Несмотря на опьянение, я не посмела его послушаться. С тихим ворчанием я забралась с ногами в кресло у окна и уставилась на родителей. И хотя я не отдавала себе отчёта в том, что происходит, тем не менее меня тревожило поведение отца.

Он наклонился к Рени, лежащей на диване, и с обеспокоенным видом всмотрелся в её бледное лицо с закрытыми глазами.

— Кошка, как самочувствие? Может, поедem в институт? Что-то мне не нравится твоё состояние.

— Ни за что! — Рени открыла глаза. — Дорогой, мы договаривались: никаких клиник.

— Дурочка! В палате у тебя будут все мыслимые и немыслимые условия. Чего ты трусишь?

— Я сказала, нет! Если ты хоть капельку любишь меня, то больше не возвращайся к этой теме, — решительно сказала Рени и, помолчав, мягко добавила: — Мой ангел, ты обещал исполнить моё пожелание. Я хочу до последнего оставаться дома. Будь добр, держи слово.

— Хорошо, но и ты будь добра делать то, что я приказываю, как врач.

Отец сердито сверкнул глазами.

— Подойди, Аннабель! — сказал он и девчонка походкой марионетки зашагала в сторону родителей. В вытаращенных от испуга глазёнках по-прежнему стоял такой ужас, что я не удержалась и шутливо рыкнула. Несмотря на связку отца, она подпрыгнула, и я согнулась от смеха.

— Мари, не мешай! — сдержанно произнёс отец и я, веселясь от души, показала ему язык, — ведь пьяному море по колено. Он не выдержал и усмехнулся. — Ну, ты и наклюкалась! Пожалуйста, сиди тихо и не отвлекай меня. Может, ты тоже понадобишься, — добавил он озабоченным тоном, и даже сквозь эйфорию я ощутила тревогу.

Мика приказал девчонке сесть на диван и приподнял Рени.

— Пей! — приказал он и, чтобы окончательно сломить сопротивление мамы, добавил с неумолимым видом: — Пей! Или я сверну ей голову и вся недолга. Я бы дал свою кровь, но в твоём состоянии она опасна. Если не поможет человеческая кровь, добавим немного крови Мари. Надеюсь, из-за вашего недавнего обмена отторжение её крови будет не таким сильным.

— Ладно, будь по-твоему, — сдалась Рени, поняв, что Мика не отступит. — Но учти, я всё равно не дам убить девочку.

— Хватит болтать! Пей!

С видом жертвенной овцы девчонка подставила ей горло и Рени запустила клыки в её

артерию, но быстро отпустила. Она явно берегла феникса и во мне снова разыгралась ревность.

К чёрту трусливого человеческого недомерка! Я подлетела к дивану и, спихнув девчонку, подставила Рени свою шею.

— Мой хороший, пей сколько хочешь! Хоть досуха!

Вместо того, чтобы последовать приглашению, Рени обняла меня.

— Глупый ты ребёнок! Иди уже спать, а то пугаешь мне феникса.

— Плевать на феникса! Не пойду, пока ты не скажешь, что с тобой всё хорошо.

— Со мной всё хорошо, — улыбнулась Рени и я, отстранившись, придирчиво её оглядела.

— Не-а! Ничего ты не в порядке. Пей! Ну, давай! — воскликнула я с пьяной настойчивостью и повернулась к отцу, ища у него поддержку. — Мика, скажи ей, что моя кровь лучше, чем человеческая.

— Увы, милая! В данном случае человеческая кровь предпочтительнее, чем твоя или моя, — рассеяно отозвался он, наполняя шприц лекарствами.

Получив человеческую кровь и дозу лекарства, Рени заметно приободрилась и у меня отлегло от сердца.

— Мари, иди к себе, — сказал отец, видя, что мама по-прежнему беспокоится за феникса и добавил безапелляционным тоном: — Кому сказано? Толку от тебя никакого, только под ногами путаешься.

— Ну и уйду! Насовсем, — обиделась я. — Тут стараешься как лучше, а тебя все гонят. Вот и оставайтесь с этой придурочной человеческой девчонкой.

— Мари! Марш наверх.

— Есть, сэр!

Я козырнула отцу и, чётко развернувшись, взяла курс на лестницу, ведущую на второй этаж нашей квартиры, но через несколько шагов повернула назад. Подойдя к девчонке, я хлопнула её по плечу. От неожиданности или от испуга, но она шлёпнулась на пятую точку и, не вставая, уставилась на меня.

— Ладно, человек, долг платежом красен. Так и быть, живи, — снисходительно проговорила я и, поймав насмешливый взгляд отца, рассердилась. — Вот нечего лыбиться! Я в полном адеквате!

— Иди спать, — миролюбиво сказал он.

— Честное слово, я трезвая как стеклышко, — заверила я отца и, метнувшись к Рени, снова её обняла.

— Маман, я тебя люблю! — воскликнула я. — Не смей больше болеть! Ты же вампирка! Это я виновата, да? Хватила излишек твоей крови? — меня захлестнуло чувство вины. — Дрянь! — я ударила себя по щекам. — Вот тебе! Вот тебе! Не смей так больше делать!

— Мари! — раздался предупреждающий голос отца, но я пропустила его мимо ушей.

— Маман! — я всхлипнула. — Я очень, очень тебя люблю! Так люблю, что мне плевать, кто моя настоящая мать. Я жалею лишь об одном, что она это не ты.

— Детка! Твои слова — лучший подарок в моей жизни, — губы Рени лёгким поцелуем коснулась моего лба. После этого она отстранилась и, не выпуская моё лицо из ладоней, пристально посмотрела в глаза. — Я никогда не была набожной, но теперь я хотела бы верить в Него. Возможно, тогда Господь отозвался бы на мои молитвы и в следующей жизни дал бы нам снова стать семьёй, — тихо сказала она и у меня перехватило горло от переполнявших меня любви и нежности.

Не в силах что-либо сказать я уткнулась носом в её плечо и заплакала.

— Ну, всё! — не выдержал Мика и, оторвав меня от Рени, взвалил себе на плечо.

Он притащил меня с к лестнице, ведущей наверх, и, поставив на ноги, подтолкнул в спину.

— Наверх! Живо!

Наверх, так наверх! В мгновение ока я взлетела по лестнице и, улегшись на пол, прислушалась к голосам родителей.

— Как ты себя чувствуешь, глупая Кошка? — в тихом голосе отца отчетливо прозвучала душевная боль. — Не смей больше проделывать таких фокусов, они убьют тебя раньше времени.

«Странно! В чём дело? Ничего не понимаю! Неужели Рени действительно заболела?» — в моей голове всё сильней звенели тревожные колокольчики.

— Не тревожься, мой ангел! Всё хорошо. Честное слово, я не думала, что мне станет плохо. Клянусь, больше не совершать опрометчивых поступков, отныне я буду очень осторожна. Ну, и почему столько недоверия во взгляде? Сердце моё, успокойся. Ведь я люблю тебя.

В низком чувственном голосе Рени прозвучало столько нежности, что мне стало неловко. Правда, не настолько, чтобы я перестала подслушивать и вдруг:

— Кстати, дорогой! Мари у нас большая любительница развесить уши. Не забудь стереть наш разговор из её памяти. Незачем ей знать о моей болезни, а то она такую драму разведёт, что я сама застрелюсь раньше времени.

«Вот, чёрт! Попалась!» — я поднялась и бесшумно, на цыпочках, прокралась в свою комнату. Закрыв дверь на ключ, я подлетела к столу и сделала запись в ноуте. А чтобы подстраховаться, вывесила на экране специальную метку, говорящую о срочности просмотра файла.

«Вот теперь попробуйте что-нибудь стереть из моей памяти», — с торжеством подумала я и, не раздеваясь, плюхнулась в кровать. Правда, затем не выдержала и потащилась в ванную. Нужно было смыть с себя трудовые пот и кровь и заодно переодеться во что-нибудь менее дырявое.

Ненавижу Штейна! Кстати, о нём любимом. Принять-то он меня принял, а в какой именно отдел, так и не сказал. «Поздравляю, стажёр!» — передразнила я.

Навороченный жетон оказался таким же поганцем, как и тот, что его выдал. На экране высветилась надпись, что у меня нет доступа к какой-либо информации, поскольку я ещё не оформлена в отделе кадров. Ну и фиг с вами! Не очень-то и нужно! Если опоздаю на работу, то сами будете виноваты. Дали бы мне нормальное направление, я бы знала куда мне идти и к какому времени. Ладно, работа пока не к спеху, всё равно сейчас каникулы.

После ванны меня разморило, и я со счастливым стоном плюхнулась в кровать. Моё родное одеяло! Моя любимая подушка! Господи, есть же в жизни счастье!

[1]Ah, mince! — Вот, блин!

А вот фиг мне! В кровать я улеглась, но сон бежал от моих глаз. Опыянение пошло на убыль и в свои права вновь вступила госпожа Реальность. Естественно, сегодняшней день, до предела насыщенный событиями, требовал систематизации и анализа.

Итак, сначала был Ладожский со своим дурацким предложением, затем Ник Реази. Дракой, прилюдно развязанной в автобусе, он как бы заявил права на меня, хотя невооружённым глазом видно, что он терпеть меня не может. Парадокс! Потом был штаб и пустая бумажка в конверте, которая привела к тому, что меня как следует отделали. После этого был глава СБ СС, вторая по значимости личность в нашем мире, который лично принимал на работу ничем не примечательную выпускницу. Снова парадокс! Что там Алиска приговаривала в таких случаях? Всё страньше и страньше! Всё чудесатее и чудесатее! А как уж всё любопытственнее и любопытственнее, не передать словами!

Тут я вспомнила о болезни Рени и всё остальное отошло на второй план. «Если Мика встревожен, значит, мама серьёзно больна. Главное, насколько серьёзно?.. Нет, чушь! Не может быть, чтобы отец её не вылечил. Он же гений в медицине... Ладно, чего гадать? Завтра же спрошу у него, что с Рени».

Незаметно для себя я уснула, и для этого даже не пришлось пересчитывать бесчисленные стада овец. Вдобавок суматошный день так повлиял на меня, что сознательно-бессознательное выдало на-гора очередное пророческое сновидение. А может, это был обычный дурацкий сон. Кто знает.

Сплю я, значит, и вдруг выясняю, что без всякого страха парю на высоте птичьего полёта, что само по себе уже удивительно, с учётом моей высотобоязни. И вообще, окружающая обстановка романтична до невозможности. Ночь. Тишина. На чистом небе цвета индиго громаднейшая полная луна. Звёзды, как любимые Мэрилин Монро бриллианты. Думаю, их калибр пришёлся бы ей по душе.

Я смотрю вниз и вижу сказочно-прекрасную долину, которая имеет несвойственную природе правильную квадратную форму. В центре долины находится вулкан из чёрного столбчатого базальта. В жерле вулкана лежит идеально круглое жемчужно-голубое озеро, из которого берут начало четыре полноводные речки. Их русла делят квадратную долину ещё на четыре равные части. Купы деревьев и кустов, растущие там, образуют узоры, похожие на письма, а может, так оно и есть.

В целом ансамбль смотрелся как чей-то геральдический герб. Самое удивительное, что, несмотря на изобилие геометрии, несвойственной природе, парк почему-то не кажется искусственным образованием. Впрочем, ничего удивительного, если вспомнить, что симметрия является вершиной эволюции природы. В общем, красотища неопишная. Эстетика в своей наивысшей форме, но есть ощущение, что чего-то не хватает. «Геральдических зверушек!» — догадалась я.

И тогда, восполняя это упущение, в каждом из четырёх полей долины вспыхнуло призрачное голубое сияние. В его неверном свете зашевелилось нечто тёмное и живое, а затем на поляну вышли четыре великолепных зверя и их хозяева.

Первым вышел Снежный барс, и его часть долины окрасилась в белый цвет. Разом умершую листву, цветы и траву засыпал снег, мерцающий алмазным блеском. Снежный барс рыкнул и на его вызов ответил Полночный ягуар. Он вышел из голубого сияния и его часть

долины обернулась ночным звёздным небом.

Оскалив белоснежные клыки, звери двинулись навстречу друг другу, но хозяйские окрики не дали им сцепиться.

На этот раз из столбов призрачного сияния вышли два высоких рыцаря в одинаково чёрных, с радужным отливом доспехах. Снежный барс встал рядом с рыцарем, чьи длинные волосы соперничали цветом со свежевывавшим снегом, а Полночный ягуар улёгся у ног рыцаря, чьи тёмные волосы отливали звёздным светом. С той высоты, на которой я находилась, их лиц было не разглядеть, но по тому как они держались и вели себя со зверями, я бы сказала, что это Томас Штейн и Ник Реази. Если Снежный барс ластился к хозяину и тот, играя с ним, поощрительно трепал его по ушам, то Полночный ягуар не позволял себе таких вольностей. Он смиренно лежал у ног хозяина, который, не обращая на него внимания, периодически похлопывал плёткой по сапогу.

«Двое есть, а где же остальные?» — подумала я, глядя на два других, не занятых поля. В ответ на мой вопрос из голубого сияния одновременно шагнули ещё два рыцаря в чёрных доспехах. Рыцаря с короткими, соломенного цвета волосами сопровождала Солнечная львица. А вот хозяина Золотого тигра я сразу же узнала. При виде Тьена моё сердце радостно забилось, но сколько я ни звала его, он меня не слышал. Я, конечно, немного расстроилась, но всё равно была счастлива хоть так встретиться с ним. Долину Тьена устлал красно-золотой ковёр палой листвы с пёстрыми вкраплениями даров осени, а рыцаря, очень похожего на парня, известного мне как Хамелеон, затянуло молодой зеленью и прозрачным солнечным туманом.

Воздух над озером закружился золотой взвесью и из него появилось удивительное существо — золотоволосая красавица, чью голову и светящуюся одежду украшали живые цветы. Почему-то я подумала, что шекспировская королева Титания должна выглядеть, как она. Во всяком случае, за её спиной тоже трепетали полотнища прозрачных крыльев, которые, как мыльные пузыри, переливались всеми цветами радуги. Королева фей поманила меня к себе, и я полетела к озеру. Когда я спустилась вниз, едва не касаясь ногами его поверхности, все четыре кошки, как в первом сне, громадными прыжками понеслись ко мне. К счастью, при подлёте они превратились в цветной туман, который сгустился и образовал радужный шар размером с волейбольный мяч. Он завис над моими протянутыми руками и я, не зная, что с ним делать, подняла голову и посмотрела на королеву фей. Тогда она тоже спустилась вниз и протянула ко мне изящные полупрозрачные ладони. «Круг замкнут! Малышка, не возражаешь, если я заберу у тебя свою душу?» — пропела Титания чудеснейшим голосом, способным очаровать даже адского Цербера, что уж говорить обо мне.

Пребывая в немом восторге, я выпустила из рук радужный шар. Но не успела королева фей его поймать, как вдруг из ниоткуда вынырнул чёрный дракон и мигом проглотил моё подношение. Титания заплакала, а наглая драконья морда повернулась ко мне и расплылась в устрашающей улыбке. Зубки у этого волшебного гада были такого размера, что, естественно, я сразу же проснулась.

Судя по тому, что за окном ярко светило солнце, обещанный ужин я проспала. Часы показывали половину шестого. Уже проверено, в хорошую погоду, как ни старайся, не уснёшь. К тому же сказывалась пятилетняя академическая привычка к распорядку дня. Но как только я припомнила, что никуда не надо спешить, учёба окончена и сейчас каникулы, то меня с головой накрыла волна блаженства. Жизнь хороша и жить хорошо! Господи! Какое

это счастье — просто поваляться в постели, зная при этом, что тебе никуда не нужно спешить. Я с удовольствием потянулась, так что хрустнули косточки и тут внизу, там, где кухня, что-то тихо звякнуло.

«Who is this?», — нарисовалась ленивая мысль. После вчерашнего в моей голове царил приятный вакуум, потому не было никакого желания напрягать мозги.

Я нырнула под одеяло и зажмурила глаза: «Сказала же, что никакого желания! Не встану! Ни за какие коврижки!.. Ну, конечно! Не встанет она, пропади всё пропадом». Повертевшись с боку на бок, я снова села в кровати. Даже интересно, что за паразит живёт в нас, который заставляет идти против собственной воли? Ну или лени, как в данном случае.

Главный закон подлости заключается в том, что когда что-то доступно, то почему-то именно это теряет для нас всякую привлекательность. Вдобавок в голову полезли непрошенные размышления. Например, о том, что Рени на кухонные подвиги не способна, да и встаёт поздно, поскольку любит брать работу на дом и допоздна засиживается за компьютером. «А после вчерашнего кровопускания, устроенного моим высочеством, вряд ли она встала в такую рань, — продолжила я цепочку логических умозаключений. — Отца тоже нет дома, даю голову на отсечение. Уверена, что он уже улетел по своим делам. Итак, А упала, Б пропала, кто остался на трубе? На трубе, то есть в доме, осталась мелкая буква «и». Выходит, что в нашей кухне шебуршится феникс — недавнее приобретение моей энергичной матушки. Bravo, bravo! Господа, вы не поверите, но свершилось очередное чудо: победа разума над тупой материей».

Поздравив себя с этим открытием, я снова улеглась в кровать и закрыла глаза. Феникс. В моей памяти всплыло напуганное детское личико. Человеческая девчонка по имени Аннабель. Нежданный подарочек, от которого могут быть проблемы. А оно мне надо?.. Не-а. К чёрту девчонку! Палка, палка, огуречик — вот и вышел человек. «Надеюсь, что навсегда», — пробормотала я, пригревшись под одеялом.

Только я задремала, как в кухне снова что-то звякнуло.

Who is this?.. Ах да! В семейке кровожадных вампиров завёлся человек. Любопытно каким образом старейшинам удалось всучить отцу это чудо чудное? И почему у меня неотвязное ощущение присутствия чьего-то пушистого чёрного хвоста за их спинами? Мика, насколько я знаю, терпеть не может инициированных чад. Поначалу он и меня принял в штыки, но со временем мы подружились. Помнится, Рени несколько раз заводила осторожные разговоры о пополнении семейства. Но на все её умильные просьбы отец отвечал категоричным отказом и вот на тебе, получите недомерка! Хотя, если вспомнить многочисленных родственников Ладожского, в братьях и сёстрах что-то есть... Ну да! Когда они чужие, а не сутки напролёт путаются у тебя под ногами. Иван просто сиял от счастья, когда линял из родного дома и отсиживался у меня.

«Дались Рени эти чёртовы дети!» — ревниво подумала я и, перевернувшись на спину, уставилась в потолок — самую изучаемую деталь домашних интерьеров, особенно в спальнях.

Я снова задумалась над тем, как маме удалось уломать отца, но ничего путного в голову не приходило. «Нужно обязательно попытать её на этот предмет», — мелькнуло в мыслях. И тут с первого этажа потянуло такими вкусными запахами, что мой рот мгновенно наполнился слюной. Не выдержав, я села в кровати. Вот ведь противный человек! Мало того, что оккупировала нашу кухню, так ещё хозяйничает там как у себя дома.

«Пойти что ли запугать её до смерти?» — я обдумала этот вариант, но потом решила

быть великодушной. К тому же я дала **Слово**, а его нужно держать, а то оно сдуется до обычного дрянного словца, которое ничего не стоит. Во-вторых, человек неплохо готовит. Так что пусть живёт. Пока.

Я выбралась из кровати и потянула носом воздух. Пахнет просто божественно. Думаю, пора мне появиться на авансцене, и снять пробу, желательно не с отдельных блюд, а целиком, со всего завтрака.

Внезапно звякнул ноутбук и на его экране заплясала забавная фигурка, заполошно размахивая руками. «Что такое? — удивилась я. — Какое такое срочное дело? Вроде бы я ничего не планировала на сегодня... Ну, ладно. Посмотрим». Но сколько я ни ползала по файлам, все записи были старые. Единственно, от ноутбука слегка попахивало знакомым мужским одеколоном. «Странно! Зачем Мике мой ноут, когда у него есть свой, причём стократ круче, чем мой старичок? Может, ему было лень спускаться вниз?» — я пожалала плечами и на всякий случай включила антивирусную программу на дополнительную проверку.

Приведя себя в порядок, я спустилась на первый этаж. Бесшумной поступью я вошла в кухню и огляделась. Определённо, здесь что-то изменилось, правда, я не очень помню, что было раньше, но плошек явно стало больше — во всяком случае, задействованных в готовке.

Девчонка стояла ко мне спиной и, судя по чудесному аромату, готовила кофе. Я подошла к французскому окну, и распахнула его настежь. Прохладный ветерок подхватил лёгкие занавески и моему взгляду открылся вид на террасу, заставленную горшками с цветами. В основном, это были бегонии: красные и розовые, белые и жёлтые, кремовые и вишнёвые, махровые и ампельные и ещё чёрт знает какие. Над яркими, но бесполезными для них цветами с сердитым жужжанием вились многочисленные пчёлы — как наглядное пособие того, что надежда умирает последней. Я вышла на террасу и облокотилась на перила. Мне нравится неброская природа северных широт, хоть я предпочитаю более тёплые края. Посмотрев на невинно-голубое небо в легкомысленных кудряшках белых облаков, я вернулась в кухню.

Примечательно, что девчонка даже не обратила внимания на обширный сквозняк в кухне и продолжала кашеварить, не замечая моего присутствия. Подойдя, я встала у неё за спиной и в безмолвном восторге закатила глаза. Это надо же столько вкуснятины наготовить! Настоящий французский завтрак!

— Bonjour, soeur Annabelle[1]! Чего ты не воспользовалась кофеваркой? — спросила я и с гордостью посмотрела на чудо-машину, которую, пусть не сразу, но мне всё же удалось выцыганить у родителей. — О! Надеюсь, она не сломалась?

Услышав мой голос, девчонка так резко дернулась, что пролила себе на руку кипяток. Вот дурочка! И чего боится? Будто её в самом деле здесь съедят. С другой стороны, страх не такая уж плохая эмоция. В разумных дозах он даже полезен.

— Ну-ка, дай мне свою лапку! Я тебя быстро подлечу, — сказала я, как можно миролюбивей.

Взяв девчонку за руку, я лизнула обожжённое место. Поскольку мы сами по себе ходячие аптеки, то покрасневшая кожа сразу же побледнела. Спустя пару секунд от ожога не осталось и следа.

— Ну вот! А ты боялась, — пропела я, но благодарности не дождалась.

Девчонка от моего прикосновения дёрнулась так, будто её ударило током, а затем, как кролик, загипнотизированный удавом, уставилась на меня выпученными тёмно-зелёными

глазами. От испуга её загорелое узкое личико побледнело настолько, что на нём проступили ранее незаметные веснушки.

Я умираю от желания как следует припугнуть трусишку, но девчонку и так была нервная дрожь. С этим нужно было что-то делать, иначе Рени попилит меня на мелкие чурбачки или чурочки?.. Не суть! Короче, пора приручать сестрицу. Вздохнув, я начала поглаживать девчонку по руке. Она сделала слабую попытку её выдернуть, но я не отпустила.

— Тебя зовут Аннабель, выходит, ты француженка?

Реакция нулевая, девчонка продолжала изображать из себя каменного истукана. Ладно! Вампиры мы, в конце концов, или нет? Я подключила ментальную обработку первого уровня. Сейчас, мышонок, ты у меня заговоришь!.. Ура! Заработало!

Хоть с немалой дозой испуга, но девчонка посмотрела на меня уже более или менее осмысленно. Я дружелюбно улыбнулась. «Вот чёрт, кажется, забыла убрать клыки!» — спохватилась я, но проверка показала, что они смиренно лежат в десне. Слава богу! А то вся работа пошла бы насмарку.

— Кофе нальёшь? — поинтересовалась я.

— Да, мадемуазель! — чуть слышно выдохнула новоявленная сестрица.

Впрочем, дойдёт ли дело до родства ещё не известно, подумалось мне. Судя по реакции Мики, он будет упираться до последнего, но Рени обязательно его дождёт.

Девчонка схватила со стола фарфоровый кофейник и бросилась к плите. Несмотря на испуг, она двигалась на удивление уверенно, как будто готовка — это её родная стихия.

Пока она возилась у плиты, я села за стол и взяла чашку.

— Вот, пожалуйста! — вернувшись, девчонка протянула мне кофейник, а я ей чашку.

— Налей, если тебе не трудно, — попросила я, стараясь не рассмеяться. Мышонок отжил, но по-прежнему боялся меня. — Аннабель, клянусь святой Бригиттой, руки у меня не резиновые и на такое расстояние точно не дотянутся.

Набравшись храбрости, девчонка мелкими шажками приблизилась ко мне, и после того как налила кофе, снова попыталась сбежать.

— Мадемуазель, я пойду?

— А позавтракать? — удивилась я и с восторженным видом принялась. — О боже! Чем это так вкусно пахнет?

— Я испекла бисквиты и круассаны, приготовила омлет с сыром и бризоль из форели. Есть вчерашний гусиный паштет и свинина, запечённая под картофелем с майонезом.

— Тогда мечи на стол, всё что есть в печи! — нетерпеливо воскликнула я.

— Хорошо! — прошептала девчонка, но уже немного громче, чем прошлые разы.

Спустя пять минут стол ломился от деликатесов, включая обещанный Рени торт из мороженого. «Нет, от такой сестры нельзя отказываться!» — пришла я к выводу и благосклонно посмотрела на девчонку. С голоду с ней точно не помрёшь.

— Кстати, меня зовут Мари, — представилась я и протянула руку.

Девчонка быстро взглянула на меня и, немного помявшись, подала мне свою ладошку.

— Приятно с вами познакомиться, мадемуазель, — я пожалала её тоненькие пальчики, после чего положила ей на тарелку омлет и с чопорным видом склонила голову. — Знакомься, Аннабель, это омлет. Омлет, это Аннабель.

Девчонка хихикнула и подхватила мою игру. Сверкнув боязливой улыбкой, она положила мне паштет.

— Знакомься, пахнет, это Мари! Мари, это пахнет.

Вот ведь поросёнок! Всё же сумела найти ко мне подход. Как говорится, побила меня моим же собственным оружием. Интересно, родители переживут, если в доме у них поселятся две артистки или погонят прочь — под предлогом, что нужно привыкать к самостоятельной жизни?

После того, как мы позавтракали, Аннабель налила мне ещё кофе и я, взяв кружку, с удовольствием вдохнула его горьковатый аромат. Божественный напиток! Когда-нибудь я сочиню ему оду. Клянусь, это будет не заказная музыка, как у господина Баха, а жар восторженной души.

В кухне воцарилась тишина. У девчонки заметно дрожали руки и иногда стучали зубки о край кружки, но она мужественно пыталась сохранить спокойствие и ни разу не заплакала. Ценю. Молодец. Храбрый мышонок!

Поблагодарив Аннабель за завтрак, я нахально оставила на неё мыльце грязной посуды и отправилась искать Рени. Оказалось, что у них на работе приключилось ЧП и она ни свет ни заря понеслась в свой отдел. На мой звонок она откликнулась сразу, как только я набрала её номер.

— Привет, маман! Не иначе какой-нибудь человеческий шпион спёр у вас страшно важный отчёт?

— No comment!

— Ой, какие мы все важные! — фыркнула я. — Тогда скажи, как самочувствие? Всё в порядке?

— Естественно! — удивилась Рени. — С чего вдруг ты заинтересовалась моим здоровьем?

Я вздохнула. Опьянение вампирской кровью плохо тем, что когда оно пройдёт, то помнишь всё что делал и говорил в этом состоянии. Никакое: «Ой, я забыла!» здесь не прокатит.

— Кажется, вчера яхватила излишек твоей крови. Прости, маман!

— Не говори ерунды, солнышко! Со мной всё в порядке.

— Слава богу! — воскликнула я с облегчением.

Голос у Рени был бодрый, значит, с ней действительно всё в порядке, а то меня с самого утра точит червячок беспокойства. Я уже несколько раз проанализировала все наши вчерашние разговоры. Отчего-то меня не покидало ощущение, что я что-то забыла, хотя, как я уже сказала, это невозможно.

— Мари! — прервала Рени мои размышления.

— Я за неё!

— Скажи, вы поладили с Аннабель?

— Поладили, поладили! Можешь не беспокоиться.

— Детка, пожалуйста, будь добра к девочке, хорошо?

— Хорошо! — просящие нотки в голосе моей вампирской матушки вызвали во мне утихший было приступ ревности. — Поверишь на слово, что я не съела твоё сокровище? Ну, разве что малость покусала. Шучу! Обещала же, что не трону, и нечего обиженно дышать в трубку! Цел и здоров твой Карлик Нос и опять что-то варганит на кухне. Откуда только ты её взяла? Не иначе спёрла из сказки Гауфа. Видимо, у него был вариант с женской особью, — развеселилась я.

— Ты даже не представляешь, чего мне это стоило! — оживилась Рени. — Еле

выцарапала девочку из загребуших лап семейки Ладожских. Представляешь, матушка твоего приятеля имела наглость жаловаться на меня в Совет! Видите ли, Верочке давно хотелось иметь такого маленького феникса, чтобы птичка не так быстро вылетела из родительского гнезда.

— Понятно! — фыркнула я. — Сперла феникса у Ладожских. Ну, ты даёшь! А как ты отца уломала?

Рени хихикнула в трубку.

— Так и быть, вечером шепну по секрету, — пообещала она.

— Договорились! Только скажи, ты била его аккуратнo? Главное, чтобы не по голове. Не дай бог, что-нибудь сдвинется в его мозгах, Совет старейшин тебе этого не простит.

— Нахалка! Совсем распустилась в Академии! Вот пожалуюсь Мике, что за гадости ты мне говоришь, уж он пропишет тебе ижицу по полной программе.

— Да ладно тебе! Попав под начало Штейна, я и так уже в полной ижице, — ответила я возмущённой родительнице, припомнив, что хотела выяснить у неё, кто приложил руку к моему распределению.

— Не беспокойся, детка, — сменила Рени гнев на милость. — Мика что-нибудь обязательно придумает.

Понятно, она не в курсе, значит, и отец отпадает. По своей инициативе он ни за что не пошёл бы против собственных правил. Да, дела! Ума не приложу, кто приказал Штейну взять меня. Если только Мика что-нибудь задумал... нет, ни при каких обстоятельствах он не будет использовать семью. Значит, мы имеем дело с мистером Иксом, который разыгрывает собственную партию.

— Эй! Ты чего там притихла? — забеспокоилась Рени. — Мари, у тебя всё в порядке?

— В полном! — ответила я и на всякий случай спросила: — Думаешь, это возможно? Я имею в виду, что просьбу отца удовлетворят и меня перераспределят в другое место?

— Мари, ты в своём уме? Палевский и просить? — неподдельно удивилась Рени. — Он просто прикажет вот и всё.

— Что-то слабо верится, что он пойдёт на такое даже ради меня. И не вздумай на него давить, поняла? А то я тебя знаю.

Мы ещё немного поболтали пока Рени не вызвали на совещание.

Держа в руке мобильник, я побродила по комнатам. Ладно! Нечего праздновать труса! Сама заварила кашу, сама теперь расхлёбывай. Тем не менее я не сразу решила позвонить подруге. Естественно, Беккер не ответила мне ни по мобильнику, ни на ментальный вызов. Что ж, если гора не идет к Магомету...

Оказавшись перед дверью Сониной квартиры, я зажмурила глаза, а затем собралась с духом и нажала кнопку звонка.

— Сонь, можешь, хоть целыми днями отсиживаться за дверью, я столько же буду дневать, и ночевать под ней! Поняла? Посмотрим, кто кого переупрямит. Учти, мне без проблем заночевать на коврике, — крикнула я и, переждав несколько минут, снова нажала на кнопку звонка.

Спустя час заплаканная Соня, чуть не прибив меня, восседающую на коврике, распахнула двери.

— Заходи, и будь ты проклята! Знай, ты мне больше не подруга.

«Тяжёлый случай!.. А-а, ерунда! Главное, прорвалась, а там разберёмся», — я состроила покаянную мину и, пока Беккер не передумала, проскользнула в квартиру. Mince! От долгого

сидения в позе лотоса, ноги совсем онемели. Но ради того, чтобы помириться с любимой подругой, я готова вытерпеть и не такое. Итак, вперёд и с песнями: «Allons! en garde! allons! allons! ah! Toreador, en garde! Toreador! Toreador!»[2]»

[1] Bonjour, soeur Annabelle! (фр. яз.) — Доброе утро, сестра Аннабель!

[2] «Вперёд, тореадор! Тореадор, тореадор!», куплеты из «Кармен», оперы Ж. Бизе.

ГЛАВА 15. Политика мужчин в кулуарах — это выяснение кто из них главный, немного протекционизма, философии, ну и, как всегда, о женщинах, их даже Библия не спасает

Дома Палевский не показал виду, но его взбесило, что кто-то посмел довести его дочь до такого состояния, что на ней живого места не осталось. Когда ему доложили, что к этому причастен Штейн, к его гневу примешалось беспокойство. По своему влиянию глава Службы безопасности был соизмерим с его собственным влиянием, что наводило главу Совета старейшин на определённые мысли. «Неужели Томас решил мне бросить вызов? Как же это не вовремя!» — с огорчением подумал Палевский.

Как медик, он предпочитал не запускать болезнь и на следующий день поехал в штаб ОК.

Первой, кто заметил его появление, была человеческая девчонка. Она торговала мороженым с лотка, который находился недалеко от того места, где остановился мерседес Палевского.

Продавщица скользнула равнодушным взглядом по дорогой иномарке и мужчине, который выбрался из притемнённого салона — и то и другое было не из её жизни. Правда, при этом она сразу же подметила изящество гибкой фигуры незнакомца, упакованного в явно дорогой светлый костюм и такую же явно дорогую обувь. Затем её внимание привлекли его волосы, слишком длинные и слишком ухоженные. «Ещё один любитель вампиров!» — фыркнула она про себя, заметив, что грива шелковистых светлых волос связана узкой чёрной лентой. Ну а дальше он повернулся к ней лицом, и девушка застыла, как громом поражённая. Это был тот, кто являлся ей во снах и о ком она так часто думала, что он превратился для неё в реального человека. Возможно, она читала слишком много литературы о средневековье, когда в ходу было такое словечко как куртуазность, потому во сне он представлял перед ней в одеяниях знати того времени. Как правило, это была эпоха Людовика XIV, когда дворяне носили роскошные шляпы, камзолы, украшенные вышивкой и драгоценностями, рубашки, утопающие в кружевах, забавные короткие штанишки, чулки и туфли на высоком каблуке. Единственное, что придавало вес этим щёголям, не давая забыть, что это всё же мужчины, а не куклы, это обязательная шпага на боку и готовность в любое время пустить её в ход. Вот только мужчина её мечты даже в таких нарядах выглядел настоящим королём...

Заметив, что незнакомец идёт в её сторону, девушка была готова пуститься в бега, но он, не дойдя до её лотка, свернул к набережной и она, переведя дух, приложила ладонь к сердцу, которое по-прежнему билось в сумасшедшем ритме.

Остановившись у гранитного парапета, мужчина вытащил сигареты и закурил. Свежий речной ветер с Невы теребил его длинные вьющиеся волосы и, наконец, лента, не выдержав их совместного напора, развязалась и улетела. Девушка, умирающая от желания разглядеть его поближе, бросилась в погоню за беглянкой. Благосклонный ветер бросил ленту на куст и она, отцепив, стиснула её в ладони.

— Простите!.. Думаю, это ваше, — выговорила она непослушными губами и замерла в восхищённом испуге, когда незнакомец обернулся на её голос.

Это был он, мужчина из её снов — то же узкое горбоносое лицо, те же ледяные зелёные глаза с золотисто-коричневыми крапинками, те же волосы, которые она с такой любовью расчёсывала и помнила каковы они на ощупь, хоть это происходило во сне.

Палевский внимательно посмотрел на девушку и слабо улыбнулся. Худенькая, темноволосая и темноглазая она напомнила ему жену. И глядела она на него с таким же неприкрытым восхищением, что и Рени в период их знакомства. На всякий случай, он прошёлся по структуре мозга девушки, хотя и так видел, что она старовата для того, чтобы стать фениксом. «Где-то двадцать пять, — это слишком много», — подумал он и отправил ментальный импульс, призванный стереть его образ из её памяти. С истинно вампирской учтивостью он поблагодарил продавщицу мороженого за возвращённую ленту и направился к входу в офис.

Теребя передник, девушка неотрывно глядела ему вслед, пока он не вошёл в стеклянные двери, распахнувшиеся при его приближении, и не скрылся в недрах холла. Палевский этого уже не видел, а то обязательно заинтересовался бы это обстоятельством. Но ему даже не пришло в голову, что стирающий импульс может на неё не подействовать.

Продавщица мороженого вернулась к своему лотку и уже другими глазами посмотрела на недавно выросшее здание на набережной и публику, что спешила к его входу. Поняв, что это всё хорошо одетые, молодые и красивые люди, она подумала, что там располагается модельное агентство. Ловя на себе частые взгляды прохожих, девушка огорчилась. Ей было невдомёк, что «модели» удивляются не тому, как плохо она одета, а тому, что она находится так близко к штабу Объединённых кланов и что на неё не действует специальный сигнал, который не даёт приближаться к нему остальным людям. Служба наружного наблюдения доложила о девушке по инстанции, но дежурный офицер, заметив, что с ней разговаривал сам Палевский, не стал ставить её на контроль: он решил, что это его подопечная и отметил лишь время её появления.

Как только король вампирского мира вошёл в холл, навстречу ему бросилась девушка в форме службы безопасности. Сначала она взяла под козырёк, но затем спохватилась и учтиво поклонилась.

— Добрый день, господин Палевский! Разрешите поприветствовать вас от лица всех сотрудников штаб-квартиры Объединённых кланов! — выпалила она на одном дыхании, и на её лице появилось вопросительное выражение. — Куда прикажете вас проводить?

— Даже не знаю, милая, — Палевский с лёгким любопытством огляделся по сторонам. — Впечатляет. Вы тут хорошо устроились, но давай начнём экскурсию с твоего начальства. Проводи меня к господину Штейну.

— Так точно, сэр! — девушка сконфузилась, вспомнив, что начальство велело ей забыть о военных замашках и проявлять искреннее радушие. — Следуйте за мной, господин Палевский, — она развернулась и повела главу Совета старейшин к лифтам.

Появление высокопоставленного гостя вызвало небывалое оживление в холле.

Дежурный охранник, весёлый рыжеволосый парень с карими глазами, повернулся к девушке, сидящей за комплексом мониторов, и с любопытством спросил:

— Ванесса, не знаешь, кто этот господин, к которому рванула Маринка из госбезопасности?

— Тихо ты, не ори! Не слышал разве, как она его назвала? — девушка сделала большие глаза. — Ну, ты даёшь! Это же Палевский... совсем, да? Это же глава Совета старейшин!

— А-а! — протянул охранник и потянулся к мочке уха, украшенной многочисленными клипсами в виде черепов. При виде негодующего выражения на лице собеседницы он

фыркнул. — Эй, нечего на меня смотреть, будто я умственно отсталый! Так уж вышло, что я ни разу его не видел. Да и мало ли на свете Палевских.

— Эх ты! Начальство нужно знать в лицо, — укоризненно проговорила девушка и снисходительно добавила: — Впрочем, тебе это простительно. Ведь ты у нас новенький. Тем более Архангел сегодня впервые появился в центральной штаб-квартире.

— Архангел? — удивился охранник.

Ванесса усмехнулась.

— Даже прозвища его не слышал? Ну, ты даёшь! Вообще-то, не ты один не знаешь Палевского в лицо. Ведь старослужащие пошли на повышение в связи с переездом, и у нас появилось много свободных вакансий, — она кокетливо глянула на парня. — Вот на освободившиеся места и набрали новеньких. Кстати, тебе очень повезло. Как правило, к нам брали выпускников Академии. Редко кто пришёл из региональных кланов. Представляешь, совсем детишки, а им уже дали очень даже приличные места.

Охранник пересел со стула на стол, поближе к собеседнице и с заинтересованным видом подался к ней.

— Слушай, Ванесса, а что ты про него знаешь?

— То же, что и все, — последовал дипломатичный ответ.

— Да ладно тебе скрытничать! Я вот слышал, что Палевский чаще отсиживается в своём институте и редко появляется на заседаниях Совета, — заметил охранник и с задумчивым видом добавил: — Как думаешь, что он за человек?

— Не имею понятия! — девушка заглянула в небольшое зеркальце, припрятанное в укромном уголке, и с сосредоточенным видом поправила прядь волос. — Кто-то говорит, что он нормальный мужик, а кто-то боится его до потери пульсации. Слышала, что он хуже Штейна: типа мягко стелет, да жёстко спит. Короче, чем дальше от начальства, тем лучше.

Охранник подался ещё ближе к девушке и понизил голос:

— Я слышал, что Палевский совсем недавно уничтожил марсельскую группировку. Вроде бы они решили отколоться и собирались заявить об этом Совету старейшин. Говорят, что кое-кто из старейшин даже их поддерживал. Вот только в один прекрасный день все марсельцы исчезли. Р-раз и нет! Будто корова языком слизнула. Когда в Совете поднялся хай, Палевский, не говоря ни слова, высыпал на стол жетоны сепаратистов.

— Тсс! Замолчи, дурак! — прошипела девушка и опасно огляделась по сторонам.

— Не трясись, об этом все знают, — на лице парня появилось мечтательное выражение. — Ребята говорили, что совсем недавно у нас были выпускники Академии и с ними его дочура. Кто видел, до сих пор пускают слюни. Говорят, очень красивая девочка. Не знаешь, куда её распределили? Вдруг к нам? Вот бы познакомиться!

— Начальство мне не докладывается, но уж точно не к нам в службу, — рассерженная девушка отвернулась от любопытного охранника и, глядя на мониторы, язвительно добавила: — Мечтать о детках высокопоставленных папочек никому не возбраняется, да только попробуй к ним подойди.

Охранник хмыкнул.

— Это ты о Ладожском? Так он тоже здесь. Говорят, что он будет работать у нас в штабе, так что у тебя есть шанс.

Парочка не замечала, что женщина в форме капитана безопасности остановилась поблизости и прислушивается к их разговору, причём с таким видом, будто не верит своим ушам. Когда она поняла, что не ошиблась, и сотрудники охраны на самом деле обсуждают не

кого-нибудь, а главу Совета старейшин, её глаза загорелись недобрым зеленоватым огнём. Капитан стремительно преодолела расстояние, которое разделяло её и провинившихся сотрудников охраны и, заложив руки за спину, уставилась на вскочившую парочку.

— Вы что это себе позволяете? — рывкнула она сдавленным от гнева голосом. — Жетоны!

— Есть, мэм! — последовал синхронный ответ.

После того как капитан вlepила каждому по трое суток ареста, она вернула жетоны и уничижительно глянула на понурую парочку.

— Недоумки! Если в ваших тупых головах до сих пор ещё не отложилось, что персона и приказы главы СС не обсуждаются, то я вам мигом мозги прочищу. Ясно? После вахты доложите дежурному психологу.

— Так точно, мэм! — вытянувшись в струнку, чётко ответил охранник, которому девушка вторила чуть слышным эхом.

Капитан ещё немного попилила их взглядом и, резко повернувшись, ушла.

— Фу! Я думал, будет хуже, — охранник покосился на девушку, бледную как смерть. — Ванесса! Ну, чего ты испугалась? Никто же нас за дурацкую болтовню не расстреляет.

— Идиот! А ты в этом уверен?! — она рухнула на стул и закрыла лицо руками. — Мой бог! Так и знала, что ты своими разговорами подведёшь меня под монастырь!..

— Ну ты и трусиха! — сказал парень и в его голосе прозвучало откровенное презрение.

Ванесса выпрямилась и сердито сверкнула глазами.

— Да, я трусиха! Да и ты не петушился бы, а подумал о близких. Кирил, ведь ты подписывал Декларацию прав? Зачитать тебе соответствующую выдержку из клятвы?

Охранник сразу же помрачнел и сбавил тон.

— Не нужно, — сердито буркнул он. — Я помню, что из неё проистекает. Глава СС и Господь суть одно и то же.

— То-то же! Слушай, я выйду на минутку. Посмотри за моим пультом, хорошо? — смущённо сказала девушка, вскакивая с места.

Увидев, что она бежит в направлении туалетов, Кирил понимающе усмехнулся.

В специальном лифте они спустились вниз, и провожая повела Палевского по коридору, стены которого украшали полотна художников-модернистов и причудливые светильники. Когда они оказались у кабинета Штейна, она сочла свою миссию выполненной и, поклонившись, бесшумно исчезла.

Не успел Палевский коснуться двери, как она распахнулась, и белокурая девушка, пропуская его, со сдержанной улыбкой сообщила, что герр Штейн с большим нетерпением ожидает его визита. Выразив надежду, что так оно и есть, Палевский оглядел новую секретаршу Штейна и нашёл, что она неотразима. Забавы ради, он попросил её принести воды и когда она протянула ему бокал, он поставил его на столик и поднёс к губам её ухоженную руку.

— Благодарю, мадемуазель. Везёт же Томасу, что у него работает такая красавица, — с улыбкой пропел зеленоглазый змей.

Король вампиров произвёл такое сильное впечатление на Марту, что она впервые в жизни смешалась и покраснела — отчего стала ещё красивей.

Палевский окинул её одобрительным взглядом и позавидовал Штейну, он не сомневался, какие отношения их связывают. Для этого ему не нужно было заглядывать в

голову к девушке: он знал какой тип женщин нравится его протеже и Марта идеально вписывалась в него.

Штейн, которому и так было не по себе, уже начал было беспокоиться из-за непредвиденной задержки Палевского и тут по движению воздуха он понял, что дверь в его кабинет открылась. Будто невзначай он поднял голову и, вскочив из-за стола, просиял радостной улыбкой. Но гость был настроен отнюдь не дружески и даже больше, от него исходили волны почти зримого холода.

При виде глаз Палевского, превратившихся в кусочки льда, у Штейна ёкнуло в животе, но он постарался не поддаваться панике.

— О, какие люди! Здравствуй-здравствуй, пропащая душа. Наконец-то ты добрался до нашей новой берлоги! — воскликнул он и энергично встряхнул руку гостя. — Не поверишь, но жду тебя как манну небесную...

— Рано радуешься, — перебил его Палевский. — Будешь по-прежнему замещать меня и не спрашивай, как долго. Я не знаю, — сухо добавил он.

— Teifel! — Штейн потянулся было к затылку, но не донёс руку и ограничился тяжким вздохом. — А я так рассчитывал, что ты подключишься к делу. Ведь пока ты прохлаждаешься в своём генетическом институте, вопросов накопилось тьма-тьмущая. Народ терзает меня просто по-чёрному. Кручусь как пресловутый Фигаро, но всё равно ничего не успеваю.

Сочувствия он не дождался. Палевский смерил его огорчённую физиономию ничего не выражающим взглядом и, заложив руки за спину, начал по-хозяйски расхаживать по кабинету.

Штейн, не теряя присутствия духа, неотступно следовал за гостем и излагал ему свои соображения по самым животрепещущим вопросам. Это не мешало ему гадать, как много тому известно и какую форму примет его недовольство. Всё зависело от того, как будут восприняты его объяснения — ну а то, что их придётся давать, он не сомневался ни минуты.

Когда дело касалось частной жизни, Палевский был снисходителен к недостаткам окружающих, но как глава Совета старейшин он не терпел ошибок, а за обман, особенно злостный, можно было поплатиться головой. И не важно, какими мотивами руководствовался подчинённый, хоть самыми благими, его это не интересовало. Поэтому Штейну оставалось лишь надеяться, что он всё же не перешёл невидимую черту и дело ограничится словесным разносом. Тем не менее он был не настолько самонадеян, чтобы исключить иной, неблагоприятный сценарий развития событий. Особенно, если всплывёт взрывоопасная новость, о которой он умолчал в своих докладах.

Опасения Штейна не были беспочвенными. Несмотря на внешнее спокойствие, король вампиров был властен и самолюбив. При случае его гнев мог вылиться во что угодно. Палевский, не колеблясь, убирал неугодных ему, причём иногда за совершенно пустяковые провинности. Правда, когда в Совете поднимался шум, он чётко излагал мотивы, которыми руководствовался и тогда то, что поначалу виделось неоправданной жестокостью, на деле оказывалось хорошо продуманным решением по устранению скрытой угрозы вампирскому обществу.

Ну а поскольку Палевский ещё ни разу не прокололся в своих объяснениях — их логика отличалась завидной безупречностью — то и Штейн, в отличие от некоторых агрессивно настроенных старейшин, не считал, что сначала он убирает тех, кто ему не угоден, а затем придумывает себе оправдание. Тем не менее, сейчас его точил червячок сомнения. «Чужая

душа — потёмки, а Мика слишком умён. Ему не составит труда замаскировать любое своё преступление, да так что комар носу не подточит. И всё же я надеюсь, что у нас не дойдёт до прямой конфронтации», — мрачно подумал Штейн, продолжая методично излагать очередной сложный вопрос из области клановых дел.

Несмотря на свои хождения и рассеянный вид, Палевский был весь внимание. Он не упустил ни единого слова, сказанного его ближайшим помощником и с некоторых пор бессменным заместителем. Попутно он старался оценить его настрой. Но непробиваемый ментальный щит, данный Штейну от природы, и многолетняя практика в лицедействе полностью скрывали его мысли. Иначе Палевский удивился бы, поняв, какое направление они приняли. Ведь даже в сильнейшем раздражении ему ни разу не приходила в голову идея о его физическом устранении (на это были определённые причины), а вот хорошенько стукнуть по носу, чтобы не лез, куда не нужно — это да, такое случалось. Правда, не часто. Штейн быстро учился и, как правило, ошибок не повторял: ни своих, ни чужих.

Доклад был чрезвычайно интересным, и такие новости следовало бы обсудить, но Палевский намеренно не поддерживал разговор. Он специально нагнетал обстановку, зная, что в таких случаях собеседник начинает нервничать и его легко подловить на обмане. Но с главой СБ этот фокус не прошёл. Он сказал ровно столько, сколько намеревался сказать и умолк. Затем он вопросительно глянул на Палевского и, не дождавшись иной реакции, кроме холодного молчания, пожал плечами и потянулся к графину с водой.

И всё же Штейн был не столь спокоен, каким казался внешне. Как он ни тянул, вода в стакане закончилась, и он со стуком поставил его на место.

Тягостная тишина всё больше раздражала его, а тут ещё Палевский перестал ходить по комнате и развернулся к нему лицом. В результате он своего добился. Под его иезуитским взглядом Штейн вновь ощутил себя нашкодившим мальчишкой и что совсем уж непростительно, в его душе вспыхнуло прежнее благоговение перед кумиром детства.

Охваченный досадой, глава СБ сложил руки на груди и, прислонившись спиной к стене, неслышно вздохнул. Палевский играючи пробил линию его обороны, что для него, как для профессионала, было унижительно. Лишь одно его утешало, что он имел дело с достойным противником. Вдобавок его посетила мысль, что возникающая ситуация — обоюдоострое оружие и ничто не мешает ему использовать её к своей пользе.

Дождавшись, когда в серых глазах промелькнёт тень бешенства, а затем восхищения, Палевский внутренне улыбнулся. «То-то же, мой мальчик! Рановато ты возомнил о себе. Сначала подучись, прежде чем тягаться со мной».

— Я понимаю, тебе приходится нелегко, — спокойно заметил он, будто бы и не было паузы в разговоре. — Сочувствую, но не заставляй меня повторяться. Я уже сказал, что занят по горло, — добавил он более резко.

— Спасибо за сочувствие. Как я понимаю, большего от тебя всё равно не дождёшься.

— Само собой, ведь я не в курсе дел. Или ты, судя по обиде в голосе, как в детстве ждёшь похвалы?

— Полно издеваться, — Штейн вздохнул. — Между прочим...

— Доброе слово и кошке приятно, — закончил за него Палевский и его глаза потеплели. — Ладно, получи свою конфету. Вынужден признать, ты хорошо справляешься. Даже я не смог бы лучше.

— Ну, спасибо! Утешил, — буркнул Штейн, но ему действительно была приятна похвала его главного учителя и наставника. — В чём дело, Мика?.. Неужели то, чем ты

занимаешься настолько серьёзно? — осторожно поинтересовался он.

— Да, — коротко ответил Палевский и неохотно пояснил: — Извини, Томас, но пока решается вопрос жизни и смерти одного очень близкого мне человека, я ни ногой из института.

При мысли, что из-за сердечного пристрастия Палевского ему не известно сколько времени придётся тащить на себе солидарный груз ответственности, Штейн с трудом подавил вспыхнувшее раздражение. Тем не менее он не подал виду, что разозлился.

— Ну, и ладно. Надо, значит, надо. Справлюсь, мне не привыкать, — он радушным жестом он указал на кресла, стоящие у камина. — Располагайся, повечеряем, — видя, что гость медлит, он по-свойски фыркнул. — Садись, не привередничай! А то я не знаю, зачем ты явился. Ещё успеешь надавать мне оплеух. Кстати, если не затруднит, подбрось дровишки в камин, а я пока организую закуску. Поздно уже, но, может, хочешь кофе?.. ОК! Тогда я быстро!

Подойдя к рабочему столу, Штейн нажал кнопку селектора.

— Марта!

— Извините за задержку, герр Штейн, — не сразу ответила запыхавшаяся девушка.

— Где тебя носит?

— Герр Штейн, мне самой приготовить вам ужин?

— Д-да. Пожалуй. Если это не долго.

— Хорошо. Тогда я немедленно займусь готовкой. В общем-то, у меня почти всё готово.

Остались только горячие закуски.

— Марта, ты золото! Свистни, когда будет готово.

Перед тем как опуститься в кресло, Палевский разворошил тлеющие уголья в камине и подбросил пару яблоневых поленьев, взятых с приступки. Штейн, тем временем подошёл к шкафу и нажал на потайную панель. Порывшись во внутренностях стильного мебельного монстра, он извлёк из запасников старинный коньяк и коробку кубинских сигар ручной скрутки. Затем он совершил обратный марш-бросок к столику у камина и с чисто немецкой аккуратностью вооружился салфеткой, прежде чем откупорить бутылку.

— Надеюсь, твои вкусы не изменились, — сказал он, разливая коньяк по бокалам.

— И думаю, не изменятся. От коньяка и сигар я никогда не откажусь, даже на смертном одре.

— В нарушение введённых тобой же запретов? — съехидничал Штейн.

Палевский взял протянутый ему бокал и прохладно улыбнулся.

— Сам знаешь, начальству законы не писаны.

— Это верно. Зажечь тебе сигару?

Не дожидаясь ответа, Штейн подвинул к себе резной ящичек. Он выбрал чем-то приглянувшуюся ему тёмно-коричневую сигару, опоясанную красно-золотой полоской и, понюхав, блаженно зажмурился. «Блеск!» — пробормотал он и отрезал гильотиной кончик табачной сосиски.

С насмешливой миной на лице Палевский наблюдал за его действиями. Когда Штейн предложил ему сигару и огня от своей зажигалки, он принял и то, и другое. Тем не менее, выпустив колечко дыма, он поинтересовался:

— Томас, как называется то, чем ты только что занимался?

Штейн выразительно приподнял бровь.

— Подхалимаж! — с вызовом ответил он и обаятельно улыбнулся. — А что? Нужно же

как-то задобрить тебя, перед тем как ты начнёшь меня дрючить, — шмыгнув носом, он добавил с унынием в голосе: — Надеюсь, до порки дело не дойдёт.

Это было настолько знакомо, что Палевский совершил невольный экскурс в прошлое и перед его глазами возник упрямый подросток, который в своё время попортил ему немало крови. Он покачал головой.

— Не придумывай! В детстве, несмотря на все твои фокусы, я и пальцем тебя не тронул.

— Что правда, то правда, — ухмыльнулся Штейн. — Между прочим, это я от тебя научился мордовать противника не кулаками, а словами, — сообщил он, получая немалое удовольствие от того, какой оборот принял их разговор.

Палевский хмыкнул, поняв, что угодил в ловушку. «Погоди радоваться, паршивец! Посмотрим, что дальше будет».

— Действительно, ты быстро понял, что союзником проще вертеть, чем врагом, — иронично заметил он.

— Это да! И всё же, на некоторых кулаки действуют лучше, чем слова. Во всяком случае, пока я как следует не отметил ту скотину в интернате, что подселили в мою комнату, тот всё время доставал меня. Зато несколько сломанных рёбер и свёрнутый набок нос быстро вернули ему здравомыслие, — похвастался Штейн.

Глотнув коньяка, он хотел добавить, какая это гадость, но вовремя придержал язык. Игры играми, а времена, когда ему сходила с рук любая дерзость, уже давно миновали.

«Ну вот! Хотел содрать с него маску, теперь получай», — подумал Палевский и усмехнулся, поймав себя на том, что напрягся как встарь, ожидая во что выльется эскапада Штейна, который в отместку ему решил напомнить времена своего отрочества. Он и сейчас был не подарок, а тогда и вовсе был невыносим, — ведь для своевольного самолюбивого подростка не существовало авторитетов. Правда, за исключением одного. Палевский знал, что в те времена был для него больше, чем авторитетом — он был его кумиром и даже знал почему. Правда, это знание пришло много позже, когда он начал заниматься генетическими исследованиями. А на тот момент он думал, что мальчишка благодарен ему за то, что он спас его не только от смерти, но и от участи, горшей, чем смерть. Правда, это не объясняло его собственной привязанности к нему. Но, как бы то ни было, даже в худшие времена своего отрочества Томас редко демонстрировал ему дурные стороны своего характера. Чего не скажешь об остальных. Уж им-то от него доставалось полной мерой.

— Вижу, тебе пришлось по душе сигары и коньяк, — заметил Штейн, перебивая его размышления.

— Разве когда-то было иначе? — отозвался Палевский с лёгкой усмешкой. — Ведь ты же ещё в детстве досконально изучил мои вкусы.

— Да ладно тебе, я же не напрашиваюсь на комплименты. Подождёшь немного? Думаю, уже всё готово. Я отдам кое-какие распоряжения Марте и принесу нам поесть.

Получив согласный кивок, Штейн аккуратно поставил свой бокал и вышел в приёмную. Ну а Палевский налил себе новую порцию коньяка и с удовольствием затянулся сигарой — она действительно была на редкость хороша, впрочем, как и коньяк столетней выдержки, поставляемый прямыми потомками одного всемирно известного французского короля[1]. И хотя Палевский видел Штейна насквозь, его расчёт оправдался. Придя в умиротворённое состояние, он погрузился в воспоминания тех лет, когда двадцатый век только ступил на арену истории.

Это были беспокойные, но славные времена, — ведь это были времена его бесспорного

триумфа. Именно тогда Палевский пришёл к власти над сородичами, победив в ожесточённой борьбе с многочисленными группировками. А затем, как это случается с любым реформатором, на его голову посыпались все шишки. Тем не менее, несмотря на всю свою занятость, он находил время для мальчишки, — в качестве трофея он достался ему от Пабло, главаря самой жестокой и крупной группировки, который долгое время боролся с ним за власть.

Стоило только вспомнить об этом, и перед глазами Палевского возникли события тех лет. Когда он со своими людьми ворвался в подземный бункер, преследуя остатки банды Пабло, здесь-то он и увидел Томаса. Это была их первая встреча, которая по ряду причин запомнилась ему на всю жизнь.

Стройный гибкий подросток стоит в центре круга, образованного бандитами. На его лице нет ни капли страха — только непомерная гордость и гнев на собственное бессилие. Он походит на свирепого тигрёнка, который угодил в ловушку, но настолько силён духом, что не собирается сдаваться и готов биться до конца. Окружающие бандиты это понимают, и потому на их лицах застыла разноречивая гамма чувств — от лютной ненависти до неприкрытого восхищения.

При виде мальчика, время словно остановилось для Палевского, а затем его с головокружительной скоростью повлекло в гигантскую воронку. К горлу подкатила тошнота, и тут он с размаху налетел на стену беспросветного мрака. Яростный удар кулаком и на какое-то мгновение он увидел странную картину: светловолосый высокий мужчина, вооружённый широким чёрным мечом, со свирепой радостью на лице отбивается от нападающих на него многочисленных противников. Не успел он к нему приглядеться, как его выбросило в реальность. Тем не менее у него осталось ощущение, что мужчина и мальчик — это одно и то же лицо.

Видение было настолько ярким, что Палевский не удержался и поискал мальчишку взглядом. Он уже не стоял на месте, а с яростью набросился на противников. «Прирождённый воин!» — с восхищением промелькнуло в его мыслях.

Несмотря на горячку боя, Палевский попробовал взять его мозг под контроль. Но мальчик и здесь оказался с сюрпризом — его прикрывал мощнейший ментальный щит, какого он не встречал ещё ни у кого из вампиров. Тогда он прозондировал его противника — здорового мужчину со шрамом во всю физиономию. Выуженная информация оказалась настолько омерзительной, что Палевский, почти не задумываясь, ударил по подонкам из ментала, а затем приказал своим людям уничтожить тех, кто ещё остался в живых.

Когда выяснилось, что противник разбит наголову и поле боя осталось за ним, Палевский едва не упустил мальчишку. Вырвавшись из его ментальных уз, он бросился бежать, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы отловить беглеца.

Конечно, ему импонировали сила духа и храбрость мальчика, — ведь он всегда питал слабость к незаурядным личностям. И все же Палевский удивлялся своей привязанности к нему. Секрет открылся, когда он перешёл к серьёзным генетическим исследованиям. Тогда и выяснилось, что они с Томасом довольно близкие родственники. Конечно, не родные братья, но и не седьмая вода на киселе. А поскольку для вампиров узы крови не были пустым звуком, ему стала понятна причина его стойкой эмоциональной привязанности к мальчику. Со временем, конечно, она ослабла, но тогда она была сильна как никогда. Потому-то Палевский с таким упорством заботился о младшем и чуть что-то спешил ему на помощь. Например, как тогда, когда остро встал вопрос об исключении Томаса из школы, куда он его

определил сразу же после того, как они встретились.

[1] Коньяк носит имя этого славного короля (абсолютно беспринципного авантюриста, который уже после смерти лишился головы) и стоит баснословно дорого.)

Белокурый мальчишка спрыгнул на каменистую почву и, помахав сопровождающей его весёлой девушке, переступил порог недавно организованной вампирской школы. Вскоре он стоял в директорском кабинете и с удивлением рассматривал сухонького старичка со старомодным пенсне на носу. Школу возглавлял человек, а не вампир. Директор в свою очередь с беспокойством глядел на изящного стройного подростка с обманчивой внешностью прекрасного ангела. Предчувствия его не обманули. Мальчишка смерил его презрительным взглядом и, не желая слушать, вышел вон — на поиски кого-нибудь более компетентного.

К разочарованию Томаса большинство учителей и обслуживающего персонала тоже оказались людьми. Ну а поскольку он ни во что не ставил подконтрольных менталистов, то задал им такого жару, что как только Палевский появлялся в школе, воспитатели и учителя тут же набрасывались на него с жалобами. Особенно злобствовала четвёрка утончённых дам, до предела затянутых в корсеты. Хотя они были вампирками, Томас терпеть их не мог.

Воспитанные в викторианских традициях лицемерные фурии платили ему тем же. Они напрочь забывали о приличных манерах, когда дело касалось мальчика. Пересказывая его провинности, они едва не шипели от злости и именовали его не иначе как исчадие ада и мерзкое отродье из грязных подворотен. Они были настолько не в себе, что то и дело перебивали Палевского, не давая ему вставить ни слова в защиту подопечного. Правда, при этом они не забывали сдержанно всхлипывать и промокать кружевными платочками несуществующие слёзы. Вскоре Палевский не то чтобы возненавидел, но крепко невзлюбил четвёрку фурий, которые, как правило, выступали единым фронтом. Своими интригами и постоянными требованиями эти клязницы доставляли ему не меньше хлопот, чем его беспокойный подопечный. Тем не менее он ценил их организаторские способности и искреннюю заинтересованность в успехе открытой им школы.

Чтобы не дразнить гусей, Палевский каждый раз клятвенно обещал приструнить буйного протеже, но на деле мало обращал внимания на его детские шалости. Подумаешь, мальчишка насыпал пороха на хвост крысе и, запалив, запустил учительнице под юбку. Конечно, мадам Арден упала в обморок, но в конце концов ничего же страшного не произошло. Все живы и здоровы.

Ситуация изменилась, когда Томас взялся за прежние штучки и начал стравливать между собой тех, кого ненавидел. Ну а поскольку навыки, отточенные на банде Пабло, никуда не делись, его усилия увенчались успехом. Спустя семестр часть преподавателей и учеников чуть не поубивали друг друга.

Как только пришло сообщение о его очередных проделках, Палевский понял, что нужно что-то делать, пока мальчишка не развалил с таким трудом организованную школу (со временем именно она переросла в Академию — гордость вампирского общества). К тому же у народа иссякло терпение. Коллектив преподавателей поставил ему ультиматум: либо они, либо это «исчадие ада». Именно так ему и отписали в телеграмме. Было не сложно догадаться, кто именно приложил руку к её составлению, несмотря на многочисленные подписи. В общем, Палевский помчался спасать школу и своего протеже.

Дел было по горло и вампирский вождь, чтобы не терять драгоценного времени, взял

билет в обычное купе. Отдельный вагон, которым он обычно путешествовал, на этот раз его подвёл, застряв где-то на перегоне.

Палевскому не повезло вдвойне. Вместо приличной публики в купе оказались ковбои. Парни удачно распродали пригнанный на продажу скот и, возвращаясь в родные пенаты, могли позволить себе такую роскошь как проезд в купе по недавно проложенной в их захолустье «железке».

Несмотря на позднюю осень, в Аризоне стояла страшная жара. Раскалённая каменистая пустыня, если чем и отличалась от раскалённой сковородки, то только размерами. Все окна в вагоне были распахнуты настежь, но это не помогало. Поезд еле полз, движения воздуха почти не ощущалось. Застоявшуюся вонючую духоту в купе можно было нарезать пластинами, что тоже не улучшало самочувствия Палевского.

Загорелые до черноты крепкие парни с презрительным удивлением косились на хорошо одетого молодого человека, который волею судьбы оказался в их компании. Спустя некоторое время они перестали обращать на него внимание. Желая отметить свою удачу, ковбои разложили снедь и водрузили на стол бутылку ячменной самогонки.

Несмотря на скрытое презрение к смазливому как девчонка длинноволосому господинчику, они не стали чиниться и позвали его к себе, но Палевский отказался и вскоре пожалел об этом.

Ковбои обиделись и, подвыпив, начали задевать его. Правда, не напрямую. Несмотря на всю изысканность в одежде и манерах, было нечто такое в их попутчике, что не давало им переступить границу и перейти к прямым оскорблениям. Может быть, так действовал его холодный взгляд и спокойное лицо, а может, расслабленная поза, говорящая об уверенности и силе.

И всё же Палевскому основательно досталось от грубоватого юмора аризонских пастухов. В конце концов это привело к тому, что от паровозного чада, вони невымытых тел, громкого хохота и раздражающих комментариев, отпускаемых на его счёт, у него началась сильнейшая мигрень. Правда, когда он вышел на своей станции и пересел в ожидающий его экипаж, он чувствовал себя значительно лучше, — куда лучше, чем его бесцеремонные попутчики. С выпученными глазами ковбои продолжали сидеть в купе. Паралич отпустил их лишь поздно вечером, в участке у шерифа, куда их перенесли на носилках. Но пионеры Запада ещё легко отделались. Палевский всё же пожалел грубоватых, но храбрых парней, зная, какие они трудяги и со сколькими трудностями им приходится сталкиваться на территориях американской глубинки. Потому за своё хамство они заплатили лишь толикой крови и лёгким испугом.

Добравшись до школы, тогда расположенной неподалёку от знаменитого Большого Каньона, Палевский не стал терять времени и сразу же направился в кабинет директора. Но слухи разлетаются быстро, особенно в среде телепатов. На подступах к директорскому кабинету его уже поджидала целая толпа жалобщиков, как взрослых, так и учеников. На большинстве возмущённых физиономий красовались следы, оставленные Томасом, который забросил макиавеллевскую политику и всё чаще склонялся к политике грубой силы.

Завидев Палевского, собравшиеся сразу же примолкли и расступились, давая ему дорогу. Чтобы оценить ущерб, нанесённый чести и достоинству местных обитателей, он прикинул общее количество пострадавших. Цифра вышла внушительной. «Силён паршивец! Кажется, я приехал вовремя, а то скоро вся школа будет отсвечивать фингалами», — насмешливо подумал он.

Дверь в директорский кабинет была гостеприимно распахнута, и он шагнул через порог. Приветствуя его, директор поднялся из кресла и поклонился, а Томас насупился и что-то буркнул. Лишь четвёрка фурий, восседающих за отдельным столом, не обратила внимания на появление идейного вождя. Зловредные вампирки продолжали пить чай и разговаривать между собой. Чтобы привлечь их внимание, Палевский преувеличенно вежливо и многословно поздоровался с каждой из них, а затем плюхнулся в кресло и заявил, что хотел бы побеседовать со своим протеже наедине.

К его удивлению, интеллигентный старичок проявил недюжинную силу духа и, невзирая на громкие протесты, с решительным видом вытолкал вампирок за дверь, что само по себе было уже немалым подвигом. Перед тем как ретироваться самому, директор подмигнул Палевскому, а затем сочувственно улыбнулся ученику. Правда, тот не оценил его участия и состроил презрительную мину.

Когда они остались с Томасом наедине, Палевский тяжело вздохнул. И в самом деле, ему предстояла нелёгкая задача. Чтобы снять вопрос об исключении его протеже из школы, ему нужно было преодолеть сопротивление сплочённой четвёрки интриганок, а те в свою очередь были готовы на всё, чтобы избавиться от ненавистного ученика и насолить его попечителю. Перед тем как директор вытолкал их чуть ли не взашей, они пригрозили, что обратятся к недавно образованному Совету старейшин, и это было очень плохо. Палевский небезосновательно полагал, что оппозиция, получив повод для вмешательства, сразу же вцепится в него и обвинит во всех смертных грехах. Да и мальчишка не собирался облегчать ему подвижническую миссию по его же спасению. Томас находился в том переходном возрасте, когда эгоцентризм заглушает любые доводы рассудка.

Поскольку нужно было с чего-то начинать, Палевский оценивающе глянул на молчащего подростка. Поймав его насмешливый взгляд, он понял, что на этот раз ему придётся запастись просто морем терпения, чтобы добиться нужного результата.

Раздумывая с какой стороны зайти, он рассеяно перебирал вещи, лежащие на директорском столе, но при этом старался не делать резких движений. Он знал, что Томас хоть и не показывает виду, но плохо переносит общество взрослых мужчин, что было не удивительно при его прошлом, переполненном жестокостью и насилием. Правда, лично Палевского его фобия не касалась. Как правило, стоило ему появиться в школе, и мальчишка неотвязной тенью бродил за ним, терпеливо ожидая, когда он соизволит обратить на него внимание. И не только это. После нескольких ночёвок в школе он заметил, что кто-то досконально вызнал его привычки и заботится о его удобствах. Естественно, Палевскому не составило особого труда выяснить, кто эта добрая фея.

Томас хоть и держался вызывающе, но при этом нервничал. Он чувствовал, что на этот раз с ним не будут миндальничать. Не зная, чего ожидать, он встал так, чтобы его и Палевского разделяла массивная тумбочка, и теперь из-за разлапистой тёмно-зелёной бегонии, густо усеянной кроваво-красными цветами, были видны только его голова и плечи.

Оборонительная позиция, занятая Томасом, рассмешила Палевского. «Мон ами, видел бы ты себя со стороны!.. Как там у северного поэта? Я памятник воздвиг себе нерукотворный», — не удержался он от комментария, и это несколько разрядило обстановку.

Самолюбивый подросток глянул на него, затем на куст бегонии и вспыхнул от негодования. Когда он выскользнул из укрытия и шагнул к нему, Палевский принял это за начало конструктивного диалога. Продумывая дальнейшую линию поведения, он

замешкался, и мальчишка успел перехватить инициативу.

Томас был неузнаваем. Это не был мальчик с ужимками девочки. С робкой надеждой в светлом взоре к нему приближался настоящий ангел — изящный и хрупкий, в окружении ореола белокурых волос. Паршивец учёл даже это в своём представлении и, сменив траекторию движения, приближался к нему со стороны окна. Ошарашенный его неожиданной метаморфозой, Палевский с трудом удержался от желания протереть глаза, а лучше как следует ущипнуть себя за руку. «Стой, где стоишь!» — спохватившись, приказал он. Расчётливая улыбка, скользнувшая по губам подростка, окончательно вывела его из замешательства. Он понял, что Томас пошёл ва-банк и решил проверить, насколько чисты его помыслы.

С американской раскованностью Палевский закинул ноги на директорский стол — судя по многочисленным царапинам от шпор, ему было не привыкать к подобному обращению — и с укоризненным видом покачал головой. «Молодой человек, вы понимаете, что творите?» — спросил он тоном доброго дядюшки, застукавшего любимого племянника за некрасивым занятием.

Томас с недоумением захлопал ресницами и заявил, что никак не поймёт, почему сердится, герр Михаэль. Он всего лишь хочет подружиться поближе, если герр Михаэль так уж сильно печётся о его благополучии.

Неожиданно для себя Палевский взбеленился — из его памяти ещё не изгладились подробности злосчастной поездки в компании с ковбоями. «Ну, погоди! Сейчас я отучу тебя от подобных фокусов!» — подумал он с раздражением и, не вставая из-за стола, стремительно подался вперёд. «Мой сладкий, а ты подумал, что будет, если я приму твоё предложение?» — проговорил он вкрадчивым голосом.

У мальчишки оказалась отменная реакция. В то же мгновение он оказался за тумбочкой и, схватив несчастную бегонию, злобно окрысился. «Только посмейте подойти, и я вас убью!» — прошипел он срывающимся голосом.

«Так-то лучше, — усмехнулся Палевский и посерьёзnel. — Да, Томас! Вот уж не ожидал. Я был о тебе лучшего мнения. Интересно, что подумают твои родители, когда узнают, о твоей дурацкой эскападе?»

Донесения шпионов говорили, что подросток прижился в семье Штейнов, да и он сам, бывая у них, убедился, что Томас дорожит мнением новоприобретённых родичей. Тем не менее мальчишка не собирался сдаваться. «А вы ничего им не скажете, — заявил он с вызовом и ухмыльнулся: — Я же знаю, вы не захотите расстраивать старину Ганса».

Он был прав, но Палевский не собирался ему уступать. «На твоём месте я не был бы в этом так уверен...» — проговорил он, и тут хронический недосып и постоянное нервное напряжение сделали своё чёрное дело. Организм не выдержал постоянного издевательства и перед его глазами всё поплыло. «Матка боска!.. Не вовремя я расклеился, но как же я устал!» Палевский снял шляпу и с блаженным стоном прислонился к высокой спинке директорского кресла. Он что-то ещё сказал по-французски и, не договорив, уснул прямо на полуслове. Провалившись в небытие, он не видел, как Томас неслышно приблизился к нему и, затаив дыхание, осторожно провёл пальцем по его щеке, а затем коснулся кончика носа. Иначе он оценил бы этот небывалый жест доверия.

Когда Палевский застонал во сне и беспокойно зашевелился, мальчишка встрепенулся и прислушался к тому, что он бормочет.

Моя прекрасная леди, я обещал, значит, я буду королём. Вдобавок вокруг меня слишком

много беспорядка и беззакония. Они мешают работать. Сколько ни отсиживайся в своей лаборатории, от них никуда не денешься...

Мать божья! Сколько же вокруг крови и страданий! Сородичи просят о помощи, я должен что-то сделать! Так жить больше нельзя!.. Вдобавок это опасно. Как только неконтролируемые вампирские банды перестанут скрываться и вырвутся на поверхность, люди нас перебьют...

Господа, враги не принимают меня в расчёт? Так это же замечательно!..

Господи!.. Но почему плата за власть это те же кровь и страдания?..

Не найдя в бессвязном бреде ничего интересного для себя, Томас сел на пол и закрыл глаза.

Через полчаса Палевский проснулся и недовольно посмотрел на свои сапоги — их благородный глянец скрывал густой слой пыли, вперемежку с многочисленными табачными кляксами — следами внимания к нему ковбоев. На заспанной физиономии вампирского вождя появилось траурное выражение. «Вот скоты! Испортили самую лучшую пару обуви», — проворчал он и, сняв ноги со стола, поискал взглядом своего подопечного. Вопреки ожиданиям, мальчишка никуда не делся. Сидя на полу, он терпеливо дожидался его пробуждения. Палевский сладко зевнул и указал на стул, стоящий напротив. «Присаживайся, *mon ami*. Поговорим, раз уж ты здесь».

Томас не стал артачиться. С видом мученика, бредущего на эшафот, он приблизился к столу и нехотя сел. Судя по виду, его упрямство резко пошло на убыль. Палевский с жалостью глянул на понурую белокурую голову. Временами он жалел, что сам не усыновил парнишку, а сплавил его своим друзьям Штейнам. Но по большому счёту ему некогда было возиться с ним.

Зная, что уговоры не возымеют нужного действия, Палевский перешёл к радикальным мерам. «Тяжело признавать, но, кажется, я в тебе ошибся. Судя по поведению, учиться ты не хочешь. Иди к себе, собирай вещи, ты возвращаешься домой, — после соответствующей паузы он холодно добавил: — Жаль твоих родителей, особенно Ирму. Она души в тебе не чает. Недавно хвасталась мне, какой у неё красивый и умный сын. Похоже, насчёт последнего она ошибается».

Палевский поднялся на ноги и нахлобучил на голову широкополую шляпу. Он огляделся в поисках остальных своих вещей, которые обнаружили у двери на вешалке. Видя, что он намеревается уйти, Томас резко поднял голову. «Что бы ни говорили, с учёбой у меня нет проблем. По всем предметам я на первом месте». Палевский пожал плечами и направился к двери. «Это нечестно — исключать за поведение!» — выкрикнул мальчишка ему вслед. «Если ты рассчитывал, что лучшему ученику всё сойдет с рук, то ты ошибался...» Истерика Томаса застала его врасплох, но он не показал виду.

Смысл речей взбесившегося мальчишки сводился к тому, что вокруг него одни идиоты и лично ему наплевать на доброхотов, которые с ними заодно. Мол, лично он не намерен никуда уезжать, пусть попробуют его выгнать, а он посмотрит, как это у них получится.

Когда подросток выдохся, отстаивая свою независимость, Палевский смерил его долгим взглядом. «Ладно, оставайся. Не тащить же тебя силой, — согласился он, а затем, справившись с перчатками, которые заскорузли от подсохшей крови злосчастных ковбоев, спокойно добавил: — Что ж, если ты не хочешь уходить, значит, придётся уйти другим. Так и быть, я переведу школу в другое место. Надеюсь, тебе нравится эта идея. Ведь в твоих глазах все преподаватели и ученики — идиоты, не стоящие твоего драгоценного внимания».

Дождавшись, когда мальчишка вперится в него ненавидящим взглядом, он с сожалением улыбнулся. «Прощай, Томас. Думаю, мы больше не увидимся, поскольку отныне наши пути расходятся... да, кстати! Когда надоест упрячиться, родители тебя заберут. Для этого ты должен...»

Томас не дал ему договорить. «Хватит! — выкрикнул он и опустил голову. — Не сердитесь, герр Михаэль! Я всё понял и обещаю исправиться».

У Палевского отлегло от сердца. Это была победа. Не снимая перчаток, он зачерпнул воды из ведра и плеснул себе в лицо. «Хорошо. Только сам понимаешь, доверие доверием, но мне нужны доказательства», — проговорил он, разыскивая платок по карманам.

В ответ на это требование мальчишка скривился, но ровно через месяц из школы пришло длинное хвалебное письмо за подписью директора и... всех четырёх мегер. Судя по восторженным витиеватым фразам, Томасу удалась метаморфоза, и он сумел превратиться из исчадия ада в «очень милого мальчика, подающего большие надежды».

Вошедший с подносом Штейн зорко глянул на гостя и злорадно ухмыльнулся.

— Поправь, если ошибаюсь. Судя по кислой mine, ты только что вспоминал мои проделки в школе.

— Не без этого.

— И наверняка тот случай, когда я пытался взять на бордаж твои непоколебимые нравственные устои.

— Что? Ах да, и это тоже. Видишь ли, за всю мою жизнь со мной такое случилось не часто. Кстати, до сих пор не понимаю, как ты на это решился.

— Уж очень хотелось тебя уесть, вот и не придумал ничего лучшего. Кстати, видел бы ты себя тогда! — Штейн хохотнул при виде гримасы на лице Палевского. — Брось! На все сто я был уверен, что ты не купишься на мои девчоночьи ужимки. Так отчего бы за все твои нудные нравоучения не потрепать тебе немного нервы?

— Детки лучше всего смотрятся в клетке... — на лице Палевского появилось меланхоличное выражение. — Вот поэтому я и отказался от преподавательской стези. Трудисься, трудисься, сил уходит море, а благодарности никакой.

— Да, ладно тебе! Не такая уж я неблагодарная скотина. Не понимаю почему ты столько возился со мной в детстве и юности, но я очень благодарен тебе за это. Если бы не ты, не знаю, чтобы стало со мной, — проговорил Штейн и остро глянул на собеседника, ожидая что он ответит.

— Что здесь понимать? Я альтруист по натуре. Томас, не жди откровений, — Палевский усмехнулся. — Мы не люди, поэтому тебе не грозит однажды проснуться моим внебрачным отпрыском.

— Если честно, я бы не отказался, — Штейн с нескрываемым сожалением улыбнулся. Палевский тщательно хранил свою тайну, и шефу СБ до сих пор не удалось разнюхать, что они состоят в близком родстве. — Всё равно спасибо тебе за всё, особенно за долготерпение.

— Главное, им не злоупотреблять, — холодно отозвался Палевский.

— Э, нет! Честное слово, я страшно рад, что ты наконец добрался до меня и мы сможем побеседовать, но давай не будем портить аппетит и сначала поедим, хорошо? — поспешно предложил Штейн, как только разговор принял нежелательный борот. Занимаясь сервировкой, он без особого труда сохранял на лице искренне-радостную мину, и ледяное выражение прозрачных зелёных глаз, неотступно наблюдающих за его передвижениями,

снова стало таять.

«Растёт Томас! Несмотря на двойную нагрузку, он прекрасно справляется, — одобрительно подумал Палевский. — В общем-то, это не диво при его задатках. Жаль, что со временем он окончательно превратится в прожжённого политика — эдакого Никколо Макиавелли в вампирском исполнении. В общем-то, он уже сейчас ничем не уступает итальянскому прощелыге. Остаётся только надеяться, что он сохранит свои лучшие качества, и не возьмёт на вооружение макиавеллевские интриги и предательство. Впрочем, не стоит горячиться. Подозрения без доказательств ничего не стоят, да и не очень верится в измену Томаса. Не такой он человек...»

Марта постаралась, и они отдали должное её поварскому искусству. Затем Палевский поднял бокал и предложил:

— Давай-ка выпьем за генетику, мой юный друг, — он тонко улыбнулся. — Генетика, штука полезная. Временами кажется, вроде бы пустяк, ерунда, не стоящая внимания... — по его лицу пробежала тень. — Порой неизвестные факторы дают такие отклонения в геноме, что потом замучаешься с их последствиями. Короче, проще предупредить заболевания, чем их лечить. Кстати, курение с алкоголем и на коренной человеческий геном плохо влияют, чего уж говорить о нас, молодой расе.

— Как специалисту тебе видней. Пожалуй, под влиянием твоих проповедей сам брошу пить и курить.

Штейн добродушно улыбнулся и, противореча собственному высказыванию, с видимым удовольствием затянулся сигарой. Почувствовав, что к его гостю вернулся миролюбивый настрой, он внутренне расслабился.

— Ну, зачем такие жертвы? — лениво отозвался Палевский, любимый коньяк и сигары вернули ему умиротворённое состояние духа. — Впрочем, если бы не было запретов, то их следовало бы изобрести. Ведь они придают особую прелесть порокам. Нам ли не знать, что греховный плод особенно сладок? Думаю, нам это досталось в наследство от Праматери Евы.

— Что ж, тогда почтим её светлую память. Наша библейская авантюристка — самая отважная женщина в мире. Она не побоялась взять на себя ответственность. Эта святая грешница подарила нам не только жизнь и любовь, но и тягу к постижению всего нового и необычного в мире. Только последний ханжа может её осуждать. Если она провинилась перед Вседержителем, перед ним она и будет держать ответ. Не нам, её детям, обязанным ей жизнью, осуждать Еву за грехи. Аминь!

Мужчины выпили, почтив молчанием подвиг Праматери.

— Эх, а вот Адам был трусоват, не сумел защитить свою женщину. Только и делал, что ныл, лишившись своего безделья в раю. Не повезло нам с пращуром!

— Ах ты, иблис! Аллах покарает тебя за гордыню! Как смел ты усомниться в его творении?

Отсмеявшись, мужчины продолжали сибаритствовать. Тем более что коньяк и сигары — такое дело, что не терпит спешки. Некоторое время они молчали и наслаждались их вкусом, глядя на пляшущее в камине яркое пламя.

Когда в воздухе ощутимо запахло коньяком, и повисла синеватая пелена из замысловатых завитушек сигарного дыма, тогда Штейн рискнул вернуться к острой теме.

— Мика, у меня есть кое-какие догадки, что послужило поводом для твоего визита, но нет смысла гадать. Скажи прямо, в чём я провинился, — пошёл он ва-банк.

Палевский поставил бокал с недопитым коньяком и поднял на него глаза.

— Сначала скажи, за каким чёртом твои орлы так отделали Мари? Рени, увидав, в каком она состоянии, закатила мне жуткую истерику, да и я был не в восторге. И вообще, почему девочка оказалась в твоей службе? Не хочешь объяснить?

— Поверь, я здесь ни при чём.

Штейн вскочил и, пройдясь по кабинету, повернулся к Палевскому, который с непроницаемым выражением на лице наблюдал за его хождениями, но в глубине его зелёных глаз вспыхнули золотые искорки — предвестницы скорого раздражения. Почувствовав подступающую грозу, Штейн вернулся на место. Бросившись в кресло, он вздохнул.

— Что ж, семь бед, один ответ. Итак, неласковый приём твоей дочери устроили по моему приказу... — упрямая реакция Палевского, он поднял руку. — Подожди, не заводись! Сложившаяся ситуация вынудила меня пойти на крайние меры. Ведь ты не отзываешься на мои вызовы. Потому оставалось только одно, надавить на тебя при помощи Рени. Теперь почему она оказалась у меня, — Штейн заёрзал в кресле и поморщился словно от зубной боли. — Это Старейший приказал распределить её в службу безопасности, — нехотя признался он.

— Старейший? — недоверие на лице Палевского сменилось тревогой, когда он убедился, что шеф СБ не сомневается в том, кто отдал ему приказ.

— Матка боска! Только его мне не хватало для полного счастья! Почему именно сейчас, когда у меня ни минуты свободного времени? — пробормотал он расстроенным голосом. — Какого чёрта Старейший выполз из своей норы? Ведь он уже со времён приснопамятного восстания не вмешивался в наши дела.

Перехватив встревоженный взгляд Штейна, Палевский взял себя в руки.

— Что ему нужно? — резко спросил он.

На лице Штейна промелькнуло виноватое выражение, которое не прошло незамеченным.

— В чём дело?.. Ну!

— Прости, Мика! Понадеявшись на приватную беседу, я не стал посылать тебе доклад. В общем, Старейший выступил перед выпускниками на торжественном построении в Академии.

— Какого чёрта?! — Палевский подался к Штейну, не спуская с него глаз. — А ты ничего не пугаешь? Ведь мы планировали его выступление как инсценировку!

— Старейший появился буквально в последнюю минуту, когда у нас было уже всё готово. Он заявил, что не терпит подделок, поэтому выступит сам.

— Просто замечательно! — процедил Палевский сквозь зубы и вновь откинулся на спинку кресла. — Выходит, прав народ. Нельзя поминать чёрта, — и его глаза, по-прежнему

устремлённые на Штейна, загорелись призрачным зеленоватым светом. — Тогда встаёт вопрос, почему *ты* скрыл от меня такую важную информацию? Может, я уже выведен из состава Совета старейшин, но до сих пор пребываю в счастливом неведении? Его главой я уже точно не являюсь, если даже ты не считаешь нужным уведомлять меня о таком событии, как появление Старейшего.

— Мика! Что такое ты говоришь? — расстроился Штейн. — Если ты намекаешь, что я мёчу на твоё место, то ты глубоко ошибаешься!

— Почему? Выбор-то очевиден. И то верно, — мрачный как туча Палевский налил себе полный бокал коньяку, — пора и честь знать. Если уж на то пошло, то ещё никому не удавалось усидеть на двух стульях, а я чем лучше? И вообще, на кой чёрт такой глава Совета? Как я могу принимать решения, когда мои подчинённые не ставят меня ни во что и скрывают важнейшую информацию.

Штейн поморщился.

— Мика, прекрати! Сколько можно размазывать меня по полу? Знаю, виноват, но что бы ты ни говорил, я не рвусь на твоё место. Я не такой дурак, чтобы не понимать, кто у нас мотор, а кто передаточное звено... Подожди, дай мне договорить! Можешь мне не верить, но меня вполне устраивает место твоего помощника. В конце концов, я тоже живой человек. Четыре часа сна мало даже для нашего организма, а личная жизнь для меня скоро превратится в нечто из области фантастики, — Штейн усмехнулся. — Пойми меня правильно, я не жалею. Просто хочу, чтобы ты знал, как мало у меня желания взвалить на себя ещё и твой воз.

Он сложил пальцы домиком и тяжело вздохнул.

— Ты прав, я действительно скрыл от тебя появление Старейшего. Вот только ты неправильно воспринял мои мотивы. Teufel! Уже не в первый раз убеждаюсь, что добрые дела наказуемы, — видя, что Палевский по-прежнему молчит и не сводит с него глаз, он криво усмехнулся. — Ну да, я ещё тот доброхот, но, честное слово, я хотел как лучше. Ведь я знаю, что ты ненавидишь Старейшего, потому решил, что справлюсь сам. Короче, я надеялся, что Чистильщик выступит и снова исчезнет с нашего горизонта. Тогда его визит не будет иметь особого значения.

— Ты недооцениваешь его. Старейший не из тех, кто явится лишь затем, чтобы мы занесли в анналы истории его выступление перед выпускниками, — наконец нарушил своё молчание Палевский и, подойдя к камину, поворошил угли. — Кстати, давно хотел у тебя спросить, почему ты переводишь дрова даже летом?

— В детстве я так часто мёрз в наших катакомбах, что до сих пор никак не могу согреться, — улыбнулся Штейн, ликуя про себя. Он понял, что гроза миновала.

— Извини, Томас. Я не хотел тебя обидеть. В последнее время нервы совсем ни к чёрту, — проговорил Палевский примирительным тоном и залпом допил коньяк. — Постараюсь всё же выкроить время и снять с тебя чрезмерную нагрузку. Правда, не знаю, получится ли из этого что-нибудь путное: мыслями я весь в институте генетики. Рени умирает и, если честно, мне наплевать и на дела Совета, и на Старейшего.

Штейн встрепенулся.

— Ну, вот! И ты же ещё ругаешь меня за скрытность! — воскликнул он. — Ведь мы с Рени старые боевые товарищи. С ней приключилось несчастье, а ты молчишь. Понимаю, что ничем не могу помочь, но, по крайней мере, я мог бы поддержать тебя хотя бы морально.

— Спасибо... Томас, я рад, что мы ещё друзья, — в голосе Палевского прозвучали нотки

завуалированного извинения.

— Брось! У всех бывают тяжёлые моменты, — отмахнулся Штейн. — Кстати, ты уже что-нибудь нащупал? Знаешь, чем вызвана её болезнь?

— Думаю, всему виной лучевая болезнь. Во время разведки в США Рени попала под взрыв экспериментальной атомной бомбы.

На лице Палевского появилось несчастное выражение. Штейн тревожно глянул на него, ожидая продолжения, но тот неожиданно сменил тему. — А что с Мари? Почему Старейший отправил её именно к тебе? Он как-то это объяснил?

— Нет, но ты не беспокойся. Я лично за ней присмотрю, — пообещал Штейн.

Бросив недоверчивый взгляд на его спокойную физиономию, Палевский запустил ментальное щупальце, но природный мышлещит главы безопасности, как всегда, был на высоте и хранил интриги своего хозяина в целостности и неприкосновенности.

— Вот как? Не ты ли только что распинался, что у тебя нет личной жизни? И вдруг присмотр за какой-то стажеркой, пусть она моя дочь. Что-то ты опять темнишь, Томас! Предупреждаю, лучше не зли меня больше необходимого... — и тут его посетила неожиданная мысль. — Эй! А может дело в том, что ты положил глаз на Мари и решил совместить приятное с полезным? Так я не возражаю. Поверь, принять такого зятя в семью для меня большая честь, — проговорил он, не спуская испытующего взгляда с собеседника.

С растущим изумлением Палевский заметил, что скулы Штейна запылали нервным румянцем. «Оля-ля! Какая интересная реакция! Кажется, я угодил не в бровь, а в глаз. Впервые вижу, что Томас волнуется при упоминании девицы. Молодец, девочка!» — одобрительно подумал он.

Понимая, какое направление приняли его мысли, Штейн заёрзал в кресле. В общем-то, Палевский был не далёк от истины, девушка действительно произвела на него впечатление. Правда, он не понимал, чем именно она сумела задеть за живое. «Teufel! — ругнулся он про себя. — Нужно срочно выправлять ситуацию, а то не заметишь, как захомутают».

— Мика, ты неправильно меня понял!

К своей досаде, Штейн заметил, что не так спокоен, как ему хотелось бы в данной ситуации. «Мать твою!..» — мысленно выругался он и постарался взять себя в руки. Состроив виноватую мину, он с обаятельной улыбкой потянулся к затылку.

— Вот чёрт! Опять ты будешь вопить, что я скрываю от тебя важную информацию...

Но Палевскому с его сверхчеловеческой проницательностью не нужно было заглядывать в мысли собеседника, чтобы понять, что творится в его голове. Атмосфера в комнате снова накалилась и Штейн неслышно вздохнул. «Mein Gott! По человеческим меркам мне уже пора готовиться к встрече с вечностью, а я до сих пор чувствую себя мальчишкой, ждущим одобрения строгого родителя», — уныло подумал он, видя, что Палевский, как это было в детстве, выжидательно молчит, и при этом своим видом показывает, как он недоволен его поведением.

«Подумаешь! Мне тоже кое-что не нравится, но я же не лезу в бутылку», — Штейн сердито посмотрел на свой бокал с коньяком. Схватив его, он выпил всё до дна и налил себе новую порцию, хотя терпеть не мог любые виноградные вина и коньяк в том числе. Лишь политес вынуждал его идти против собственной природы.

На губах Палевского промелькнула понимающая улыбка, но быстро исчезла, сменившись озабоченным выражением. В общем-то, он верил Томасу и знал, что он действительно не стремится занять его место, тем не менее в последнее время их отношения

заметно обострились. Чем старше становился его протеже, тем чаще заявляла о себе его властная натура. Штейн был умён и пластичен, но он был не из тех, кому комфортно в подчинении. Оба это понимали, потому серьёзное столкновение между ними было бы неизбежно, если бы не тесная эмоциональная связь, вызванная узами крови.

Когда друзья намекали Палевскому на рост влияния шефа СБ и опасность бездействия, он лишь улыбался: «Нужно благодарить Господа, что у нашего сообщества есть не один, а целых два сильных лидера. В конце концов, не так уж важно, кто из нас будет у власти», — следовал спокойный ответ. В последнее время Палевский и сам подумывал, что ему пора передать Томасу бразды правления. Если в Совете старейшин у него был достойный преемник, то в институте генетики он такого не видел.

Но власть есть власть. Двум сильным лидерам её сложно поделить и ещё сложнее от неё отказаться. Палевский медлил с передачей Штейну полномочий главы Совета, хотя его всё чаще раздражала его растущая самостоятельность. Чтобы удержать контроль над Томасом, он постепенно закручивал гайки, а тот страшно злился, особенно, когда его заставляли отчитываться по вопросам, которые он считал пустяковыми.

К счастью для обоих, несмотря на непомерное честолюбие, Штейн по-прежнему благоговел перед Палевским, а тот относился к нему как к сыну и в душе гордился его успехами. Правда, сейчас был не тот случай. На этот раз в душе Палевского преобладали те же чувства, что и у Ивана Грозного на картине Репина.

— Прости, что не всё рассказал. Я не хотел, но так уж вышло, — буркнул Штейн и на этот раз поведал всё, без утайки.

Услышав, что Старейший приказал зачислить Мари не в административные отделы, а оперативником на выезды, Палевский болезненно скривился.

— Оперативником? Это ещё зачем? Чтобы наверняка угробить мою дочь?

— Ну зачем же так пессимистично? — Штейн налил Палевскому полный бокал коньяка. — Правда, он сказал, что будет сам определять ей задания.

— Это всё?

— В общем-то, да.

— Дьявол! Вроде бы на этот раз я нигде не переходил ему дорогу. Во всяком случае, я ничего такого не припоминаю.

Поставив нетронутый бокал, Палевский в поисках сигарет похлопал себя по карманам. Штейн протянул ему коробку с сигарами, но он отрицательно качнул головой.

— Так и знал, что Старейший не простил мне восстания и лишь выжидал подходящий момент, чтобы я расслабился и поверил, что всё осталось в прошлом. Настоящий дьявол! Он и с теми бедолагами, что попросту пытались от него сбежать, поступил точно также. Сначала не трогал, а когда они успокоились и поверили, что он оставил их в покое, тогда он и нанёс свой удар. Подозреваю, что и в живых я остался только из-за моих работ в генетике.

Палевский сделал несколько глубоких затяжек, а затем смял сигарету. Он помрачнел. Страх за семью и уколы уязвлённого самолюбия привели к тому, что ему изменило самообладание и он, перемежая польский и французский языки, витиевато выругался.

— Вот злопамятный мерзавец! Мог бы уже успокоиться!.. Богом клянусь, ничего у него не выйдет! Он даже пальцем не дотронется до моей семьи! — воскликнул он, выказав на словах гораздо больше уверенности, чем было у него в душе.

— Послушай, Мика, может не так всё плохо? — осторожно заметил Штейн. — Давай, как и обещал, я лично присмотрю за Мари. Клянусь, с ней ничего не случится, — пообещал

он.

Но разъярённый Палевский его не слушал. Он вскочил с кресла и заметался по кабинету. По его нескрываемому беспокойству чувствовалось, что он не видит выхода из сложившейся ситуации. И в самом деле, слишком уж силен и необычен был его противник. «Матка боска! В любое время Старейший может ударить через ноосферу и убить моих девочек!» — мелькнула у него паническая мысль, но усилием воли он заставил себя остаться на месте, понимая, что даже если будет рядом с дорогими ему людьми, то всё равно не сможет им ничем помочь.

— А знаешь, Томас, мне в голову пришла занятная мысль, — произнёс Палевский с нервным смешком. — Человечество молится о чуде богоявления. Причём денно и нощно, прося, чтобы *Он* обратил на них своё внимание. Безмозглые идиоты! Радовались бы, что Богу нет до них дела, а то ведь можно получить желаемое. То-то будет радости! Но так ли благ и всепрощающ окажется Вседержитель в миру? А вдруг он будет гневен и нетерпим, как многие из его фанатиков? И как тогда жить? — после небольшой паузы он сердито добавил: — Чёрт побери! Почему бы этому убуду не оставить нас в покое? Казалось бы, сделал своё дело и скройся с глаз долой! Так нет, все ему неймётся.

Завершив свой гневный монолог, Палевский выдохся и умолк. В кабинете повисла тягостная тишина. Осознание собственного бессилия тяжелей всего даётся властным натурам. Оба искали пути выхода из создавшейся ситуации, и не находя, подавленно молчали.

— Пожалуй, я пойду, — мрачно произнёс Палевский. — В следующий раз поговорим об остальных делах.

«Teufel! Так хорошо начали, а кончили за упокой», — подумал Штейн, провожая гостя до дверей. У порога он плюнул на дипломатию и вместо рукопожатия обнял Палевского и дружески похлопал его по спине.

— Мика, прекрати дёргаться! — произнёс он бодрым тоном. — Ведь жизнь продолжается, несмотря ни на что. Давай-ка, бросай свой институт, бери семейство и хотя бы на пару деньков слетаем ко мне на Алтай. Честное слово, не пожалеешь! У нас небо такое синее, какое питерским аборигенам и не снилось, а луна на восходе огромна до неприличия. Вот такущая! Сходим с тобой на охоту или на рыбалку, а может, успеем и то и другое. В общем, отдохнём на природе, поедим шашлыков, а вечером перебросимся в картишки.

— Спасибо, я подумаю, — отозвался Палевский, тронутый его участием, и улыбнулся. — Томас, ты как был в душе сентиментальным романтиком немецкого склада, так им и остался, несмотря на все свои выверты.

Когда гость ушёл, Штейн устало сгорбился в кресле. «Mein Gott! Денёк не задался с самого утра! И так Старейший висит дамокловым мечом над головой, так ещё и Мика добавил. Я тоже тот ещё дурак! Вот кто меня тянул за язык? Зачем я сказал, что присмотрю за девчонкой? Как будто у меня есть на это время. Teufel! Стар становлюсь. Может, пора уйти в свободное плавание? В бизнесе ты хотя бы сам себе хозяин, — раздражённо подумал шеф СБ и, выпрямившись, яростно потёр лицо. — Ладно, не стоит горячиться и принимать опрометчивые решения. Бизнес никуда от меня не убежит, а вот снова пробиться к власти будет проблематично. В конце концов, чего мне не хватает? Денег и так некуда девать, женщин только пальцем помани, любая прибежит...

Сначала Штейн увидел улыбающееся лицо Эльзы и её зелёные глаза, насторожённо следящие за каждым его движением, а затем перед его внутренним взором возник образ

высокой гибкой девчонки, с упрямством глядящей на него тёмными глазами, в которых то и дело вспыхивает фиолетовое пламя, и его настроение резко пошло вверх. «Итак, Эльза или дочка Палевского?.. Даже не знаю, которую предпочесть. В общем-то, обе одинаково хороши».

Рассмотрев кандидатуру Мари, Томас пришёл к выводу, что она слишком молода, слишком красива и слишком остро реагирует на окружающих. Вдобавок ему не нравилось, что она так сильно похожа на Эльжбету — женщину, которую он не столько ненавидел, сколько опасался. К тому же ему не хотелось, чтобы из-за Мари у него возникли сложности с Палевским и, главное, со Старейшим. В том, что тот не оставит её без внимания, у него не было сомнений.

Штейн призадумался. «Плевать на её паренька из Академии, но Старейший — это уже серьёзно, да и с Микой не хочется портить отношения. Вдруг девчонка взбрыкнёт и у нас пойдёт что-нибудь не так?» И всё же он не сразу расстался с мыслью о дочери Палевского. Конечно, это была лучшая партия, надумай он жениться, и всё же к Мари его влекла не только корысть. Девушка вызывала у него сложное чувство, в нём было много чего: и любопытство, и тяга к очень красивой женщине, и какая-то смутная тоска по утраченному... «Какая ещё любовь? — фыркнул Штейн. — Нет. Слишком зелёная, и проблем с ней не оберёшься», — вынес он окончательный вердикт.

Перед мысленным взором шефа СБ гораздо ярче высветился иной образ: смуглое насмешливое лицо с чуть раскосыми глазами в ореоле огненно-рыжих волос. «Саламандра!.. Нет, хитрая самонадеянная лиса, которая нахально воображает, что обманула меня. Ну-ну, дорогая, тебя ожидает большой сюрприз, — подумал Штейн с хищной улыбкой. — К тому же, Эль, ты взрослая девочка. Значит, играть мы будем по-взрослому, то есть без обид в случае чего».

Решив, что пора заняться ей вплотную, он сел за стол и открыл досье, собранное на Эльзу Тероян. Прочитанное заставило его призадуматься: объект предстоящей охоты оказался далеко не так прост, как ему показалось поначалу. В том, что Тероян одна из лучших в их деле, Штейн и так знал, но информация о её личной жизни заставила его взглянуть на неё по-другому. Когда-то Эльза была замужем и этому обстоятельству было посвящено немало отчётов психологов. «Вот оно как! Лисичка-то, оказывается, с пребольшими тараканами в голове. С другой стороны, какое мне дело, что она не может забыть бывшего мужа? Всё равно её нужно проучить за неуместное пари. Она должна ответить за свой розыгрыш, и она за него ответит», — Штейн взял бутылку, которая сама по себе стоила целое состояние, и, перевернув её вниз доньшком, с досадой посмотрел на крохотную коньячную лужицу на дне бокала.

— Марта, принеси мне водки, — произнёс он в селектор и проворчал в ожидании секретарши: — Не понимаю я всех этих тонких изысков. Клопомор он и есть клопомор. По мне так нет ничего лучше доброй старой водки... Teufel! Что это?

— Ваша водка, герр Штейн.

— Я не о том. Марта, тебе не кажется, что между сапогами и фуражкой на тебе должно быть что-то из одежды?

— О, простите! Я было подумала, что вам не по нраву закуска. Может, плеть и наручники — это лишнее?

— Девушка, ты соображаешь, что творишь? Учти, секс со мной тебе ничего не даст и ничего не изменит в наших отношениях. Ты как была для меня секретаршей, так ею и

останешься.

— Не беспокойтесь, герр Штейн, я знаю своё место. Может, начнем с острых закусок? Как на ваш вкус такое?

— Вот чёрт! Марта, ты не оставляешь мне выбора.

Зелёная жемчужина

For what did Cauchy know or Cristoffel

Or Fourier or any Boole or Euler

Wielding their compasses, their rielers

Of thy supernal sinusoidal spell?

«Тензорный анализ и любовь» С. Лем

ГЛАВА 16. Прекрасная жестокость

Выйдя из здания штаб-квартиры, Палевский огляделся в поисках своей машины, но парковочная площадка была пуста. Тогда он спустился по полукружью широких мраморных ступеней, влажно отблескивающих в свете фонарей; и остановился на мостовой, ожидая, когда подгонят его машину.

Несмотря на позднее время в штаб-квартире Объединённых кланов по-прежнему царило деловое оживление. Там, за ярко освещёнными окнами сутились многочисленные гротескные фигуры — толстые выпуклые стёкла выступали в роли кривых зеркал и основательно искажали пропорции. Поданные их величества вампирского короля исполняли какие-то свои непонятные действия и казались актёрами одного большого театра абсурда, тем не менее они дарили ему чувство сопричастности к себе и, как следствие, иллюзию защищённости. Поймав себя на этом стайном ощущении, Палевский недовольно скривился. «Типичный самообман. Случилась беда и никто не в силах мне помочь». Насвистывая детскую песенку, он сунул руки в карманы и закачался на пятках. «И вся королевская конница, и вся королевская рать, не могут шалтая, не могут болтая, не могут шалтая-болтая собрать... вот и я будто этот пресловутый шалтай-болтай никак не могу собраться с мыслями и наконец-то решить, что же мне делать».

Потрясение, вызванное сообщением Штейна, более или менее улеглось, но на душе было муторно как никогда, — уже давно Палевский не чувствовал себя таким одиноким и беспомощным. Служба парковки почему-то замешкалась, и он сел на гнутую скамью с витиеватыми коваными завитушками. Было промозгло и сыро. Тонкая ткань летнего костюма плохо защищала от холода, — днём он уже успел слетать в более южные широты, но не успел ещё переодеться, потому деревянное сиденье леденило тело, а тревога за близких — душу. Потому свинцовое небо и мрачно нахохлившийся город как нельзя лучше отвечали его настроению.

Одолеваемый тяжёлыми мыслями, Палевский поднял воротник пиджака и потянулся за сигаретами. Он снова перебрал в уме свои действия, которые могли вызвать недовольство Старейшего и снова не нашёл в них ничего, что тот мог бы воспринять как предательство по отношению к нему. Но по большому счёту ему было не важно, в чём на этот раз заключается его вина. Он ни минуты не сомневался, что раз уж Старейший объявился, то обязательно выполнит свою угрозу и уничтожит его близких.

Ломая голову над тем, как защитить семью, Палевский перебрал в уме все мыслимые и немыслимые способы убийства, включая даже такие экзотические, как бомбардировка из космоса, нанооружие и посылка робота-убийцы. И раз за разом он приходил к неутешительному выводу, что все они никуда не годятся, поскольку имеют один существенный недостаток: никто на планете Земля не знает местонахождения Старейшего.

Была у него мысль — использовать объединённую ментальную мощь старейшин, но Палевский был хорошим правителем и не хотел втягивать свой народ в личную вендетту, да и не видел в этом особой надобности. Затем он некоторое время всерьёз раздумывал над тем, а не упрятать ли ему жену и дочь в одно из тайных убежищ, созданных им на случай войны.

«Хорошее решение, за исключением одного небольшого минуса. Тогда придётся держать их в заключении всю оставшуюся жизнь», — Палевский тяжело вздохнул, представив себе реакцию Рени, заикнись он ей о своей «блестящей» идее. «Да она сама прикончит меня и будет совершенно права. С таким же успехом я могу похоронить их заживо. Вдобавок, при желании Старейший и там сумеет добраться до них... Чёрт! Раз за разом, упираюсь в одно и то же. Чтобы обезвредить мерзавца, нужно нанести превентивный удар. Вот только он забыл оставить визитку с координатами своего местонахождения. Впрочем, что я хожу вокруг да около? Есть одно, но беспрюграммное решение. Как там люди говорят? Нет человека, нет проблемы. Надеюсь, Господь меня простит. В конце концов, Старейшему нужен я, а не моя семья, — озабоченно нахмурившись, Палевский потянулся за очередной сигаретой, но пачка была пуста. — Вот чёрт! Одно к одному!.. Ведь столько ещё не сделано! — его губы сжались в твёрдую линию. — Особо тянуть нельзя. Пожалуй, придётся подналечь и по максимуму ввести Томаса в курс последних своих задумок».

Машины всё не было, и Палевский направился к закрытой парковочной стоянке. Он настолько ушёл в свои мысли, что чуть было не столкнулся с худенькой темноволосой девушкой, возникшей на его пути.

— О, простите! Надеюсь, я не причинил вам неудобств?

И лишь задав этот вежливый, ни к чему не обязывающий вопрос, Палевский узнал в ней ту самую продавщицу мороженого, что так восторженно глазела на него по приезду в штаб-квартиру. Впрочем, она и сейчас взирала на него как на икону. Палевский это видел, но не придавал этому значения. Так было со всеми менталистами, имеющими сильный дар. Их со страшной силой тянуло к вампирам, и на этом их свойстве строился отлов перспективного молодняка. Смущало его другое обстоятельство.

— Не поймите меня превратно, мадемуазель, но что вы здесь делаете?

— Жду вас, — бесхитростно ответила девушка, приплясывая от холода.

Палевский нахмурился. Проснувшаяся интуиция подсказывала, что здесь дело нечисто.

— И как долго? — осведомился он, уже заранее подозревая, что ему не понравится то, что он сейчас услышит.

— С тех пор как вы вошли в это здание, — созналась девушка и, шмыгнув носом, робко улыбнулась. — Скажите, вы не сердитесь?

— Ну что вы! В данном случае, если на кого и нужно злиться, то только на себя.

Признание девушки повергло Палевского в лёгкий шок. Он был твёрдо уверен, что стёр воспоминания о себе, тем не менее она помнила о нём. «Не понимаю, как такое возможно», — подумал он озадаченно. И тут девушка с отчаянным выражением на лице протянула ему ладошку.

— Добрый вечер! Я — Лиза.

— Хорошее имя, — немного помедлив, Палевский аккуратно сжал тоненькие пальчики. — Зачем вы меня ждали, мадемуазель Лиза? — поинтересовался он, прищурив глаза. — У вас есть ко мне какое-то дело?

Девушка растерялась.

— Нет!.. Извините! — пролепетала она.

— За что? — удивился Палевский и, понимая, что её беспокоит, мягко добавил: — Полно смущаться, мадемуазель Лиза! Только последний идиот мог бы подумать, что вы ночная бабочка.

— Слава богу! Я так боялась, что вы плохо подумаете обо мне. Спасибо вам большое!

— Всегда пожалуйста, милая, — ласково ответил Палевский. Как ни странно, разговор с фениксом вернул ему привычное расположение духа. Конечно, тревога никуда не делась, но она как бы отошла на второй план.

В широко распахнутых тёмных глазах светилась такая щенячья радость, что Палевский не удержался. Он протянул руку, собираясь погладить девушку по голове, но она перехватила его ладонь и порывисто прижала её к щеке, и у него почему-то защемило сердце. Несмотря на высокомерно-презрительное отношение к людям, он почувствовал, что странная девчонка чем-то его привлекает, хотя в своей вампирской гордыне он ставил человечество на одну доску с животными, да и то не всегда. По его мнению, независимые и упрямые кошки вполне заслуживали к себе уважительного отношения и занимали в его личной иерархии гораздо более высокое место, чем приматы и их отдаленные родственники из рода *Homo sapiens*. Такой нелогичный вздор вполне мирно уживался в его голове с обширными медицинскими познаниями.

«Везёт же мне на брюнеток, хотя всю жизнь стремлюсь к блондинкам. Видимо, это рок», — грустно подумал Палевский, и перед его внутренним взором возникло треугольное личико, исполненное кошачьей гордости и сдержанной силы. Снедаемый чувством вины он не хотел думать о той, что ждёт его дома, но девчонка-феникс почему-то действовала на него как катализатор. Возможно оттого, что в непроглядной тьме бездонных глаз Рени пряталось то же чувство, которое сейчас так щедро изливала на него глупенькая человеческая самка. Он знал, что жена его любит; видел, что она мучается, но не мог переступить через себя. А виной тому была Эльжбета, его первая жена. Синеглазая красавица-королева, которая сумела настолько глубоко его ранить, что он до сих пор не мог её забыть.

Несколько удивлённый тем, какое направление приняли его мысли, Палевский взгляделся в личико девушки и неслышно вздохнул. «Ясно! Вот в чём здесь дело!»

Он отстранённо глянул на девушку и она, спохватившись, поспешно выпустила его руку.

— Простите!.. Я знаю, что веду себя по-дурацки, но ничего не могу поделать с собой. Но почему-то я уверена, что вы всё понимаете.

— Думаю, да. Кстати, сколько вам лет, мадемуазель?

— Двадцать пять, — ответила удивлённая девушка.

— Жаль, — Палевский озабоченно глянул на часы. — Извини, милая, но я спешу. В другой раз поговорим, — пообещал он, прекрасно зная, что никакого другого раза не будет.

Сама по себе девушка несколько его не интересовала. Конечно, была ещё загадка её памяти. Но в его глазах она тоже ничего не стоила, поскольку её нельзя было передать следующему поколению вампиров. И уж тем более девушка не интересовала его с сексуальной точки зрения, поскольку он считал ниже своего достоинства спать с людьми.

— Пожалуйста, не уходите!.. Как же я буду жить без вас? — прошептала девушка с потерянными выражением на лице.

— Увы, милая! Мне действительно пора.

Несмотря на своё заявление, Палевский не двигался с места, и тут его посетила неприятная мысль. «О чёрт! Как же я мог забыть! Если ей на самом деле нельзя стереть

память, то у меня проблема. Может, ничего страшного, но бережёного бог бережёт. Нельзя, чтобы эта влюблённая дуручка болталась здесь, демаскируя нашу штаб-квартиру».

Решение было очевидным, но король вампиров медлил. В результате победила жалость и Палевский, всячески ругая себя за мягкотелость, послал мощный ментальный импульс — в надежде, что на этот раз он подействует — на стирание своего образа в памяти девушки. Сразу же после этого появилась его машина и он, перед тем как сесть в неё, одарил парковщика таким недобрый взглядом, что тот ещё долго извинялся и кланялся вслед давно скрывшемуся «мерседесу» главы СС.

Оставшись в одиночестве, Лиза замерла как оленёнок, пойманный на дороге лучом света. Прошло немало времени, прежде чем её отпустило непонятное оцепенение. «Странно. Как я оказалась здесь в столь позднее время? — недоумеваю, девушка огляделась по сторонам — Не понимаю!.. Отчего так тоскливо сжимается сердце и не покидает чувство потери?» Она попыталась сосредоточиться, но в памяти зиял странный провал, сигнализирующий о себе острой головной болью. И всё же казалось, если немного поднапрячься, то воспоминания обязательно вернуться. Вот только интуиция предупреждала этого не делать.

Лиза прислушалась к себе. «Почему-то плакать хочется... как будто только вчера похоронила бабушку и осталась в целом мире одна одинешенька, — в задумчивости она склонила голову набок. — О нет! Со мной приключилось нечто необычное и чудесное!.. Вот только что?» Девушка закрыла глаза и, подняв руку, с замиранием сердца прикоснулась к чему-то невидимому перед собой. «О боже!.. Как странно! Такое чувство, что я влюбилась! Но в кого?» В странной надежде на чудо она огляделась по сторонам. Но сказка почему-то не спешила ей навстречу. Не вспыхнули на Неве Алые Паруса, ведомые пламенным сердцем и твёрдой рукой. Не вылетела из переулка четвёрка белоснежных коней, везущая золотую карету с изнеженным капризным принцем. Не появился шумный караван, ведомый нищим мальчишкой, который хитростью и умом добился своего богатства.

«Да что там принц!» Лиза подула на замёрзшие руки. «Я обрадовалась бы старой ведьме. Как русалочка из сказки Андерсена, не задумываясь, отдала бы всё что угодно за одну лишь надежду вырваться из серых будней и стать хоть на миг по-настоящему счастливой, — грустно подумала девушка. — Эх, перенестись бы в сказочную страну и жить там беззаботно и счастливо! Например, стать колдуньей и чудесным солнечным утром варить разноцветные приворотные зелья из летучих мышей и корня мандрагоры, а ночью веселиться, летая на Лысую гору. Глядишь, на шабаше присмотрела бы себе какого-нибудь чёртика посимпатичней. Уж лучше иметь в ухажерах забавного страшилку, чем Владика из соседней парадной, который спит и видит, как бы ему у меня прописаться. Понимаю, когда вас шесть человек в крохотной двухкомнатной квартирке, то на всё пойдёшь, но я-то здесь причём?»

Взгляд Лизы упал на хилое деревцо, растущее поблизости, и она улыбнулась. «А может в сказке я познакомилась бы с красавцем эльфом, который сходил бы с ума от любви ко мне. Всю ночь мы занимались бы... понятно чем. А на утренней заре под аккомпанемент лютни он пел бы чудесные песни своего народа, и над нашим зелёным ложем, усыпанным цветами, шумел бы ветер, гуляющий в кронах величественного волшебного леса. Идиллия! — взгляд девушки затуманился. — А вдруг я встретила бы мрачного и загадочного вампира? Демонически прекрасное существо настолько полюбило бы меня, что прилетало бы по

ночам, и с печалью в тёмном взоре высасывало бы мою кровь, за это разрешая его любить... Ой, что-то мне нехорошо!.. Господи, как я могла забыть его?» — спохватилась она, сначала вспомнив свои сны, а затем и обе встречи с Палевским.

Зябко пожившись от пронзительного холодного ветра с Невы, Лиза грустно усмехнулась и медленно побрела восвояси. «Что-то в последнее время я совсем плохая. Нужно поменьше читать волшебных сказок по ночам, а то совсем выпадут из реальности, и тогда вместо принца на белом коне за мной приедут пьяные санитары на белой машине с красным крестом...»

Вскоре Лизе надоела чинная ходьба и, пританцовывая, она принялась бормотать стихи под пошлую мелодию, несущуюся из наушников. Не в такт шагам, но созвучно настроению, зазвучали горькие слова об одиночестве удивительно красивого человека.

В вечернем сумраке всплывали
Пред ним виденья прошлых дней,
Будя старинные печали
Игрой бесплотною теней.
Один, один, забытый миром,
Безвластный, но ещё живой,
Из сумрака былым кумирам
Кивал усталой головой...
Друзей бывалых вереница,
Врагов жестокие черты,
Любивших и любимых лица
Плывут из серой темноты...
Все бросили, забыли всюду,
Не надо мучиться и ждать,
Осталось только пепла груды
Потухшим взглядом наблюдать...

По пути через мост Лиза ловко увернулась от неуклюжих объятий вдрызг пьяных парней. Стараясь не слушать мерзких предложений, она поспешила мимо татарской мечети к станции метро. Но всё равно, на душе у неё стало настолько погано, что, забившись в уголок полупустого вагона, она потихоньку заплакала. А потом девушка долго не могла отвязаться от участливой старушки. С дотошностью бывшего гестаповца «божий одуванчик» выпытывал у неё подробности жизни, особенно интересуясь, отчего она так горько плачет.

«Эх, молодость! Мне бы ваши заботы, — под конец вздохнула старушка, не добившись от юной собеседницы вразумительного ответа, и сделала свои житейские выводы. — Рожай, милая, и не вздумай делать аборт. Помни, что детоубийство — это великий грех и Господь такого нам, бабам, не прощает. А что мужики? Сегодня один, а завтра другой. Все они поголовно козлы, уж поверь мне, старому бойцу на любовном фронте. Сколько этих воздыхателей у меня перебывало и ни счесть. А толку? Все как один сбежали, и осталась я одна под старость лет. Ни мужика, ни деток. А всё почему? Да потому что дура была и все боялась упустить очередного хахаля. Вот и делала аборт один за другим, пока врачи не сказали, что всё уже. Как сейчас помню, толстый такой профессор так весело сказал: «Отстрелялась ты, Матвеевна, можешь больше о детях не беспокоиться». И то шутка ли сказать — шестьдесят с лишним аборт. Вот с тех пор и хожу в бобылках одна

одинешенька».

Помолчав, старушка утерла слезящиеся глаза платком не первой свежести, и полезла в старенький ридикюль. Она долго рылась в его недрах и после некоторого колебания протянула Лизе несколько мятых бумажек.

— Деточка, ты возьми, не стесняйся. Поверь, я же от всей души. купишь чего-нибудь своему младенчику от бабки Матвеевны, вот и мне будет радость. Может, Господь снимет с моей души часть греха за невинно убиенных деток. Бери, не обижай старую.

Перепуганная Лиза, которая и так неудобно себя чувствовала из-за внимания близ сидящих пассажиров, подскочила на месте.

— Бабушка, не надо! Нет никакого младенчика! Я и с его отцом никак не могу познакомиться! — смущённо воскликнула она и еле убедила навязчивую попутчицу, что не беременна и деньги ей не нужны.

Дело кончилось тем, что половина только что полученного аванса Лизы перекочевала в ридикюль растроганной старушки. Бормоча слова благодарности, та надёжно припрятала драгоценные бумажки и скоренько вышла на следующей станции. А девушка снова притулилась в уголке вагона, провожая отрешённым взглядом мелькающую за окном мерзкую темноту туннеля, по которому с глухим шумом нёсся поезд. Не выдержав, она закрыла глаза. «Господи! Ну, и зачем я всё вспомнила? Что же теперь с этим делать и как жить дальше?»

*Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге
Холодная черта зари —
Как память близкою недуга
И верный знак, что мы внутри
Не размыкаемого круга [1] .*

Сев в машину, Палевский за своими заботами и думать забыл о продавщице мороженого. Точней, Лиза стала одной из многих бабочек-однодневок, которых было немало в его жизни. Привлечённые излучением ментала и очарованные красивой властной внешностью они без раздумий летели к опасному пламени. Иногда король вампиров довольно тесно общался с ними, находя довольно интересными, но никогда не доводил дело до постели, считая такие связи с людьми унижительными для себя.

И всё же чувства девушки сумели его зацепить. Может из-за её сходства с Рени, которое Палевский, постоянно имеющий дело с фениксами, просто не мог не заметить, а может, тому виной был душевный разлад из-за угрозы Старейшего, но, вероятней всего, они сплелись воедино, и эта гремучая смесь властно потянула его в прошлое.

Глядя перед собой невидящими глазами, Палевский мысленно перенёсся в события более чем полувековой давности. Именно тогда, весной 1941 года произошло то, что разрушило его хрупкое счастье. Толчком для катастрофы послужил всё тот же Старейший. В привычной для него безжалостной манере он снова взялся чистить вампирский геном. Но на этот раз его ожидал неприятный сюрприз. Возмущённые беспределом своего создателя, вампиры дали ему организованный отпор. Возглавляли восстание они с Эльжбетой. Правда, Палевский чисто номинально, а душой и главной движущей силой восставших была она —

его прекрасная синеглазая королева. Его любовь, которой не было равных среди женщин.

«Змея, которую я пригрел на своей груди, и которая в благодарность за это ужалила меня в сердце», — утрюмо подумал Палевский.

Начало двадцатого века, как и для всего человечества, было для короля вампиров хоть беспокойным, но созидательным временем. Несмотря на трудности, встречающиеся буквально на каждом шагу, молодому учёному удалось то, чего не могли сделать честолюбивые главари банд, обосновавшиеся на вампирской базе. Он не только завоевал власть, но и сумел её удержать. Причём без особого насилия, что тоже немаловажно. Умный, дальновидный, когда нужно умеющий прислушиваться к чужому мнению Михаэль Павлович (такое имя досталось королю вампиров от родителей) был правителем от бога. В общем, его народу действительно повезло с лидером.

Молодой учёный так рьяно взялся за дело, что вскоре анархическое сборище приобрело черты порядочного общества со своей государственной структурой.

Первым делом была создана внутренняя полиция — так называемая служба безопасности. Это был кнут, а затем настало время пряника. Михаэль немного отпустил вожжи, и путём народного голосования был создан Совет старейшин — высший коллегиальный орган правления, а затем настало время выбора его главы и в обществе вампиров начались ожесточённые дебаты. Демократия демократией, но это нисколько не мешало Михаэлю манипулировать общественным мнением. Несмотря на накал борьбы, дебаты проходили под неусыпным контролем его единомышленников. Как только ситуация складывалась не в его пользу, они тут направляли её в нужное русло. Правда, особых трудностей с избранием не возникло. За исключением редких упрямцев, авторитет молодого учёного признавали все сородичи. Другое дело, что у каждого выборщика был свой интерес. Но если грамотно подойти к организации процесса, то интересы отдельных групп обязательно сойдутся именно на том, на ком нужно.

Вскоре, поднабравшись профессиональных навыков, бесперебойно заработал административный аппарат и, как следствие, возникли законы, ограничивающие вампирскую вольницу. Рабство было запрещено и спецотряды СБ выходили во внешний мир только на охоту за менталистами, которые должны были пополнить ряды вампиров. А затем своё веское слово сказала развивающаяся экономика и у вампирского сообщества появились бизнесмены и политические деятели. Пользуясь своими способностями, они наладили нужные связи с государствами мира. Текущие рекой деньги оказались мощнейшим рычагом воздействия на человечество, и принесли вампирскому сообществу невиданное богатство. В общем, жизнь на базе вошла в уже привычное законопослушное русло. Убийства случались, но не часто.

Само собой, глава Совета не обрадовался, когда стали поступать донесения о внезапных массовых смертях среди сородичей. Паника могла погубить все его труды. Поскольку Михаэль был слишком молод, чтобы помнить последнюю глобальную чистку, то поначалу он грешил на оппозицию. Чтобы разобраться что к чему, он поручил расследование дела Штейну, которого недавно назначил на пост главы СБ. Согласно его распоряжению, тот не мешкал и действовал предельно быстро и жёстко. Не прошло и дня как к нему приволокли нескольких оппозиционеров, которые располагали нужным потенциалом для организации этих убийств.

Но проведённые допросы ничего не дали. Глава Совета, который лично присутствовал

на экзекуциях в наспех организованной пыточной, по ходу дела заподозрил, что ошибся с подозреваемыми. Дурацкие признания несчастных оппозиционеров, в которых было больше самоговора, чем правды, навели его на мысль, что виноваты не они, а загадочный создатель их народа, которого никто и никогда не видел в глаза. Тогда он — уже без сопутствующих зверств — расспросил тех, кому посчастливилось пережить предыдущую глобальную чистку Старейшего, и вдобавок провёл собственноручную проверку — в то время он уже активно баловался генетическими исследованиями. Результаты анализов подтвердили правоту очевидцев, оказалось, что гибли только самые слабые особи, почти утерявшие вампирские признаки.

Вот тогда наступил час «X». Михаэлю совершенно не хотелось связываться с такой могущественной личностью. Тем более он не видел в действиях Старейшего особого криминала. Он и сам не отличался мягкотелостью, и при случае спокойно уничтожал сепаратистов вместе с семьями — исключительно затем, чтобы потом не увязнуть в кровавой вендетте. А тут и вовсе святое дело, а именно, сохранение в чистоте вампирского генома.

И всё же, когда страсти разгорелись, он поддержал сородичей, решившихся дать отпор Старейшему. Причём во многом благодаря Эльжбете. Это она сумела убедить его, что нужно поддержать спонтанно возникшее восстание. Вот только на деле оно оказалось не столь уж стихийным, опять же благодаря его весьма энергичной и властной жене.

[1] «Одиночество» А. Блок. Мечтатель и поэт. Ещё одно великое сердце, отданное северным болотам, чей огонь не угас и незримо согревает души ныне живущих.

У Палевского заныло сердце. Спящая ярость проснулась и вновь обнажила свои ядовитые клыки. «Моя дорогая Эльжи! Прошло столько лет, а я до сих пор не понимаю, что в тебе было настоящего. Или вся ты — только ложь и коварство? Даже твоего настоящего имени я не знаю. Чтобы подобраться ко мне, ты взяла имя мамы, — он горько усмехнулся. — Повезло же мне нарваться на этакую Мата Хари... да нет, гадюку, которая терпеливо выжидала своего часа».

— Всё равно не понимаю, моя королева! Ведь глупо сворачивать голову курице, несущей золотые яйца! — прошептал он вслух и почувствовал, что ядовитая горечь с новой силой прихлынула к сердцу.

«Или ты устала быть серым кардиналом, и захотела стать главным действующим лицом? — несмотря на гнев, Палевский почувствовал отголосок бывшего восхищения. — О да, моя королева! Ты была великолепна. Скрепя сердце, но я должен признать, что лишь тебе единственной подошла бы роль Властительницы мира, — его глаза сухо заблестели, и он сглотнул комок, подступивший к горлу. — Может быть, будучи властной женщиной, я поступил бы точно также. В мире мужчин гораздо проще расчистить себе место под солнцем с помощью сильного самца, а когда он устранит сильнейших из конкурентов, наступит и его время. Убрать единственное препятствие на пути к безграничной власти, проще простого»

Палевский горько скривился. «Особенно, когда он такой дурак, что влюблён по уши и ничего не замечает, находясь в плену собственных иллюзий».

Скрежет и удар о поребрик привёл его в чувство. Резко затормозив, Палевский остановился и в досаде ударил по рулю. Кончилось это тем, что он погнул рулевую колонку. «Надо бы выправить», — рассеяно подумал он, но прошлое, поймав, не хотело отпускать его из плена горько-сладких воспоминаний. Он отдался на их волю и перед его глазами возник силуэт девушки с гордой осанкой и профилем царицы Нефертити.

Всё началось с безобидного увлечения кинематографом. Во всяком случае, Михаэлю так показалось и в чём он начал сомневаться после гибели жены. А тогда на заре двадцатого века он страстно полюбил детище братьев Люмьер, и всё свободное время пропадал в импровизированных кинозалах, с восхищением глядя на сказочные туманные картинки.

Однажды во время сеанса громко скрипнул отодвинутый стул, и в полутьме зале поднялась высокая женская фигура. Как и многие зрители, Михаэль недовольно обернулся и больше не смог отвести взгляда. Та, что плыла по проходу, являла собой воплощённую грёзу — она была прекрасней и желанней любой фантазии. И чем ближе незнакомка подходила к его ряду, тем большее он волновался, не зная, что предпринять.

«Кто ты? Почему не живёшь на базе вместе с остальными? Не молчи, отвечай!» — потребовал он в несколько грубоватой форме.

Поравнявшись с ним, незнакомка повернула изящную головку и в мглистой полутьме синими звёздами сверкнули её глаза на бледном овале лица.

«Это вы мне?» — высокомерно спросила она.

«Да-да! Я обращаюсь к тебе!»

«Не припоминаю, чтобы я разрешала обращаться вам ко мне на «ты». *Adieu*, месье!» — насмешливо ответила незнакомка и поплыла дальше по проходу.

«Постойте, вам небезопасно одной находиться среди людей. Подождите, я провожу вас!»

Михаэль начал поспешно пробираться к выходу отталкивая со своей дороги возмущённых зрителей вместе с их стульями. Догнав незнакомку, он вынудил её остановиться. Она повернулась к нему и слабо усмехнулась.

«Месье, зачем вы преследуете меня? Кажется, я не давала вам повода. Или вы из тех самонадеянных кавалеров, которые воображают, что большинство женщин настолько слабы умственно и физически, что их нужно постоянно опекать? Уверю вас, я не из их числа, так что ваша помощь мне не требуется, — проговорила незнакомка, при этом не делая попытки освободиться.

— Вы ошибаетесь, мадемуазель, — быстро проговорил Михаэль, бережно, но крепко держа её за локоть. Страшно довольный уже тем, что его с ходу не отшили, он наставительно добавил: — Как все поборницы за права женщин, вы пребываете в наивной уверенности, что хулиганы сразу же отстанут, как только услышат о ваших прогрессивных убеждениях, — немного помолчав, он всё же не утерпел. — Умоляю, не будьте жестоки! Пожалуйста, скажите, что вы не связаны обязательствами, и я не обязан именовать вас «мадам»! Учтите, если ваш муж человек, то это меня не остановит!

Незнакомка с недоумением посмотрела на него.

— Я и замужем за животным? — презрительно сказала она и в удивлении приподняла брови. — Так вы это серьёзно?.. О боги! Не понимаю, как такой ужас мог прийти вам в голову. А что касается хулиганов, то я не столь самонадеянна и держу про запас иные методы убеждения, чем слова. Хотя в иных обстоятельствах они тоже серьёзное оружие. Впрочем, в этом мире эреи, пардон, вампиры редко встречаются, а люди нам не противники. Не так ли, месье?

— Отдаю должное вашему благоразумию, мадемуазель, и всё же разрешите вас проводить. О да! Разрешите представиться, Михаэль Павлович к вашим услугам... — девушка ничего ему не ответила и это его огорчило. — Почему вы молчите, мадемуазель? Неужели вы не осчастливите меня, назвав своё имя? — не вытерпел он.

— Вы чересчур напористы, месье. С чего вы вдруг вообразили, что я должна вас осчастливить?.. Крейд! Здесь слишком много любопытных ушей! Давайте выйдем из зала, прежде чем что-либо выяснять, — предложила девушка и иронично улыбнулась. — Видите, зрители сердятся. Мы мешаем им подсматривать за чужими грёзами.

Михаэль не стал возражать, но, когда они оказались на улице, сразу же преградил незнакомке путь. Уже при свете дня он заглянул в её лицо и поражённо замер — она превзошла все его ожидания. Синеглазая девушка была невысказанно красива и у него мелькнула опасливая мысль, а человек ли это.

— Матка боска! Да, кто же вы такая? — невольно вырвалось у него. — Только не говорите, что вы ангел небесный, я этого не переживу, — добавил он с натянутой улыбкой.

И тогда произошло нечто странное. Отступив на шаг, девушка вдруг опустилась перед ним на колени. Она смиренно склонила голову и произнесла нараспев:

— *Сонами-сонам, Ае Рай-ин-Рай вэйт Ганье райтан Таятан Реази Вистанио танозель Малосье аде и эд Литосо Южи. Аи райдиэль Риезель Реази Вестаньо сентано Ами Ког румит ае.*

Потеряв дар речи, Михаэль ошарашено глядел на склонённую головку девушки, украшенную короной из заплетённых волос. И пока он лихорадочно пытался определить хотя бы к какой группе относится язык, на котором она проговорила свою белиберду, на её лице отразилось мимолётное ликование.

Когда незнакомка подняла голову, она была уже совершенно спокойна.

— Ведь вы не поняли ни слова из того, что я сказала. Не так ли, месье? — спросила она с полутвердительной интонацией в голосе.

— Увы, мадемуазель, — признался Михаэль. — Может быть, вы подскажете, что всё это значит?

Не приняв его помощи, девушка легко поднялась с колен и на этот раз сама взяла его под руку.

— Это значит, что я ошиблась и вы совсем не тот, за кого я вас приняла поначалу, — сказала она и, упреждая его вопрос, представилась: — Кажется, вы хотели знать, как меня зовут. Так вот, меня зовут Эльжбета Павлович.

— Что?.. Простите, я не ожидал, что мы однофамильцы.

— Для вас это имеет какое-то значение? — прохладно поинтересовалась девушка.

— Нет! Конечно, нет! — поспешно ответил Михаэль.

Внезапно она остановилась и испытующе заглянула ему в глаза.

— Скажите, вы на самом деле собираетесь стать моим... э-э-э...защитником?

— Ну, да! — с воодушевлением воскликнул Михаэль и, немного подумав, добавил: — Конечно, если вы не возражаете.

— Тогда какого рода защиту вы мне предложите?.. Я имею в виду, какие отношения нас будут связывать, — пояснила девушка при виде недоумения на его лице. — Скажите сразу, я не люблю неопределённости, — в её тихом голосе он уловил странное волнение.

— Вы будете моей любовницей, — неожиданно брякнул Михаэль и с испугом воззрился на девушку.

— Значит, любовница?.. Очень занимательно! *Атери миа ред*, — задумчиво протянула Эльжбета. — Что ж, значит, это судьба, — добавила она с какой-то обречённостью в голосе.

Неожиданно девушка всем телом прильнула к нему.

— Хотелось бы до конца поверить в серьёзность ваших намерений. Пожалуйста, докажите, что вы не шутите и на самом деле хотите сделать *меня* своей любовницей!.. Прямо здесь! Не тяните!

Михаэль в растерянности огляделся по сторонам. Кругом были люди, и он окончательно смутился.

— Не совсем понимаю... здесь же негде...

— О боги! Вы и скромность — это нечто новое!.. Тогда просто поцелуйте, но не так, — Эльжбета слегка коснулась губами его щеки и требовательно заглянула в лицо. — Ну! Чего вы ждёте? Или вы, как встарь, решили посмеяться надо мной? — с гневной гримасой она отпрянула от него.

Михаэль наконец-то сообразил, чего от него хотят, и прильнул к губам девушки. Её близость сразу же ударила ему в голову и окружающий мир для него исчез. Дальнейшая последовательность событий почему-то не отложилась у него в голове. Он совершенно не помнил, как они оказались в небольшом, но роскошно обставленном особняке Эльжбеты.

Первые проблески сознания появились только в её спальне, когда они рухнули на огромную кровать. Возможно, виной тому было то, что он ударился головой о деревянное

изголовье. Единственно, что ему врезалось в память, это напор сумасшедших эмоций, которые было не определить словами и ненасытное желание обладать чудесным телом своей великолепной любовницы. Правда, наутро Михаэля несколько огорчила её реакция. Будучи безмерно счастлив после проведённой бурной ночи, он не сразу обратил внимание на то, что девушка печальна и, сидя на кровати, зябко кутается в простыню.

— В чем дело, Эльжи? Я оказался плохим любовником? — спросил он встревожено.

— О нет, мой дорогой! Ты великолепен. А теперь скажи, что ты меня любишь... Скажи! Я приказываю! — девушка порывисто подалась к Михаэлю и заглянула ему в лицо. Казалось, её ищущий взор хотел проникнуть в самую его душу.

До этого слова любви не шли у него с языка — даже на пике страсти, но сейчас он, не колеблясь, ответил:

— Да, Эльжи, лишь ты в моём сердце. Не знаю, как описать, что творится со мной, но ради тебя я готов свернуть горы. Я люблю тебя, а ты?

— А что я? — снова со странной обречённостью в голосе сказала девушка. — Для меня почти ничего не изменилось. Я всегда любила тебя, и буду любить, — не дав ему задуматься над смыслом странной фразы, она вскочила на ноги и ласково спросила: — Я люблю кофе, а ты что будешь? Может, приготовить тебе чай? Тогда скажи, какой именно.

— Если ты будешь кофе, значит, я тоже буду его пить, — Михаэль счастливо улыбнулся. — Ведь я хочу знать всё, что ты любишь и всё что ты ненавидишь...

Но Эльжбета снова его удивила. Резко развернувшись, она с гневной гримасой прошипела:

— Только узнаю, что ты суёшь свой нос, куда не нужно ... — спохватившись, что говорит лишнее, девушка умолкла и уже гораздо спокойней добавила: — Извини, кажется, я несу всякие глупости. Я всего лишь хотела сказать, что ненавижу, когда вмешиваются в мою личную жизнь.

— Хорошо, Эльжи! Извини, я не хотел тебя расстроить, — сокрушённо произнёс Михаэль, удивлённый бешеной реакцией на своё безобидное высказывание.

— Тебе не за что извиняться, это я немного погорячилась.

Мгновенно успокоившаяся девушка сбросила с себя простыню и убежала из спальни. Вскоре она вернулась с подносом, на котором дымился кофейник, и горкой высилась свежая выпечка.

Неприятный инцидент ушёл в прошлое, и Михаэль снова был счастлив. Эльжбета всячески старалась ему угодить и упреждала каждое его желание ещё до того, как он успевал открыть рот. Если бы не эта непонятная вспышка гнева, он вообще был бы на седьмом небе от счастья. Правда, его смущало ещё одно обстоятельство. Воспитанный родителями в строгом католическом духе, Михаэль чувствовал себя крайне неловко, глядя на то, с каким спокойствием девушка расхаживает в обнажённом виде. Несколько раз он порывался сказать, чтобы она что-нибудь на себя накинула, но побоялся неадекватной реакции на свои слова. К тому же не сказать, что ему не нравилось, то что видели его глаза. И ещё кое-что отложилось в его памяти. В эту приснопамятную встречу Эльжбета ни разу не назвала его по имени.

Михаэлю страшно не хотелось покидать девушку, но в те времена на базе было беспокойно. Не так давно у него появилась замечательная лаборатория, и он боялся, что подонки в его отсутствие разгромят уникальное оборудование, которое он получил от неизвестного благодетеля. «Давно пора взять под контроль всю базу, а не только

территорию, прилегающую к лаборатории. Тогда ни одна сволочь больше не посмеет угрожать мне расправой и отвлекать от Эльжи», — сердито подумал он, то и дело оглядываясь на дом, где оставил своё сердце.

Оставшись одна, Эльжбета упала на кровать. Её плечи вздрагивали, но было не ясно, плачет она или смеётся. Когда приступ прошёл, и она села, на её лице было торжествующее выражение.

— Спасибо, *райделин* Никотан, за такой бесценный подарок. Одного не понимаю, почему ты оставил папочку без присмотра. Это очень опрометчиво с твоей стороны. Как бы то ни было, я не настолько беспечна и своего не упущу.

Неожиданно она насторожилась. Окинув спальню острым взглядом, Эльжбета заметила горничную, притаившуюся у дверки распахнутого шкафа.

— Николь, почему ты здесь? Я не люблю, когда слуги день и ночь болтаются под ногами, — резко сказала она.

Горничная вышла из угла, в котором пряталась и с деланным простодушием воззрилась на недовольную хозяйку.

— Простите, мадемуазель, но я не успела справиться с делами. Пришлось задержаться до утра.

— Плохо. Ты должна была уйти ещё вечером.

Вместо ответа Николь с независимым видом дёрнула плечом. По виду это была довольно молодая женщина со светлыми кудряшками на голове. Внешне она походила на глупенькую овечку и таковой являлась по умственному развитию, но, наученная нелёгкой жизнью, она была изворотливой и наглой, как все выходцы из трущоб. Проработав чуть больше недели на новом месте, недалёкая горничная была уверена, что имеет дело с обычной дамой полусвета. К тому же выяснилось, что хозяйка слишком требовательна и ленивая. Николь пришла к выводу, что за такое место не стоит держаться. Когда что-то приходилось ей не по нраву, она легко меняла хозяев, подсовывая им поддельные рекомендации. За небольшую мзду их рисовал один её ушлый знакомец.

Эльжбета недобро прищурила глаза, и горничная взялась имитировать бурную деятельность. Схватив тряпку, она стала протирать ею туалетный столик. При этом она бесцеремонно вертела в руках ценные вещицы, и нагло приноживалась к дорогим духам. Горничная прекрасно видела, что хозяйка злится, но терзаемая завистью к её красоте и богатству, решила, что раз они одного поля ягоды, то с ней не стоит особо церемониться.

«Шлюха, она и есть шлюха, хоть во дворце, хоть в лачуге», — насмешливо подумала Николь. — Гляди, какая бессовестная девка! Сидит в чём мать родила, и ни капли смущения на физиономии, а уж сколько гонору! И чем гордится? Подумаешь, рожа красивая, а так-то смотреть не на что, одни кости. И что только мужчины в ней находят? А уж стелются так, будто перед ними сама английская королева...»

— Зря шикуете, покупая такое дорогое шмотьё, — с осуждением в голосе проговорила горничная. — Случись чёрный день и вам за него дырявого сантимата не дадут. На вашем месте я бы больше откладывала на чёрный день. Ведь красота не вечна. Или того хуже, вдруг внезапно залетите. Кому тогда вы с животом будете нужны? Придётся ждать, пока не разродитесь, а это всё деньги и немалые. Да что там! Сплошной разор и на докторов, и на младенца. А потом и приюту нужно что-то дать. Так просто младенца никто не возьмёт, а бросать его на улице всё же нельзя, как-то это не по-божески.

Деловито поучая юную хозяйку, горничная не обращала внимания, что та смотрит на неё с таким видом будто видит мерзкое насекомое.

— О, боги, что за невезение! Как же тяжело найти приличную рабыню. Уже третья за месяц, — с нешуточным расстройством проговорила Эльбета. — Выходит, зря я погорячилась с Адой. Ведь она сумела продержаться почти год.

— Я вам не рабыня, а свободная женщина, — возмутилась беспардонная горничная. — Откуда у вас такие крепостнические замашки? Во Франции с 1848 года отменено рабство.

Опасаясь остаться без жалованья перед увольнением, Николь всё же попридержала язычок. Она вооружилась расческой и вопросительно посмотрела на хозяйку.

— Мадемуазель, я могу вам помочь с причёской?

— Приступай, — разрешила Эльжбета и с изяществом опустилась на банкетку, стоящую у огромного зеркала в необычной стеклянной раме, украшенной растительным орнаментом.

— Ах, какой у вас сегодня был красивый молодой человек и такой горячий! — с дерзкой развязностью воскликнула горничная и в немом восхищении закатила глаза. — Zut![1] Даже завидно! Мой Жан больше двух раз за ночь не выдерживает. Ваш новый покровитель, наверное, из евреев? Чересчур он на ангела похож, какими их на картинах рисуют. Эх, жаль, что он не француз! Знаете, мадемуазель, соотечественники как-то больше мне нравятся. Поверьте, с ними гораздо проще договориться. Хоть французы и не так богаты, как нувориши из сионского племени, но они гораздо щедрее в оплате услуг, — с намеком проговорила Николь и, нахально прищурившись, покровительственно добавила: — Не бойтесь, мадемуазель, если вы хотите разом сохранить обоих, то я ничего не скажу тому солидному господину, который бывает у вас по четвергам. Конечно, если вы слегка прибавите жалованье.

Болтая, Николь не забывала о деле, и её пальцы проворно порхали над головой хозяйки, на удивление ловко укладывая чёрные блестящие волосы в красивую причёску.

— Подай пеньюар, — сдержанно произнесла Эльжбета и, одевшись, повернулась к наглой горничной. — Ничтожная тварь! Разве я разрешала тебе говорить? Так почему же ты не держишь свой поганый рот на замке?

В Николь выграло ретивое. Покраснев от злости, она уперла руки в боки и визгливо выкрикнула:

— Оля-ля! Нечего строить из себя принцессу! Не забывай, что на деле ты такая же...

Вдруг горничная схватилась за горло и выпучила глаза. Со стороны это выглядело так, будто она подавилась невысказанным неприличным словом. Время шло, а странный приступ всё не проходил. Николь, раздирая себе горло ногтями, с натужными хрипами покатила по полу, и её обычно бледное личико приобрело синюшный оттенок.

Эльжбета равнодушно наблюдала за её мучениями. Затем она бросила взгляд на продолговатую резную шкатулку, стоящую на консоли у дальней стены, и прекратила пытку.

— Ну, конечно же, ты никому ничего не скажешь. Как не сказала мне, что тебе негде жить, поскольку последний любовник выгнал тебя на улицу, узнав, что ты беременна. А теперь поднимайся и принеси мне критику.

Получив возможность дышать, Николь с ужасом глянула на хозяйку.

— Извините, госпожа, я не хотела вас оскорбить, — просипела она, поднявшись на колени. На большее пока её не хватило.

— Замолчи, *криа*. Критику!

Горничная неловко встала и явно под принуждением двинулась к вычурному столику со

пшкатулкой. Без её участия рука сама по себе подняла крышку и взяла плеть. С вытаращенными от страха глазами она вернулась и протянула её хозяйке.

— Нет!.. Госпожа, не бейте! Я сделаю всё, что прикажете!

Не слушая мольбы горничной, Эльжбета внимательно оглядела необычно толстую ручку плётки и, удовлетворившись осмотром, коротко приказала:

— На колени!

При виде выражения, появившегося на прекрасном лице, горничная пискнула от ужаса и, едва не падая на ходу, бросилась прочь из комнаты. Но Эльжбета оказалась расторопней. Плеть тонко свистнула, и комнату наполнил истошный визг. Удар пришелся по лицу и оставил Николь без глаз. Вскоре бич, в который развернулась короткая до этого плётка, замелькал безостановочно. Сначала он сорвал одежду горничной, а затем раз за разом вырывал кусочки кожи на её вздрагивающем обнажённом теле. Поначалу Николь ещё каталась по полу, пытаясь уклониться от безжалостных ударов. Несмотря на худобу, она была очень живучей, да и к побоям ей было не привыкать, но даже у неё не хватило сил перенести жестокую экзекуцию.

Когда скорчившаяся горничная замерла на полу, Эльжбета пнула недвижимое тело и с сосредоточенным видом осмотрела рисунок на окровавленной спине. Заметив сбой в некоторых линиях, она стала исправлять неудачное место. И тут выяснилось, что Николь ещё жива. Причудливо иссечённый кусок мяса снова забился в предсмертных конвульсиях, издавая при этом ужасные звуки. Эльжбете это вскоре надоело. Она сняла со стены меч с широким чёрным клинком и, скользнув обратно, в один замах снесла голову несчастной горничной. Вытерев лезвие, она потянула за шнур звонка, и возникший буквально из ниоткуда слуга упал на колени.

— Рико, вышвырни пададь из моего дома и не забудь убрать ошмётки, — распорядилась девушка.

Когда она скрылась в другой комнате, бесшумный как призрак, слуга запихал труп в заранее приготовленный мешок и перед тем, как уйти, тщательно затёр кровавые следы. Закончив уборку, он не менее тщательно вытер руки и запихал испачканные кровью тряпки в мешок к убитой. Затем он взвалил его на плечо и вышел через потайной ход, который вёл к глубокому омуту.

Когда Рико вернулся, Эльжбета приказала ему отнести увесистый кошель с золотыми родным убитой ею горничной.

Мрачный мужчина ушёл и мать Николь, не слишком расстроившаяся из-за вести о смерти дочери, вытаращила глаза, когда на убогий дощатый стол высыпалось целое состояние. Заметив алчный взгляд сожителя, она вскрикнула и заслонила собой золото, но пустой кошель у груди, плохая защита от мужчины с ножом.

[1]Zut! (фр. яз.) — Чёрт!

За первой встречей последовали другие. Благодаря настойчивости Михаэля, они становились всё чаще. Он влюбился по уши и старался не замечать, что девушка всё чаще хмурится, когда он без приглашения объявляется на пороге её дома. На эту тему у них состоялось несколько весьма неприятных разговоров. Но это не помогло и тогда однажды двери её особняка оказались закрыты, причём только для него одного.

Смех и весёлые крики, доносящиеся из открытых окон, привели Михаэля в такую ярость, что он в мгновение ока забрался внутрь дома. Ведомый безошибочным чутьём, он направился к Эльжбете, бесцеремонно расталкивая её многочисленных гостей, толпящихся в бальном зале. При виде возлюбленной, вальсирующей в объятиях солидного господина, у него потемнело в глазах. Не слушая возмущённого рокота присутствующих, он встал на их пути. Когда девушка приблизилась, он свернул шею её незадачливому поклоннику и, не обращая внимания на вопящих людишек, в ужасе разбегающихся от него, схватил её за плечи и, встряхнув, яростно прошипел:

— Эльжи, что ты творишь? Как ты посмела?!.. Prostituée!

С трудом высвободившись из его хватки, девушка залепила ему звонкую пощёчину и не менее яростно прошипела:

— Как смеешь ты врываться в *мой* дом без *моего* на то разрешения? Я же сказала: не приходи, сегодня двери для тебя закрыты... О боги! Михаэль, что тебе не ясно?! По-твоему, на что я живу?

Как только до него дошло, что она имеет ввиду, Михаэль с брезгливым выражением отшвырнул её от себя.

— Матка боска! Вот идиот! Я-то думал, что полюбил королеву, а она оказалась банальной шлюхой.

— Убирайся! — коротко без гнева сказала Эльжбета и в том же тоне добавила: — Между нами все кончено. — Поднявшись, она на ходу подхватила накидку и направилась к выходу из опустевшего зала. — Советую тебе тоже не задерживаться. Конечно, если не хочешь возиться с трупами полицейских.

Михаэль не выдержал характера.

— Эльжи, ты куда? — расстроено выкрикнул он и бросился следом за девушкой.

— Не твоё дело! Забудь обо мне, — не повернув головы, резко ответила она.

— Если дело только в деньгах, клянусь, ты их получишь столько, сколько пожелаешь...

В мгновение ока девушка оказалась рядом с ним и, схватив за лацканы сюртука, с яростью прошипела ему в лицо:

— О нет, дорогой! Не надейся купить меня столь дёшево!

— Тогда какого чёрта тебе нужно? — с отчаянием воскликнул Михаэль, пытаясь удержать ускользающую от него возлюбленную. — Стой! Я все равно никуда тебя не отпущу.

— Ну, и куда ты меня приведёшь? — насмешливо спросила Эльжбета и её глаза потемнели. — В нору на вампирской базе? Чтобы я стала одной из любовниц главаря банды? А там, глядишь, надоем, и тыпустишь меня по рукам своих подельников... — при виде выражения, появившегося на его лице, девушка покачала головой. — Прости, дорогой! Конечно, я не права. Просто хочу сказать, что у тебя нет нужных для меня условий.

— Что же ты хочешь от меня, Эльжи? — с тихой яростью спросил Михаэль, и она в свою очередь гневно сверкнула глазами.

— Крейд! И ты ещё спрашиваешь?! Хочешь иметь в постели королеву, значит, стань королём.

Эльжбета уже сворачивала за угол улочки, когда он выкрикнул:

— Я стану королем и что?

После его слов повисла долгая звенящая тишина. Девушка медленно повернулась к нему и в её глазах блеснули слезы.

— Не беспокойся, любимый... — взволнованный голос дрогнул от сдерживаемых чувств. — Я сама найду тебя. Ведь и для меня нет худшего наказания, чем разлука с тобой.

— Эльжи!.. Пожалуйста, не уходи! — взмолился жутко расстроенный Михаэль, но девушка, ничего не ответив, скрылась за поворотом.

Он сокрушённо глянул ей вслед и впал в раздумье. Ведь пообещать это одно, а исполнить — совсем другое. Благоразумие говорило, что люди — более лёгкая добыча, а честолюбие заявляло, что править вампирами гораздо почётней. Но Михаэль недолго колебался. «К чертям человечество! Слишком уж податливый материал», — решил он и, насвистывая привязавшийся мотивчик, направился к ближайшему рынку, чтобы купить пару лошадей, пригодных для длительного путешествия. Ведь в Париж он ехал на перекладных и теперь до того места, где располагалась вампирская база, нужно было на чём-то добраться. Гонимый нетерпением, он намеревался ехать напрямую, без пересадок на почтовых станциях.

Миновав особняки аристократов и кичливые дома нуворишей, разбогатевших на крови тех, кто сложил голову на гильотине французской революции, Михаэль двинулся напрямую и свернул в район бедноты. Тихие улочки уже просыпались. Воздух горчил от дыма растапливаемых печей, а по обледенелой брусчатке, словно кастаньеты, стучали деревянные башмаки домохозяек, спешащих на рынок за продуктами. Кутаясь в тощие накидки, женщины с любопытством поглядывали на красивого молодого человека, который в неурочное для господ время оказался на улице. К этому часу богатые повесы уже возвращались к себе после ночного загула и, завалившись спать, видели первые сны.

Занятый своими исследованиями и благополучием территории, прилегающей к его лаборатории, молодой учёный редко покидал вампирскую базу. Появляясь в крупных столицах мира, Михаэль первым делом спешил в различные научные клубы и институты, чтобы узнать, что нового придумало человечество, особенно в любимой им медицине. Потому он почти не заглядывал в неблагополучные районы. Но ещё по дороге к столице послереволюционных французов ему довелось прочитать нашумевший роман «Парижские тайны» Эжена Сю и теперь он с любопытством поглядывал по сторонам. Увы, его ждало разочарование. Ничего особо криминального он не увидел. Да, жуткая нищета и разруха. Но люди жили обычной жизнью, несмотря на политические потрясения и богатое воображение новомодных писак. Тощие собаки, не поднимаясь, лениво гавкали ему вслед, а люди, когда он кого-нибудь встречал на своём пути, с удивлением косились на него, но никто не лез к нему — ни с ножом, ни с предложением интимных услуг.

Разочарованный Михаэль быстро утешился, глядя на свежие девичьи личики, разрумившиеся от утреннего холода. Сам он не мёрз, благодаря вампирским способностям, хотя оказался на улице в одной лишь рубашке и жилете. Свой сюртук он оставил Эльжете, набросив его девушке на плечи.

Несмотря на поднятый ментальный щит, большинство парижанок, натолкнувшись на снисходительный взгляд красавца, одетого не по погоде, поспешно опускали ресницы и густо краснели (в те пасторальные времена женская скромность ещё не была пустым звуком), и это странным образом согревало душу Михаэлю.

Когда солнце встало и настало утро для буржуа, он остановился у приличной таверны, чтобы что-нибудь перекусить, и заодно купил газету у мальчишки-разносчика. В ней, наряду с новостями, обнаружилась прощальная весточка от его любимой. Все парижские издания пестрели кричащими заголовками. Репортёры криминальных хроник сообщали, что неизвестный маньяк за одну ночь убил восьмерых. От его рук пострадало четверо женщин и четверо мужчин. Хладнокровный убийца не спешил и даже выложил из них замысловатую фигуру. Трупы мужчин он сложил квадратом, внутрь которого поместил убитых женщин. Полицейские особо отметили, что из ценных вещей ничего не пропало. Над местом трагедии царил такая сильная атмосфера ужаса, что даже воришки не рискнули приблизиться и обчистить несчастных.

Узнав, что жертвы маньяка все как один были обескровлены, боязливые обыватели вспомнили байки о вампирах и, как следствие, в лавках зеленщиков возрос спрос на чеснок, а в церквях — на святую воду.

Время летело незаметно. Девятнадцатый век ушёл в историю и на её престол взошёл беспокойный двадцатый век.

Однажды на пороге дешёвого трактира, располагающегося на одной из не очень чистых улочек северной столицы Российской империи, появилась высокая дама — красивая и слишком хорошо одетая для такого места. Она приподняла густую вуаль и холодным взглядом обвела дымное помещение.

Заметив нарядную посетительницу, половой с подобострастной улыбкой поклонился ей, а затем бросился к столику, стоящему в уединённом месте. Тот был занят, и он стал настойчиво уговаривать сидящих за ним мужчин пересесть. Но приказчики, пришедшие из ближайшей лавочки, не соглашались покинуть облюбованное местечко. Бурно жестикулируя и не всегда в приличных выражениях, они заявили, что будут здесь сидеть, сколько им заблагорассудится. Если приспичит, то хоть до самого богоявления, и никакие капризные дамочки им не указ.

Пока торговое сословие увлечённо препиралось с половым, посетительница, провожаемая недоумёнными взглядами завсегдатаев, летящим шагом проскользнула между столами. Как только она появилась рядом с ними, спорщики сразу же смущённо примолкли и поднялись, уступая ей место. У незнакомки были повадки леди из высшего света и от всей её изящной фигуры так и веяло высокомерным холодом.

Поворачивая кончиками пальцев принесённый стакан с водой, дама скучающе смотрела в окно и при этом не замечала, что от невероятной скорости вращения жидкость сильно взвихрилась. Ожидание продлилось недолго, и вскоре рядом с её столиком появилась невзрачная женщина в простеньком коричневом платье и соломенной шляпке. Получив разрешение сесть, она опустилась на краешек стула и боязливо улыбнулась, а затем, подавшись вперёд, заговорила совсем тихим голосом. К концу своей речи она окончательно перешла на шепот.

Дама, не перебивая, внимательно выслушала информатора и лишь затем задала ей несколько кратких вопросов. Видимо, удовлетворившись ответами, она повелительным

взмахом руки, затянутой в перчатку, отпустила женщину и та, униженно кланяясь, попятилась прочь от стола.

— Вот и пришла пора нам встретиться, мой дорогой, — проговорила незнакомка и на её прекрасном лице появилась гримаса торжества.

Очнувшись от глубокой задумчивости, она насмешливо покосилась в сторону полупьяного парня, не спускающего с неё восторженных глаз. «Гляди-ка, великовозрастный менталист. Нужно пожурить Михаэля за плохую работу его патрулей по отлову фениксов. Хотя здесь такая глушь».

Легко поднявшись с места, дама направилась к выходу. Когда она исчезла за дверью, восхищённый воздыхатель вскочил на ноги. Неотрывно глядя вслед прекрасной незнакомке, он стал нараспев выкрикивать рифмованные строчки:

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.
И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И веют древними поверьями
Её упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.
И странной близостью закованный,
Смотрю за тёмную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.
Глухие тайны мне поручены,
Мне чьё-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.
И перья страуса склонённые
В моём качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

Замолчав на полуслове, он рухнул на стул и, положив голову на стол, громко зарыдал. Завсегдатаи трактира засмеялись, показывая на него пальцами. Незадачливый рифмоплёт поднял голову и с яростью глядя на довольные красные рожи простолюдинов, плавающих в сизом дыму, громко во всеуслышание выкрикнул:

— Твари безмозглые! Да что б вы понимали в тонкой душе поэта! Только что олицетворённая мечта прошла мимо вас, а вы всё также тупо жрёте и пьёте. Скоты, одним словом, — он обречённо махнул рукой и снова уронил буйную красивую голову на изгвазданный стол.

И невдомек чудаку, что его глазам предстала не мечта, а экзотическая красавица-

гадюка, обряженная его фантазией в туманные голубые крылья. А настоящая Прекрасная Дама в городе Великого Петра появится ещё не скоро. Белыми ночами она будет неспешно гулять вдоль берегов Невы и, стоя на высоком ажурном мосту, будет заворожено всматриваться в холодные тёмные воды.

О нет! Прекрасная Дама не склонна к суициду — просто её завораживает изменчивая прелесть свинцовой воды и скупая палитра восходящего северного солнца. Отражения древних зданий, хранящих страсти прошедших веков, кажутся ей сказочно прекрасными и в то же время преисполненными злоеющей загадочности. От этого у неё бегут мурашки по спине, но она готова вечно любоваться прекрасным городом, опрокинутым в текущие тёмные воды...

Бледное личико осветила счастливая улыбка. «Железны. Утонувшее сердце сказочного мира, Тир-на-Ног. Жаль, что по нему нельзя прогуляться, если ты не русалка. Хотя, глядя на то, что извлекается со дна реки, бедняжке не позавидуешь». А затем радость растаяла, уступив место привычной печали. И всё же в тёмных глазах было нечто, говорящее об упрямстве и недюжинной силе характера.

И невдомек мечтательной чудачке, что и для неё однажды вспыхнут на горизонте Алые Паруса. Но зачем же ждать? Тебе что-то нужно? Тогда не полагайся на каприз изменчивой фортуны. И не нужно отчаиваться. Если не получится с первого раза, соберём осыпавшиеся перья и снова к солнцу. Никуда оно от нас не денется!

Мягко отворилась дверь, и недовольный Михаэль обернулся. Прекрасная девушка в длинном синем платье необычного фасона замерла, не сводя с него тревожных глаз.

— Кажется, я опоздала, — тихо сказала она, глядя на молчащего короля вампиров, она развернулась к выходу. — Прости, что нарушила твой покой. Это в последний раз.

Мгновенно оказавшись у двери, Михаэль обнял девушку и уткнулся в её волосы, с наслаждением вдыхая знакомую и такую родную смесь их запаха и духов.

— Эльжи! Как ты смела? Ведь я просил, не пропадать надолго. Родная, где ты скрывалась все эти годы? Я уж и не чаял тебя найти!

Сияя счастьем, девушка полезла в ридикюль и вынула пачку бумаг.

— Крейд! Я работала как проклятая, чтобы вернуться не с пустыми руками. Посмотри, это акции самых перспективных предприятий и банков. С ними ты можешь купить ещё не одно правительство в мире людей и тем укрепить своё влияние.

— К чёрту деньги! Их у меня и так более чем достаточно. А вот ты — совсем другое дело, таких больше в мире нет.

— Ты прав, — пробормотала девушка и, улыбнувшись, добавила: — Уникальность редкостей заключается в том, что они существуют только в единственном экземпляре.

Безмерно счастливый Михаэль только со временем осознал смертельно-горький подтекст двусмысленной фразы.

Вернувшись, Эльжбета сразу же объявила себя его женой, хотя у вампиров в то время ещё не существовало узаконенного института брака. Но она быстро исправила это досадное упущение их нарождающейся бюрократии. Она ни на шаг не отпускала мужа и была с ним не только дома, но и в делах государства. Всё чаще давая ценные советы по управлению, она всегда держалась в его тени, несмотря на предложение официально занять пост одного из первых советников. Михаэль быстро понял, что его красавица-королева отличается острым умом и умением взглянуть на проблему под неожиданным ракурсом, дающим возможность

принять оптимальное решение. Недюжинный ум Эльжбеты вызывал у него восхищение, граничащее с преклонением.

Долгие годы жена оставалась его верной спутницей и союзницей во всех делах. Их взгляды настолько совпадали, что порой Михаэлю казалось, что она читает его мысли, хотя он считал такое невозможным. Как учёный-генетик, он доподлинно знал, что у любящих людей в спокойной обстановке почти не работает телепатический обмен мыслями, ограничиваясь эмоциональным фоном.

Беззаветно любя, Михаэль ни на миг не сомневался в ответном чувстве. Вот потому шок от осознания, что дело обстоит не совсем так, оказался столь силён. Хотя первые звончки неблагополучия в их семейной идиллии зазвучали уже накануне восстания, с началом первых размолвок. Эльжете активно не нравилось, что муж стремится заниматься преобразованиями только внутри вампирской расы. При всяком удобном случае она твердила, что задуманное им замечательно, но внутренние дела могут подождать до того момента, когда они захватят власть во внешнем мире и, покорив человечество, выйдут на оперативный простор.

Удивляясь внезапной настойчивости жены, Михаэль никак не мог её убедить, насколько опрометчив такой шаг и что он чреват неожиданными последствиями. К его удивлению, у Эльжбеты оказалось очень много сторонников в Совете старейшин, хотя он всячески пытался доказать, что исход войны с человечеством неясен и вполне может закончиться полным истреблением расы вампиров, в силу их малочисленности.

«Поймите, мир людей тоже движется семимильными шагами по пути прогресса, и завоевать его будет нелегко, ещё проблематичней впоследствии удержать человечество в узде. Если только не перебить две трети населения земного шара и загнать оставшихся во времена средневековья», — восклицал он в полемическом пылу, пытаясь убедить оппонентов в правильности своей точки зрения. Жена никогда не вмешивалась в его споры на людях, но дома едко высмеивала за чрезмерную осторожность, и тем подспудно укоряла его в трусости. Вот тогда впервые между ними пролегла полоса отчуждения. Выведенный из себя, однажды он спросил, за каким чёртом ей нужна власть над человечеством и Эльжбета, удивлённо посмотрев, спокойно ответила, что рабы всегда пригодятся в хозяйстве. Правда, заметив его реакцию, она улыбнулась и свела всё к шутке.

Палевский нахмурился. Воспоминания об Эльжете даже сейчас отзывались болью в его сердце, пусть уже не такой острой, но болью. Раньше он старался их избегать, но сейчас ему была нужна вся информация о Старейшем и, решившись, он вновь мысленно перенёсся к разгару трагических событий.

... Вот он стоит в своей лаборатории и страшно злится, что восстание начали, не поставив его в известность. Михаэль пытается разобраться в обстановке, он зондирует ментальную сферу над базой, но все настолько хаотично меняется, что ему никак не составить чёткой картины...

— Михаэль! Помоги! Без тебя не замкнуть защитный купол над базой!.. Поспеши, пока не поздно, иначе он падёт под ударами Старейшего! — прорвались сквозь хаос ноосферы отчаянные голоса друзей.

И тут же перебивая их, в его голове раздался властный телепатический призыв. Голос жены звучит совершенно спокойно и буднично:

— Брось их, Михаэль! Ты ничем уже не сможешь этим неудачникам. Поверь, вдвоём мы наверняка справимся со Старейшим, поставим специальный барьер иотрежем его от ноосферы. Лишившись её подпитки, Никотан не сможет подавить нас ментально. Быстрее, милый, поторопись! Не думай о других, они — прах под ногами. Ещё немного и этот мир будет наш.

Заколебавшись, Михаэль подспудно удивился словам Эльжбеты. Он не понимал, как они вдвоем смогут заблокировать Старейшего, но затем, гонимый внезапной тревогой, он помчался к ней на пределе своих возможностей. Ворвавшись в зал операторской, он с изумлением посмотрел на жену, стоящую в окружении большой группы молодых вампиров. Они не сводили с неё преданных глаз, и это зрелище оставило в его душе неприятный осадок.

«Когда же Эльжбета в обход меня настолько успела приручить молодняк?» — с удивлением подумал он.

Но на этом неприятные открытия не закончились. Михаэль вдруг ощутил, что от неё идет невероятно сильный ментальный сигнал и его мощь вызвала у него дополнительный шок. Ведь жена никогда не говорила ему, что у неё такой сильный дар, скорее наоборот, она старалась создать у него впечатление, что не очень сильна ментально. Пока он возмущённо смотрел на неё, пытаясь переосмыслить реалии, — всегда невероятно раздражает открытие, что любимый человек что-то скрывал от тебя на протяжении многих лет, — Эльжбета объединилась со своей группой и, набрав дополнительную мощь, нанесла сумасшедший удар по ноосфере Земли.

Перед глазами присутствующих полыхнула ослепительная вспышка. Полуразумная ноосфера Земли неслышно завопила от боли, неся людям волны своей неосознанной ярости.

«Идиотка!» — оценил Михаэль действия жены, и еле успел выставить ментальный щит. А вот молодые вампиры в группе не успели или не сообразили сделать то же самое и, хватанув максимальную дозу ответного удара ноосферы, попадали замертво. На ногах остались только он и Эльжбета. Напряжённо застыв, они издали мерились оценивающими взглядами, и что-то никто из них не спешил навстречу друг другу.

«Господи, что же такое творится! Неужели любимая женщина видит во мне врага?»

С его точки зрения сложившаяся ситуация была настолько чудовищной, что Михаэль отказывался верить фактам и интуиции. «Может, Эльжи слегка сбрендила и не отдаёт отчёта в своих действиях? — с внезапно вспыхнувшей надеждой подумал он, и, вопреки здравому смыслу, пошёл навстречу жене. Но что-то в её облике остановило его на полпути — в синих глазах полыхало выражение мрачного триумфа, а божественно-прекрасный лик уродовало ранее невиданное им выражение жестокости.

Внезапно Михаэль понял, что его королева концентрируется для смертельного удара — для удара по нему. Он в этом не сомневался, но вместо того, чтобы бороться, обречённо поник. Отравленный предательством той, что была ему дороже жизни, он не хотел больше жить.

И тут в зале появилось новое действующее лицо, которое разом изменило расстановку сил. Забыв обо всём, Михаэль с растущим ужасом видел, как почти невидимый гибкий силуэт с невероятной скоростью скользит к Эльжете, а затем тёмная высокая фигура, материализовавшаяся рядом с ней, одним неуловимым движением сворачивает ей шею и исчезает.

Не веря своим глазам, Михаэль смотрел на жену, которая, как в замедленном кадре,

медленно оседала на пол. Когда до него дошло, что она мертва, из его груди вырвался крик — исполненный дикой ярости и боли он эхом заметался под высокими сводами помещения.

Он бросился к Эльжбете, лежащей в позе сломанной куклы, и, прижав её к себе, задохнулся от горя. Предательство жены больше не имело для него значения: он любил её и был готов простить ей всё, что угодно, даже покушение на его жизнь. На какое-то мгновение он потерял контроль над ментальным щитом, и по-прежнему бушующая ноосфера не упустила своего шанса. Перед его глазами вскипело ослепительное пламя, и он провалился в колодезь беспамятства...

Достав сигареты, Палевский нервно затянулся, пытаясь хоть как-то пригасить остроту воспоминаний, но они были ярки, будто произошли только вчера. Чтобы вырваться из их безжалостного плена, он взялся за взлом блокировки, которая скрывала в его памяти, как выглядит Старейший, и на этот раз ему это удалось.

ГЛАВА 17. Бои в небесах. Сатана, как всегда, повержен, а провинившемуся Архангелу грозят пальцем, мол, нечего идти у блудниц на поводу

Стоило Михаэлю очнуться и горе навалилось на него с новой силой. Будто кадры киноплёнки перед его внутренним взором прокручивались картины, которые, как опытный палач, терзали его сердце.

Вот Эльжи смеётся и, распахнув объятия, летит ему навстречу. В её взоре светятся любовь и нежность... Ошибки нет, она его любила, Михаэль готов поклясться в этом даже сейчас.

И вот финал. Неподвижность и неудобство позы, столь несвойственные его королеве с её летящей грацией движений. На лице выражение гордого спокойствия, а взгляд навечно устремлён в вечность. Больше нет той, для которой он жил и для которой создавал новый мир. И уже ничего нельзя исправить. Больше она его не обнимет и не улыбнётся...

«Пусть бы ненавидела, только была бы жива!» Михаэль всхлипнул и из-под его сомкнутых век заструились слёзы — реквием по ещё не ушедшей любви. Умом он понимал, что жена предала его, но сердце не хотело этому верить[1].

«Да мало ли что случилось! Может, из-за перенапряжения с менталом у Эльжи замкнуло в мозгах, вот она и несла всякую чушь, — уговаривал он себя, при этом прекрасно понимая, что все его оправдания притянуты за уши. К тому же аналитический ум учёного, лишённый какой-либо сентиментальности, всячески сопротивлялся лжи, говоря, что это постыдная слабость, и изыскивал всё новые доказательства её предательства. «Вот зачем ты это делаешь? — наконец спросил он себя и, горько усмехнувшись, ответил: — Да потому что иначе нельзя. С такой болью в сердце не живут».

— Ты ошибаешься, живут, — прервал его внутренний монолог мужской голос.

Михаэль открыл глаза. Рядом с его кроватью сидел молодой человек в белом комбинезоне. Несмотря на мимолётность случившегося на базе, он узнал его и, охваченный слепящей яростью, ударил по нему из ментала. Возможно, сказались последствия удара ноосферы или она сама слишком ослабла, но месть не удалась. Убийца его жены не повёл даже ухом.

— Как самочувствие? — спокойно спросил он и Михаэль неожиданно для себя почувствовал себя неловко.

Что-то такое было в молодом человеке, который с беспокойством смотрел на него, что на корню гасило его ярость.

— Где я? — резко спросил он.

— В Риоголизе. Почему-то вы зовёте его Старой базой, — ответил молодой человек.

Гибким движением он поднялся из кресла и подошел к незнакомым приборам. Считав их показания, он повернулся к нему и усмехнулся.

— Итак, не считая закономерной слабости после удара ноосферы, вы, пан Михаэль, совершенно здоровы.

Молодой человек снова сел в кресло и на его волевом лице не осталось и намёка на бывшее сочувствие. Зато там с избытком было непреклонной воли и жестокости. С таким же выражением на Михаэля смотрела Эльжбета, перед тем как умереть.

— Ну, что прикажешь с тобой делать? Ведь ты числишься официальным руководителем

вашего дурацкого восстания. По справедливости, тебе тоже не мешало бы открутить голову.

В том, что перед ним Старейший Михаэль не сомневался. Его поразило другое — настолько тот молод.

Это же обстоятельство удивило Палевского из будущего. Благодаря своему врачебному опыту, он был стопроцентно уверен, что перед ним действительно совсем молодой человек, а не маска бесконечно древнего существа. «Очень интересно. Может быть, какая-нибудь мутация? Хорошо бы его исследовать. Возможно, мы продвинулись бы к новым горизонтам в генетике...» Чувствуя, как оживает надежда, заинтересованный Палевский поспешно закрыл глаза и сосредоточился, стараясь снова вызвать ранее заблокированные воспоминания. Хоть и не сразу, но ему это удалось.

Старейший устало сгорбился в кресле и сразу показался значительно старше.

— Что за чушь! Думаешь, у тебя будет время на исследования? — отозвался он на мысли Михаэля из прошлого и будущего, и на его смуглом лице появилось выражение горечи. — Крейд! Я снова угодил в ту же ловушку, что и раньше. Сколько ни бросай кости судьбы, результат всё время один и тот же.

Наблюдая за опасным собеседником, Михаэль вопросительно приподнял бровь. Он не понимал, о чем идёт речь и почему он злится, но его не оставляло странное чувство сопричастности к нему и его проблемам.

— Скажи, почему из раза в раз ты предаёшь меня ради этой суки? — холодно спросил юноша и, угрюмо глянув, тихо добавил: — Может, стоит забыть о доме, и чтобы не тревожить больше душу решить проблему раз и навсегда.

Несмотря на подавленное состояние, Михаэль насторожился. От последней фразы Старейшего, обращённой к самому себе, веяло тоской и смертельным холодом.

Он правильно расценил его взгляд и насмешливо прищурился.

— Да, да! Мою голову посетила мысль, а не уничтожить ли мне заодно с тобой всех вампиров до единого. Что скажешь?

— Вряд ли это разумно, — ответил Михаэль и, подбирая слова, осторожно добавил: — Разрушить легко, а вот заново создать будет уже не просто. Не стоит забывать, что на планете мы не одни и это не средние века. Коммуникационные возможности человечества растут и скрыть что-либо от посторонних глаз с каждым годом будет всё труднее и труднее.

Старейший презрительно фыркнул.

— Кто сказал, что я буду заново восстанавливать популяцию? Как показал опыт, от вас одна головная боль. Жил я раньше среди людей и дальше буду жить. С ними куда проще, чем с вами. К тому же из них получают отличные *криа*.

— Ну да, с рабами всегда проще, чем со свободными людьми! — рассердился Михаэль, даже не задумавшись, откуда он знает, кто такие *криа*. Впрочем, он слышал это слово от Эльжбеты и догадаться, что именно оно означает, было не сложно.

— Вот именно! — подтвердил Старейший. — Устал я с вами. Столько возни, а зачем? — сладко потянувшись, он зевнул и откинулся на спинку кресла. — Благодарности я вряд ли дождусь, а вот воткнуть нож в спину это вы всегда пожалуйста. Взять, хотя бы тебя...

Глаза Старейшего яростно сверкнули. В следующее мгновение он оказался на ногах и склонился над Михаэлем.

— Скажи, *ае Рай-ин-Рай вэйт Ганье райтан Таятан Реази Вистанио*, тебе-то чего не

хватало? Разве я когда-нибудь мешал тебе, указывая, что делать? Хочешь заниматься наукой, пожалуйста! Стоило тебе пожелать, и я оборудовал для тебя лучшую в мире лабораторию. Хочешь поиграться во власть, тоже не проблема. Вот тебе склад с оружием и верные союзники. Так какого крейда ты связался с Ризой? Неужели ты настолько ослеп от любви, что готов был, как кобель за сучкой, слепо следовать за ней? Я тебя спрашиваю! Отвечай!

Что им в тот момент двигало, Михаэль не знал, но факт, что он сел в кровати и, не задумываясь о последствиях, влепил такую пощёчину легендарному создателю расы вампиров, что тот отлетел к креслу.

— Прекрати орать на меня! Я тебе не ребёнок! — рявкнул он при этом.

Самое удивительное, что Старейший после этого вроде как перестал злиться. Во всяком случае, когда он снова сел в кресло, выражение его лица было спокойным и... печальным.

— Вот и поговорили, — тихо сказал и, глянув на него, криво усмехнулся. — А ты нисколько не изменился. По-прежнему пользуешься силой, когда нет других аргументов.

— Прости! — пробормотал Михаэль. — Это вышло случайно.

Он ничего не понимал, но отчего-то у него было такое чувство, будто они поменялись ролями. И поскольку сидящий напротив него мальчишка всерьёз склонялся к мысли уничтожить его сородичей, то он не замедлил воспользоваться своим преимуществом.

— Не стоит губить результаты своих трудов. Как я уже сказал, уничтожить легко, а вот восстановить всё заново, думаю, будет уже невозможно. Во-первых, недостаточно исходного материала. Патрули докладывают, что подходящих нам менталистов среди людей всё меньше и меньше. К тому же детей теперь ценят куда больше и их пропажа, как правило, вызывает немалый переполох. Поэтому советую хорошо подумать, прежде чем переходить к крайним мерам.

Старейший исподлобья посмотрел на него.

— Думаешь, я впоследствии пожалею?

У Михаэля отлегло на сердце.

— Это не мне решать, — сдержанно ответил он. — Лично я не хотел бы оказаться один среди людей. Роль Тарзана не для меня.

Чтобы заполнить повисшую было паузу в разговоре, он решил ковать железо, пока горячо. Сейчас главным для него было спасти сородичей.

— Со мной ты... — Михаэль запнулся, но почему-то у него не повернулся язык назвать Старейшего на «вы». — В общем, со мной можешь делать всё что угодно, я не снимаю с себя ответственности. Но не думаю, что стоит уничтожать расу вампиров, в создание которой вложено столько труда.

Видя, что Старейший молчит, он перешёл в наступление.

— В конце концов, а чего ты ожидал, колотя из ментала по живым людям? Воплей счастья? Разве ты не заметил, что вампирское сообщество это уже далеко не те крестьяне, что были столетие назад? Не заметил, что на сегодняшний день это общество умных и просвещённых людей, которые вдобавок почувствовали себя единым народом. И вдруг приходишь ты и низводишь нас до состояния тупой скотины на бойне...

Вопреки ожиданиям, Старейший не разозлился и внимательно слушал. «Слава богу! Кажется, удалось достучаться! — обрадовался Михаэль. Почувствовав почву под ногами, он решил закрепить успех.

— Почему и на этот раз ты пошёл силовым методом при чистке генома? Действуя более гибкими методами, ты не вызывал бы всеобщего возмущения. В общем, можешь сколько

удобно злиться, но с этой поры больше никаких генетических чисток. С собственными недостатками мы способны справиться без твоего участия, — безапелляционно заявил он.

— Ну, знаешь! Не тебе диктовать мне условия! — рассердился Старейший.

— Я и не диктую, а рассуждаю с позиций здравого смысла и собственного опыта, а ты поступай как знаешь.

Посчитав, что сделал всё, что от него зависело, чтобы спасти свой народ, Михаэль вновь погрузился в состояние безразличия.

— Кем она была для тебя? — спросил Старейший спустя некоторое время и что-то такое было в его голосе, что он счёл нужным ответить.

— Всем. Домом, семьёй, любимой.

— Понятно, — Старейший поморщился. — И всё же, что мне делать с тобой?

— Убей и все дела, — посоветовал Михаэль.

Ему и в самом деле было безразлично будет он жить или нет. Видимо, Старейший это понял и в его холодном взгляде промелькнуло нечто, не поддающееся расшифровке.

— Хочешь легко отделаться? Не выйдет! — сказал он и непреклонно добавил: — Как те болваны, что пытались сбежать от меня в прошлый раз, ты заплатишь по максимальной ставке.

— Ты уже отобрал у меня всё, что было, осталась только жизнь, — ответил Михаэль и, преодолевая навалившуюся усталость, выпрямился и прислонился затылком к изголовью кровати.

— Ну так я подожду, когда ты обзаведёшься новыми сердечными привязанностями, — порадовал его Старейший.

В этой жажде неприменной мести было столько юношеского максимализма, знакомого ему по юному Томасу, что Михаэль не показал виду, но внутренне улыбнулся.

— Этому не бывать, — ответил он, взяв на вооружение тот же тон, каким когда-то разговаривал с воспитанником. — Так что можешь не ждать и приводить приговор в исполнение.

Естественно, Старейшему пришёлся не по вкусу его покровительственный тон. Он фыркнул и смерил его сердитым взглядом.

— Спорим, что ты не прав?

— Зачем? Я знаю, что ни одна женщина не заменит мне Эльжбету, — Михаэль взглянул на своего непростого собеседника и собрался с духом. — Так её зовут Риза?.. Кто она для тебя? — спросил он.

— Не скажу! — сердито буркнул Старейший.

Некоторое время он вертел кольцо на пальце, а затем смерил его недовольным взглядом.

— Так и быть, живите. Я даже пойду тебе навстречу. В общем-то, вы меня уже настолько достали, что я и сам уже решил больше ни во что не вмешиваться. Но не думай, что ты легко отделаешься, к тебе у меня отдельный счет, — на лице Старейшего промелькнуло нечто, не поддающееся расшифровке. — Обвинения с тебя я не снимаю, но дам ещё один, последний шанс. Благодаря тому, что ты... — он быстро взглянул на Михаэля. — В общем, смертный приговор откладывается на неопределённый срок. Не помни, как только я приду к выводу, что ты снова предал меня, то сотру в порошок, да так, что мало тебе не покажется. Начну, как водится у нас, эреев, не с тебя, а с близких тебе людей, чтобы ты в полной мере прочувствовал, что такое отчаяние. Понял?

Борясь со сном, Михаэль согласно кивнул.

— Договорились, — он закрыл было глаза, но вновь разлепил неподъёмные веки. — Это кольцо с лотосом у тебя на мизинце... откуда оно у тебя?

— А что? — не сразу отозвался Старейший. — Не может быть! Погоди не засыпай! Скажи, неужели ты что-то помнишь?

Он настойчиво тряс его за плечо, и Михаэль с трудом сфокусировал взгляд на его лице. Оно было так близко, что он увидел, что глаза у Старейшего на самом деле не чёрные, а тёмно-зелёные и в них переливаются крошечные золотые искорки.

— Такое ощущение, что я его где-то видел, — пробормотал Михаэль и провалился в сон без сновидений.

На следующий день он чувствовал себя значительно лучше, и Старейший провёл его в светлую уютную столовую.

Стараясь сдержать любопытство при виде необычной обстановки, он завёл разговор о реорганизации вампирского сообщества. Собеседник не шёл на контакт и отвечал ему крайне неохотно, но он был настойчив.

В результате Старейший подтвердил, что больше не будет вмешиваться в жизнь вампирского сообщества. Взамен он потребовал, чтобы они в обязательном порядке доработали вампирский геном и добились нормального размножения, без участия фениксов.

Когда Михаэль высказал опасение, что у них может это не получиться, во всяком случае, в ближайшем будущем, Старейший поднял на него глаза и холодно заявил, что его не интересуют, как они это сделают, но он клянётся уничтожить вампиров, как только поймёт, что они зашли в тупик и созданная им ублюдочная раса не сможет размножаться самостоятельно. После чего он высокомерно глянул на него и сказал, что это не такая уж недостижимая задача и он точно знает, что зачатие возможно.

Михаэль попытался уговорить его помочь им в этом вопросе, но, как и следовало ожидать, последовал категорический отказ.

Перестав есть, Старейший поднял голову и насмешливо глянул на него. «А как же твоя просьба, чтобы я не вмешивался в ваши дела? — он взял стакан и, допив апельсиновый сок, добавил: — К тому же я не из тех, кто нарушает данное слово. Но геном доработай — это моё последнее требование. Я не люблю понапрасну тратить время», — пояснил он.

Спорить не имело смысла, и Михаэль снова взялся за столовые приборы. Свою неудачу он объяснил тем, что, обманываясь внешностью собеседника, периодически забывал, с кем имеет дело и слишком давил на него.

После завтрака, естественно с разрешения хозяина, он побродил по медицинскому комплексу. Увиденное настолько его впечатлило, что он сумел-таки упросить Старейшего помочь им с техникой. К удивлению Михаэля, оказалось, что его куда больше привлекает инженерная работа, чем медицина, и что основную массу устройств он придумал сам, не говоря уж о приборах для генетических исследований.

«Вот, значит, как!» Палевский открыл глаза и невидящим взглядом уставился в темноту за стеклом автомобиля. Затем он выправил рулевую колонку и плавно нажал на газ. Прошлое по-прежнему не хотело его отпускать, но на этот раз это были просто воспоминания, без полного погружения в мысли и чувства полувековой давности.

По возвращении от Старейшего, Михаэль первым делом спросил, где тело Эльжбеты.

Но, странное дело, помещение, где она умерла, оказалось взорванным. Спустя месяц, когда раскопали гигантский завал, среди погибших не оказалось её тела. Намучившись неопределённостью, он пришёл в ярость, и чтобы раз и навсегда уйти от прошлого, отсёк не только мешающие воспоминания, но и сменил имя и фамилию. Отныне он стал Михаилом Палевским.

После неудавшегося восстания он повёл себя как диктатор в управлении своим маленьким вампирским государством. Игры в демократию закончились. Он лишь номинально считался с Советом старейшин, который с той поры плясал под его дудку. Такая жёсткая политика не замедлила принести плоды. Никем не сдерживаемый, он внедрил в жизнь массу успешных проектов. Единственно, в чём он не преуспел, это в задаче, которую поставил ему Старейший. Сколько ни бились сам Палевский и его сподвижники, дети, рождавшиеся в результате экспериментов, были нежизнеспособными. Так что размножение по-прежнему шло за счёт фениксов, которых вампирские патрули извлекали из человеческой популяции.

Небольшая колония вампиров, выйдя на поверхность, основательно выросла и превратилась более чем в грозную силу. Это была раса воинов, прекрасно подготовленных и вооружённых до зубов. Благодаря Старейшему, по технологиям вампиры намного опережали человечество. Но самое главное это были их уникальные способности. Телепатам ничего не стоило подчинить себе любого политического деятеля любой страны. Единственное, что пока спасало человечество от их экспансии — это относительно малое количество и трезвый взгляд на вещи короля вампиров.

После смерти Эльжбеты Палевский во главу угла поставил работу и сутками пропадал то в штабе Объединённых кланов, то в генетической лаборатории. Он бился над проблемой с рождаемостью. Вампирские симбионты настолько исказили геном зародыша, что плод не выживал. Но наука не стояла на месте, и он чувствовал, что прорыв уже наметился, решение лежало где-то рядом, нужно было только не сдаваться и продолжать упорно искать.

На пределе своих возможностей он работал не из-за угрозы Старейшего, а потому что сам считал, что без нормального деторождения у его народа нет будущего. Зато он помнил другую его угрозу и не шёл на сближение ни с кем. У него не было близких друзей, кроме Штейна и его вампирских родителей, а затем Ганс и Ирма погибли в авиакатастрофе. Он отказался даже от кошек, хотя ему нравились эти грациозные животные. Тем более он не подпускал к себе женщин — одни лишь ни к чему не обязывающие связи. Конечно, были те, что любили его и любили сильно, но их чувства были ему безразличны и никак не задевали его. Слишком уж большой кусок сердца вырвала ему умершая жена, чтобы кто-то мог заполнить зияющую там пустоту.

Шёл год за годом и однажды Палевский понял, что его жизнь превратилась в череду безрадостных серых будней. Каждый новый день до отвращения походил на предыдущий. Дом и работа. Работа и дом, где никто его не ждал.

«Не иначе сердце взбунтовалось, считая, что ему ещё рано умирать», — усмехнулся Палевский и потянулся за сигаретами. После экскурсии в прошлое он чувствовал себя значительно спокойней. Отчего-то ему не верилось, что Старейший решил дать знать о себе из-за того, что хочет за что-то ему отомстить. «Скорей уж он просто устал от одиночества, как я в своё время, — подумал он с осторожным оптимизмом и, прикурив, опустил стекло в машине. Река воспоминаний вошла в спокойное русло и теперь доставляла

королю вампиров одно лишь удовольствие.

Примечательный денёк, который перевернул его жизнь, начался как обычно. Звон будильника, ванна, завтрак, гардеробная, гараж и знакомая до тошноты дорога к генной лаборатории. Механически передвигая ноги, Палевский угрюмо размышлял о своём беспросветном настоящем и неопределённом будущем. «Пропади всё пропадом! Не жизнь, а сплошная каторга!» — беспричинно злился он. В довершение ко всему ему вспомнилась Эльжбета, что лишь подогрело его раздражение. «Что толку горевать о том, что было? Мёртвых не вернёшь. К тому же пятьдесят с лишним лет более чем достаточно для траура. Какого чёрта я продолжаю мучить себя воспоминаниями о той, что предала меня?»

Палевский приложил руку к сенсорному замку и, ещё не войдя внутрь, сразу понял, что в лаборатории что-то не так. Сработали датчики движения и в ярком свете потолочных панелей он увидел женщину. Она лежала неподвижно, свернувшись в позу эмбриона. Подойдя, он присел на корточки и взял её за руку. Женщина была жива, но находилась в бессознательном состоянии. Даже издали он увидел, что она сильно истощена, хотя свободный комбинезон скрадывал очертания её фигуры. Вблизи открылось и кое-что другое, на видимых участках тела остались плохо зажившие рубцы от многочисленных ран.

Взяв женщину за плечо, Палевский перевернул её на спину и замер — это была Эльжбета. Во всяком случае, так ему показалось сначала. Это уже потом он понял, что ошибся. И всё же они были очень похожи и лицом, и фигурой. Правда, незнакомка была моложе его умершей жены. Несмотря на тусклые волосы и общее плохое состояние, на вид ей было не больше двадцати.

Палевский нахмурился. «Кто она такая и, главное, как она сюда попала? Нужно будет поручить Томасу разобраться с этим. Он теперь новый глава СБ ему и карты в руки».

На всякий случай он провёл ментальное сканирование и внешний осмотр девушки. Они показали, что это феникс в стадии инициации. Порядкового номера не было, что говорило о том, что инициация проведена тайком.

«Так! — стиснул зубы Палевский. — Заодно нужно будет поручить Томасу найти ту сволочь, что это сделала и примерно наказать, чтобы другим было не повадно. Ведь даже последнему идиоту ясно, что феникс её возраста не выживет после инициации». Он отвёл волосы с лица незнакомки. «Ну, что будем делать, милая? Прекратить твои мучения или ещё подождём, в надежде на чудо...»

Пока он медлил, не решаясь отобрать жизнь у девчонки, которая вполне могла быть их с Эльжбетой дочерью, в лаборатории появилась посетительница. Это была Рени Иванова, служащая из бюро экономических прогнозов при госаппарате. «Сэр, извините, что беспокою, но финансовый отдел срочно требует документы, и без вашей подписи никак...»

И хотя Палевский терпеть не мог, когда его отвлекали от работы в лаборатории, Рени была исключением. Правда, в последнее время ему уже казалось, что его попустительство привело к тому, что он натывается на неё везде и повсюду — разве что за исключением туалета. Но факт оставался фактом, в отличие от других настойчивых преследовательниц девушка несколько его не раздражала, скорей наоборот, он был рад её видеть.

«Давайте, что там у вас, — он взял у Рени служебный планшет и быстро просмотрел документы, после чего завизировал то, что посчитал нужным. — Передайте Левандовскому, пусть не спешит с обчётом аэродрома в N, возможно проект будет доработан». Рени серьёзно кивнула: «Хорошо, сэр! Я обязательно передам». Она, вообще, была очень

серьёзной девушкой и кокетства за ней не водилось. Именно этим она и нравилась Палевскому. Конечно, внешне она тоже ему нравилась, хотя он предпочитал блондинок, но брюнеток тоже не обходил вниманием, а также рыжих и прочих девиц, крашенных во все цвета радуги.

И всё же Рени стояла особняком. Что-то такое было в ней, что у Палевского не поворачивался язык предложить ей переспать. Во-первых, интуиция подсказывала ему, что он скорее получит пощёчину, чем согласие, а во-вторых, она могла обидеться и удрать, а он уже привык к тому, что Кошка с независимым видом крутится рядом с ним.

Невысокая, но изящная как нубийская статуэтка, с удлинёнными чёрными глазами и водопадом прямых чёрных волос, девушка походила на египетские изображения кошачьей богини Бастет. Поначалу Палевский так её и звал, а затем, найдя, что это слишком помпезное прозвище, переименовал её в Кошку.

Он протянул Рени планшет, но при этом не выпускал его из пальцев. Девушка удивлённо вскинула брови.

— Сэр? У вас будут ещё какие-то замечания?

Палевский помедлил с ответом.

— Думаю, да. Как вы посмотрите на то, чтобы вместе поужинать?

— Поужинать, а потом вместе позавтракать? — уточнила Рени, не спуская с него немигающих глаз.

— Если вы не возражаете...

— Возражаю! — прервала она и покосилась на девушку, лежащую на полу. — Кажется, у вас уже есть с кем поужинать и позавтракать.

— Это феникс, — сообщил Палевский.

— Да? — заинтересовалась Рени и, присев, отвела волосы, упавшие на лицо девушки. — Бедный ребёнок! Такая красивая, но, кажется, ей несладко жилось.

Она подняла голову.

— Сэр, что вы собираетесь с ней делать?

Палевский пожал плечами.

— Кто-то провёл инициацию, а в её возрасте это фатально. Думаю, самое лучшее — это прервать её мучения и пусть покоится с миром.

— Точно нельзя ничего сделать? — Рени с жалостью посмотрела на феникса и приложила пальцы к её шее. — Ведь она ещё жива.

И тут в Палевского будто вселился шkodный бес. Девушка была из нового поколения, которое он не знал, поскольку оно появилось после переселения вампиров на поверхность. Ему захотелось вывести её из себя и посмотреть какова она настоящая, хотя бы в гневе. Сначала он нёс всякую наукообразную чушь о состоянии феникса, а затем добавил с озабоченной миной на лице:

— Понимаете, милая, я не уверен, но можно попробовать заново инициировать феникса в семейной паре. Правда, это нужно сделать как можно быстрее. Промедление смерти подобно.

Видимо, подозревая, что дело не чисто, Рени смерила его долгим взглядом, но без возражений провела инициацию.

— Теперь ваша очередь, сэр, — сказала она сдержанным тоном и поднялась, давая ему место.

Палевский усмехнулся.

— Я пошутил, мадемуазель. Повторная инициация феникса всё равно что мёртвому припарки, — сказал он и уставился на девушку, ожидая, что она предпримет.

— Сэр, а вы в курсе, что предложение провести инициацию феникса это то же самое, что предложение руки и сердца? — вкрадчиво поинтересовалась Рени.

И тут последовало то, что он не предвидел. Девушка вихрем метнулась к нему и в следующее мгновение он оказался на коленях рядом с фениксом.

— Приступайте, сэр! Я жду! — прошипела она и пребольно заломила ему руку. — А то я могу подумать, что вы решили посмеяться над моими чувствами.

— Хорошо, хорошо! Чтобы доказать, что это не так, я сделаю, как вы хотите.

— Вот и славно, — мурлыкнула прекрасная психопатка.

И хотя это было унизительно, Палевский не стал вырываться и, выпустив клыки, тоже провёл инициацию феникса.

— Ну а теперь, мадемуазель, можете отпустить меня? — смиренно попросил он. — Я с удовольствием полежал бы у ваших ног, но всё же рабочее время. В любое время может кто-нибудь войти и неправильно истолковать мою позу.

— О да! Простите, сэр! — спохватилась Рени.

Она схватила упавший планшет и со всех ног бросилась к двери.

— Э, нет! Не так быстро, милая! Покушение на главу СС есть уголовно-наказуемое деяние, — самодовольно произнёс Палевский, вставая на пути беглянки. — И даже не пытайся! Твои спецназовские штучки больше не пройдут. Ну, как? Сразу начнёшь отбывать наказание или тебе нужна соответствующая обстановка со всеми романтическими штучками, как-то: цветы, шампанское и всё прочее? Тогда подождём до вечера.

С непроницаемым выражением на лице девушка смотрела прямо ему в глаза.

— Есть какая-то разница? — спросила она без улыбки. — Вообще-то, я предпочитаю начать со всего прочего.

— Вот и умница! Действительно, чего откладывать, — Палевский достал электронный ключ и заблокировал двери, ведущие в лабораторию. — Идём, у меня здесь есть уголок для отдыха, тебе понравится.

— Не думаю! — воскликнула Рени. — Сэр, боюсь, мы подразумеваем разные вещи под «всем прочим».

— Нет, милая, женитьба во «всё прочее» не входит, и не надейся, — сказал Палевский, догадавшись, что она имеет ввиду.

Девушка по-кошачьи фыркнула.

— Ну а у меня во «всё прочее» не входит постель. Так что, сэр, давайте открывайте двери, и мы с вами тихо-мирно разойдёмся. Шум и сплетни нам ведь ни к чему, верно?

— Верно, — сузил глаза Палевский. — Решила поломаться, прежде чем пойдёшь на попятный? А ты пойдёшь, я тебе это обещаю.

— Не нужно мне грозить, я не испугаюсь! — рассердилась девушка и её глаза гневно засверкали.

«Как есть кошка!» — усмехнулся Палевский, не намеренный отступить. Неизвестно чем бы закончилось их конфронтация, как вдруг подал голос феникс, на котором он поставил крест.

— Эй! Есть кто-нибудь? — просипела девчонка.

Рени тут же склонилась над ней.

— Как ты себя чувствуешь, детка? — озабоченно спросила она.

— Плохо! — пожаловалась девчонка и с подозрением посмотрела на неё. — А вы кто?

— Как кто? Твоя мама.

— Мама?.. Ты слишком молодая для неё.

— Ну так я ж твоя вампирская мать, — пояснила Рени. — А у нас чёрта с два разберёшь, кто мать, а кто дочь.

— Вампирская мать? — девчонка приподнялась на локте и мутным взглядом посмотрела на Палевского. — А это кто?

Рени расплылась в ехидной улыбке.

— А это, детка, твой отец. Правда, дорогой?

Палевский взвёл очи горе. Он возмущённо посмотрел на нахальную девицу и нехотя кивнул.

— Вынужден признать, что это правда, как это ни прискорбно, — раздражённо сказал он и швырнул Рени ключи от дома.

— Держи! Надеюсь, адрес ты знаешь.

— Зачем мне это? — удивилась она, глядя на него во все глаза.

— Ты же сама сказала, что инициация феникса — это предложение руки и сердца. Так что отправляйся домой и позаботься об ужине. Возможно, я приду не скоро. Не знаю, сколько времени займёт у меня исследование нашего загадочного феникса.

— Так это...

— Да, оно самое! И если ты сейчас же не исчезнешь, то я передумаю.

— Дорогой, считай, что меня уже здесь нет, — пропела плутовка и направилась к двери.

«Вот чёрт! Всё-таки вляпался! — возмущённо воскликнул Палевский и, не выдержав, ухмыльнулся. — С другой стороны, совсем неплохо, если огонь в моём семейном очаге будет поддерживать реинкарнация богини любви и радости». В том, что он любим, он и раньше не сомневался, да и сейчас девушка, уходя от него, сияла так, будто он вручил ей не ключ от дома, а звезду с неба.

Растроганный Палевский гнал от себя тревогу. «Я не дам Кошке умереть! Если думать о плохом, то это обязательно сбудется. Лучше подумай о том, кто такие Никотан и Риза и, главное, подумай о том, кто ты для них». Но сколько он ни ломал голову, ничего стоящего на ум ему не приходило.

[1] Ведь оно, подлое, любит, невзирая ни на что и ищет оправдание даже самым чудовищным поступкам тех, кого мы любим (примечание автора, возможно, что и спорное).

ГЛАВА 18. Божественный пантеон. Стражи равновесия Мироздания

Дворец лорда Хаоса был настолько огромен, что даже он не знал, как далеко он простирается. К тому же в разных измерениях он выглядел по-разному, но, как правило, их божественность предпочитал не усложнять себе жизнь и пользовался минимальным набором, состоящим из трёхмерного пространства и времени.

Да и сам властитель сущего порой вспоминал старые добрые времена, особенно, когда хотел отдохнуть. Правда, в курсе его метаморфоз были только слуги. Поэтому вряд ли кто из подданных узнал бы его в светловолосом красавце, облачённом в атласный бордовый халат.

Грозный лорд Хаоса Двенадцатого континуума, находясь в истинной форме, как простой смертный, сидел за письменным столом тёмного дерева и держал в руке хрупкую чашку в форме цветка лилии. Судя по выражению лица, мерцающий белый напиток, напоминающий молоко, доставлял ему немалое удовольствие.

В общем-то, это и было молоко, а давали его *оруэли*, звёздные кобылицы, которые были настолько дики и опасны, что далеко не каждой божественной доярке удавалось выжить после общения с ними, не то что подступиться к их вымени. Да и молока у звёздных кобылиц было, как говорится, кот наплакал. В лучшем случае, несколько капель, зато каких! Жеребятам хватало даже одной капли, чтобы мгновенно вырасти и превратиться во взрослую кобылицу или жеребца.

Вот этот чудесный напиток и пил лорд Хаоса, расслабившийся в домашней обстановке. Когда безмолвная рабыня, повинувшись его жесту, исчезла в портале, он окинул взглядом массивную столешницу, заваленную старинными фолиантами и не менее древними свитками. Наконец, его внимание привлек небольшой медный цилиндрик, запечатанный рунным заклинанием. В нём оказался пожелтевший свиток с полустёртыми бледно-коричневыми письменами — наследие народа, о котором уже никто не помнил, кроме лорда Хаоса.

— Надо ж! Что только не придумает на досуге праздный ум. Пожалуй, и богам не угнаться за буйной фантазией мечтателей, — с лёгкой улыбкой произнёс он, пробежав глазами начало поэмы.

Бережно придерживая края бесценного свитка, лорд Хаоса погрузился в чтение, как вдруг вспыхнула мигающая арка огненного портала — это посетитель просил разрешения войти. Поскольку он сам назначил ему аудиенцию, то он не изволил гневаться, а всего лишь поморщился.

Получив милостивое разрешение — в виде тапка, прилетевшему ему в лоб — лорд Ваатор распостёрся у ног своего властителя. Поскольку к лорду Хаосу разрешалось входить только в истинной форме, самой слабой из божественных ипостасей, то это был тот редкий случай, когда повелитель Адской бездны в полной мере ощутил свою уязвимость.

Лежать на мозаичном каменном полу и так доставляло ему немного удовольствия, как вдруг он почувствовал игривое щекотание под щекой. Стараясь не шевелиться, лорд Ваатор скосил глаза. Это оказался травяной ковёр, сотканный волшебством фейри. «Кыш!.. Пошёл вон!» — мысленно прошипел он, зная, что хозяин кабинета, будучи в гневе, любил запустить в верноподданных слуг чем-нибудь смертоубийственным и не дай бог, если при этом пострадает ковёр, подарок его жены Лилит. Лорд Ваатор снова шикнул, и снова

безрезультатно. Ощущая, что ему жёстко лежать, поганец из добрых побуждений пытался забраться под него.

— Тронешь коврик, убью, — пообещал лорд Хаоса, не отрываясь от чтения.

Убрав незримую огненную руку, лорд Ваатор вздохнул, а коврик, пользуясь попустительством хозяина, плотно обмотал ему голову. Он хоть и был доброхотом, но обижать его не стоило.

Повелитель Адской бездны терпел сколько мог, а затем не выдержал.

— Ваша божественность! — выдохнул он задушенным голосом.

— Надо ж, какие мы все из себя нежные! Мог бы и потерпеть, пока я дойду до конца, — проворчал лорд Хаоса.

Тем не менее он оторвался от чтения и также бережно, как до этого разворачивал, свернул свиток и сунул его в футляр. Вернув магический запор на место, он повернулся к слуге и в бездонных провалах его глаз вспыхнули кровавые огни.

— **Ваатор! Ответь кто ты, и чему ты служишь?** — прогремел божественный глас.

Обрадованный повелитель Адской бездны содрал с себя ковёр, уже успевший пустить в него корни, и с готовностью воскликнул:

— Я пыль у ваших ног! Моё единственное желание — это служить вам до последнего вздоха!

— Болван!

Несмотря на нелестное определение, лорд Хаоса по-прежнему пребывал в миролюбивом настроении, навеянном чтением прекрасной поэмы.

— Как смел ты забыть, чему изначально обязан служить? Мы боги Равновесия и поддержание стабильности в мире хаоса — наша главная цель. Неужели тебе, своей правой руке, я должен объяснять, что без первичной материи не будет ничего. Понимаешь, Ваатор, *совсем ничего!* Ни нас, ни творцов, ни прочих пограничных тварей. Стоит только утратить равновесие и мироздание пожрет нечто, чему нет названия, но против чего даже я бессилён.

В гремящем голосе отчётливо зазвучали гневные нотки, и по спине адского палача пробежал озноб. Властитель всего сущего возвращался к своему обычному состоянию, а оно было чревато смертельными сюрпризами для его подданных, что тут же подтвердилось на практике. Ослепительно засверкали молнии и их зигзаги, обретшие материальность, пришили его к полу. Лорд Ваатор, превратившийся в подобие ежа, даже не пошевелился. Единственно, что он себе позволил, это отключить болевые рецепторы, правда, и те не полностью: ему не хотелось пропустить очередной хозяйский удар. Правда, он не представлял, что делать, если дело дойдёт до серьёзных увечий, ведь попытка уклониться от божьего наказания грозила верной смертью.

На его счастье, гнев лорда Хаоса пошёл на убыль. Он поднялся из-за стола и, заложив руки за спину, встал у запахнутого настежь окна и глянул туда, где плавали воздушные лодочки с разноцветными парусами. Похожие на прекрасных бабочек, они легко скользили в эфире, что заменял здесь воздух. Особенно много их было над священным озером, похожим на голубую жемчужину идеальной формы. Как правило, лодочки были одноместными и в них сидели придворные дамы Сияющего двора. Красавицы с томным видом обмахивались веерами и их беззаботный смех придавал особую прелесть чудесному летнему дню. Как пчёлы над цветами, рядом с лодочками парили мужчины, которые временами брались за музыкальные инструменты и начинали петь. Тогда смех стихал и слушательницы особо удачные пассажи певца награждали милостивыми аплодисментами и цветами, а неудачные

— дождём из лягушек и огрызками фруктов. В общем, всё как у обычных смертных.

Лорд Хаоса долго смотрел на девушку, которая как две капли воды походила на Лилит, Радужнокрылую богиню счастья, а затем снова повернулся к придворному палачу.

— Встань, Ваатор! — приказал он и, когда тот подчинился, спросил: — Скажи, кто главный враг Равновесия?

— Конечно же, творцы, ваша божественность! — воскликнул адский палач и на его лице проступило воинственное выражение. — Нужно давить их как верклов[1]! Может, вступим в союз с разрушителями и объявим им тотальную войну?

— Я бы с удовольствием, но не могу, — усмехнулся лорд Хаоса. — К сожалению, творцы тоже мои подданные. И вообще, созидатели и разрушители это две стороны одной медали. Равновесию нужны и те и другие, а наша работа — держать их в узде. Ну так, кто главный враг Равновесия?

— Не знаю, ваша божественность, — признался адский палач.

— Так вот, мой бестолковый слуга, самый главный враг это мы сами. Ты знаешь, я не беру на службу ни конченных злодеев, ни ярых праведников. И те и другие по-своему опасны. Мне нужны великие души, находящиеся на грани равновесия между добром и злом. Боги Равновесия должны оставаться беспристрастными судьями. Но дело в том, что вечность вкупе с вседозволенностью размывают любые нравственные устои, и нет ничего ужаснее богов Равновесия, потерявших внутреннюю точку опоры. Вот поэтому, несмотря на бессмертие, мы вынуждены передавать бразды правления преемникам и начинать с чистого листа.

«Начать с чистого листа это означает скатиться до уровня Истинной крови?» — подумал адский палач, не решаясь спросить вслух.

— Видите ли, Истинная кровь его не устраивает! — саркастически сказал лорд Хаоса. — Это тебе очень повезёт, если ты начнёшь с неё. При перевоплощении можно запросто угодить в шкуру неразумной твари или, того хуже, вообще в неживую материю, — порадовал он адского палача и в его глазах вновь вспыхнули кровавые огоньки. — Ведь что обидно, Ваатор. Будучи моей правой рукой, к тому же рукой карающей, ты должен как никто другой это понимать. И что делаешь ты? Вместо того, чтобы не допускать внутреннего дисбаланса в других, ты сам подошёл к пределу. Конечно, ты ещё слишком молод, и лишь недавно сменил своего предшественника. Поэтому больше стремишься угодить мне, чем задумываешься о смысле бытия. Да и твоя прежняя служба при Сияющем дворе была больше связана с разрушением, чем с созиданием. Тем не менее это не снимает с тебя ответственности.

— Но я ничего такого не чувствую, ваша божественность! — горячо запротестовал властитель Адской Бездны, он же Смерть, он же Сатана или кому как нравится его называть.

— Знаю! В этом и состоит главная опасность. Падение происходит постепенно, ты его не замечаешь, а потом уже слишком поздно, чтобы можно было что-либо исправить.

Опустившись в материализовавшееся кресло, лорд Хаоса замолчал, а затем его взгляд вновь обратился к адскому палачу.

— Ваатор, ты хороший слуга и если честно, то мне не хотелось бы тебя лишиться. Но ты уже балансируешь на краю, а я не могу позволить тебе сорваться в кровавое безумие. Слишком уж тяжелы его последствия.

— Вы сказали, что я на краю, значит, не совсем ещё безнадёжен, — быстро сказал лорд Ваатор и вновь распротёрся ниц. — Ваша божественность, помогите! Я сделаю, всё, что вы

мне прикажете!

— Я могу только подсказать, а вот помочь тебе никто не в силах, ты должен справиться сам, — лорд Хаоса смерил адского палача оценивающим взглядом и в его руках возникла кружка с новой порцией молока оруэлей. — Видишь ли, в нашей жизни обязательно должен присутствовать какой-нибудь сдерживающий фактор, который не позволял бы окончательно скатиться в пучину зла. Для меня это любовь к Лилит и ещё кое-что по мелочи. А что тебя держит на плаву, Ваатор? — спросил он с холодным любопытством. Молчишь? Правильно! У тебя нет ничего, что бы ты ценил превыше себя самого.

— Неправда! — запротестовал адский палач. — Ваша божественность, для меня вы превыше всего!

Лорд Хаоса покачал головой.

— Страх и преданность слуги — хорошее качество, но для бога твоего уровня этого недостаточно. По своей натуре ты пламя, и стоит только мне ослабить надзор, как ты тут же выйдешь из повиновения.

В кабинете воцарилась тишина. Адский палач молчал, не смея больше возражать. Он понял, что сейчас решается его судьба.

— Ты хорошо показал себя на службе, потому я дам тебе ещё немного времени, — наконец сказал лорд Хаоса и мирным тоном добавил: — Ваатор, если ты не оправдаешь моего доверия, пощады не жди. Намотаю кишки на шею и повешу на воротах, другим в назидание. Понял?

— Так точно, ваша божественность! — рявкнул обрадованный лорд Ваатор.

Он даже осмелился приподнять голову и глянуть на лорда Хаоса и, главное, это сошло ему с рук.

— И всё же, начинай готовить себе преемника.

— Преемника? — осторожно спросил адский палач.

— Ну да, преемника. Если не хочешь брать со стороны, то заведи собственного. Надеюсь, ты знаком с процессом производства наследников? — насмешливо добавил лорд Хаоса, памятуя, с какой скоростью адский палач избавлялся от навязанных невест.

— Ваша божественность! У меня нет времени на женщин!

— Ну, так найди! Твои любовники не подарят тебе наследника.

— Это всё наветы, — буркнул расстроенный лорд Ваатор. — Ваша божественность, я, хоть бывший жрец, но по-прежнему придерживаюсь целибата, — заявил он, состроив постную мину.

И хотя это было чистой воды враньё, о чём оба знали, лорд Хаоса был само терпение. По-своему он был привязан к нахальному мальчишке, которого встретил в мире фейри — фантазии, созданной гениальным учёным. Тогда, ещё не зная, с кем имеет дело, огненный фэйри бросил всё и увязался за ним. Отпрыск знатной семьи он прислуживал ему как слуга и сносил все его капризы. Правда, до определённого предела. Временами он срывался и устраивал своему хозяину такое, что лорд Хаоса сам удивлялся, что оставил мальчишку в живых. Возможно, его удержала беспредельная преданность Ваатора, к тому же проказы были составной частью натуры огненных фэйри. Он знал, что если не давать им разрядку, то они либо зачахнут, либо натворят таких дел, что только держись.

Как бы то ни было, но лорда Хаоса забавляло нахальство огненного мальчишки — конечно, до определённого предела. Он порылся в памяти. В мире фейри Ваатор, прежде чем убежать к нему, действительно служил при храме какого-то местного божка.

— Не припоминаю, чтобы тебя привлекала монашеская стезя. Но это не важно, тебе придётся жениться.

— Опять? — скривился лорд Ваатор.

— Хватит! Не испытывай мое терпение. **Женись, я приказываю!** — рывкнул лорд Хаоса.

Поднявшись, он подошел к распростертому Ваатору и добавил более миролюбиво:

— Кстати, есть неплохая кандидатка в невесты. Правда, я не настаиваю на её кандидатуре, поскольку она Истинная кровь и по положению тебе не подходит. Но ты должен лично встретиться с ней и проводить к Сияющему двору. Она из вселенной Николса. Заодно проведёшь там разведку. Что-то мне не нравится, что он примолк в последнее время.

Неожиданно женский смех и музыку заглушили бряцанье доспехов и ругань Внутренней стражи, которые перемежались жалобными кошачьими взвизгами. Апогеем суматохи стал выворачивающий душу, долгий, тоскливый вой. Когда он утих, за окнами установилась тишина.

Кровавый свет полностью залил глаза лорда Хаоса, и он начал стремительно превращаться в жуткое чудовище.

«Ого! Как бы ни попасть под раздачу! Кажется, его божественность решил лично заняться расследованием предательства своей фаворитки миледи Баастет», — встревожено подумал лорд Ваатор, мечтая оказаться как можно дальше от роскошного кабинета и его хозяина. Он замер, стараясь до полной незаметности слиться с узором пола.

— Заодно проверь, как обстоит дело с нашей четвёркой, — прорычал лорд Хаоса, стремительно увеличиваясь в размерах и обрастая многочисленными шипами. — И в качестве предупреждения передай Николсу, если он ещё не сдвинулся с мёртвой точки, то я разнесу его вселенную к чёртовой матери, а самого отправлю в Адскую Бездну на развоплощение. **Как?! Ты ещё здесь, мошенник?**

— Так я пойду, ваша божественность? — спросил лорд Ваатор.

— **Вон!!!** — громоподобно рывкнул лорд Хаоса.

Он наставил на него свой меч и в его сторону полетел гигантский огненный вал, уничтожающий всё на своём пути. Правда, коврик Лилит несколько не пострадал. Превратившись в собачонку, он прижался к ноге хозяина и напоследок обляял адского палача.

Получив разрешение удалиться, тот стремительно влетел в открывшийся портал и рухнул в родную Адскую Бездну.

— Слава Созидателю, я дома! — довольно пробормотал он, поспешно восстанавливая обгоревшую кожу. — Хорошо, никто не видит, чем я занимаюсь. То-то было бы смеху и шуточек при Сияющем дворе! Ещё бы, властитель Адской Бездны, а чуть было не загнулся от огня, своей собственной стихии.

[1] Аналог земных тараканов.

Невеста для Сатаны

Невеста, которую лорд Хаоса приказал встретить придворному палачу, на тот момент была уже мертва более шестидесяти лет, но это не смутило лорда Ваатора. Для бога его уровня время не препятствие, и он спокойно переместился в прошлое Земли, где в результате его вмешательства события изменились не только в мире мёртвых, но и в мире живых. На счастье Штейна, который тогда только начинал карьеру на должности главы вампирской службы безопасности, адского палача не волновали последствия.

Прекрасная королева вампиров умерла, но даже из своей смерти сумела создать тайну. Впоследствии, сколько ни рылся Штейн в её прошлом, он так и не узнал кто она такая и откуда. В процессе скрупулёзно проведённого расследования выяснилось лишь одно, что за Эльжбетой тянется неисчислимый хвост интриг и несколько страшноватых в своей бессмысленности кровавых преступлений. Правда, доказать её причастность ни к одному из убийств не удалось. В результате Штейну пришлось довольствоваться косвенными уликами и собственным обострённым чутьём на такие дела.

Эльжбета оказалась чрезвычайно умна, и умело заметала следы преступлений. Главное, она не оставляла живых свидетелей. Вот потому он смог предъявить своему непосредственному начальнику и старшему другу очень немного материалов на неё.

Особенно долго Штейн искал тело Эльжбеты, но и здесь его постигла неудача. Сколько его сотрудники ни опрашивали народ на базе, никто ничего не видел, во всяком случае такого, что можно было связать с её загадочным исчезновением. Во время всеобщего переполоха многие видели Эльжбету в операторской, но тогда она была жива. А вот мёртвой её видел только муж. Будь он величиной поменьше, то быть бы ему главным подозреваемым в деле об убийстве собственной жены. Ну а поскольку тело исчезло, то расследование было прекращено.

По документам Эльжбета числилась без вести пропавшей, но у Штейна были кое-какие соображения, куда она делась. Долгое время будто магнитом его влекла одна неприметная горка, которую он облазил вдоль и поперёк. И каждый раз её зелёный склон удивлял его первобытной нетронутостью. Но своими умозаключениями он ни с кем не делился, даже с Палевским (к тому времени Михаэль уже сменил имя и фамилию, похоронив себя прошлого вместе с женой). После неудачного восстания и смерти жены тот находился во взвинченном состоянии и мог неадекватно отреагировать на его рассказ о мистическом происшествии, свидетелем которого он стал. К тому же Штейн опасался попасть под горячую руку. Палевский мог решить, что у него из-за перегрузки на работе поехала «крыша» и, сняв с престижной должности, отправить на местечко, где потише и поспокойней.

О том, куда пропала королева вампиров, помимо Штейна, достоверно знал только один человек, поскольку сам был причастен к её исчезновению, но даже он удивился бы, если бы ему довелось увидеть то же самое, что увидел свежеиспечённый глава СБ.

После краха восстания и спровоцированного Эльжбетой удара ноосферы вампиры были либо без сознания, либо мучились сильнейшей головной болью. Именно в это время, пользуясь возникшей неразберихой, на вампирскую базу проник человек. Зорко поглядывая

по сторонам, он крался по заброшенным переходам, пока они не вывели его в операторскую, тускло освещённую лампами аварийного освещения.

Лазутчик оказался белым как лунь, но ещё крепким стариком. Увидев мёртвую Эльжбету, он вскрикнул и, забыв об осторожности, бросился к ней. Он упал рядом с ней на колени и с не верящим выражением на лице оглядел её неестественно вывернутую шею. Затем он боязливо коснулся её щеки, но его скрюченные артритом пальцы тут же отдёрнулись.

— Простите, госпожа! — испуганно пробормотал старик. — Неужели божества не вечны?.. Выходит, что нет, — заключил он и горестно сгорбился. — Как же так? Кто посмел убить вас, такую молодую и прекрасную? Эх, дурак я, дурак! Нужно было остаться подле вас и защищать до последнего издыхания. Не важно, что я старый пёс, клыки у меня ещё имеются. Может, вдвоём мы одолели бы вашего страшного противника.

Худое горбоносое лицо старика, загорелое до черноты, исказила горестная гримаса. Из тёмных провалов, где прятались глаза-бусинки, потекли слёзы. Они скапливались в глубоких морщинах и капали на мёртвую Эльжбету. Заметив это, старик поспешно отстранился и вытер лицо платком.

— Ах, моя госпожа! Как вы могли оставить своего старого пса Рико? — сказал он сдавленным голосом, а затем не выдержал и разрыдался.

Не заботясь о том, что его могут слышать, старик содрогался всем телом и глухо завывал, как волчица, потерявшая любимое дитя. Прошло немало времени, прежде чем он пришёл в себя и снова стал тем, кем был всегда — не ведающим жалости убийцей, цепным псом Эльжбеты.

Рико окинул помещение профессиональным взглядом, уделив при этом потолку особое внимание. «Думаю, динамита будет достаточно», — кивнул он, соглашаясь с собой, и потянулся к брошенной сумке. Когда с приготовлениями было покончено, он поднял Эльжбету на руки, и направился к выходу.

— Простите, госпожа. Знаю, вы обязательно накажете меня за самовольство, но я должен вас забрать. Пусть мой поступок кощунство, но вдруг вас бросят среди трупов или, того хуже, похоронят в братской могиле? И это ту, что заслуживает королевских почестей и пышного погребения! К тому же, госпожа, верный раб должен исполнить свой долг до конца. А я сильно подозреваю, что ваши поданные не дадут мне умереть, как я хочу. И это самое печальное, что ещё может приключиться с таким старым дураком, как я...

На рассвете страшно уставший Рико добрался до небольшой скальной пещеры, которая многие годы служила ему тайным убежищем. Отодвинув густые ветви, чтобы они не задели его госпожу, он вошёл внутрь и положил тело на небольшой каменный постамент, а сам рухнул на пол.

Ближе к полудню, когда шаловливый луч солнца коснулся его носа, старик чихнул и открыл глаза.

— Пресветлая дева Мария! Никак я заснул? — воскликнул он с огорчением. — Простите, госпожа! Совсем стал плох старый пёс и ни на что путное уже не годен. Правильно вы поступили, что прогнали меня со двора.

Стоя у постамента, Рико долго всматривался в лицо той, что боготворил. Спокойное и прекрасное оно даже в смерти не утратило привычного ему холодного высокомерия.

— Всё же вы не человек, госпожа, а богиня, пусть даже смертная, — убеждённо заявил он. — Думаю, моя госпожа, что вы из сонма карающих божеств. Я читал, что у язычников

есть такая богиня, которой они приносят человеческие жертвоприношения. Эти воры зовут её Кали, но вы ведь не чёрная, не красная и не синяя, как она. И рук у вас не четыре, а две, как и полагается прекрасному божеству. Нет, скорей уж вы греческая Геката. Временами вы милосердны, как она, и даже к старому псу проявили сострадание. Я и не ожидал, что вы обо мне позаботитесь. Выходит, я вам был не совсем безразличен? И то верно. Ведь только со мной вы делились своими переживаниями и раз даже изволили плакать на моей груди, — на морщинистом лице старика появилось ностальгическое выражение. — Эх, где же вы, буйные денёчки моей молодости? Ведь сколько было рискованных приключений! — он погрустнел. — Жаль, что всему хорошему однажды приходит конец. Вот и из моей жизни ушла радость, когда вы прогнали старого пса, выдав напоследок кучу золота. Только зачем мне золото, госпожа, когда вас нет рядом? Лучше бы вы меня убили. Для меня было бы счастьем, принять смерть от вашей руки.

С величайшим почтением Рико взял руку усопшей и коснулся губами её холодной беломраморной кожи.

— Спасибо, госпожа, за все ваши милости, — смиренно пробормотал он, а затем шагнул назад. — Хватит плакаться, старый пёс, давай-ка принимайся за дело. Ведь госпожа не будет ждать целую вечность.

Держа наготове нож, старик бесшумной поступью обошёл пещеру и заглянул во все уголки, проверяя не прячется ли где-нибудь любопытный гость. Убедившись, что всё в порядке, он нажал на камень в потайном месте. Самострелы разрядились, и он отодвинул замаскированную плиту. Под ней, в неглубоком колодце, прятался сундук с сокровищами. Вскоре на каменном полу выросла блестящая горка. Последним из сундука Рико достал аккуратно сложенный синий плащ, искусно расшитый золотом и жемчугами и укрыл им своё божество. В несколько заходов драгоценности были перенесены к ложу и аккуратно разложены. Разноцветные камни мягко засияли в свете многочисленных зажжённых свечей.

— Неплохо, старый пёс, неплохо! — залюбовался Рико своей работой. — Выходит, не зря ты столько лет грабил и убивал честных и нечестных людей. Как будто знал, что все это для неё, — в полутьме пещеры на его морщинистом лице фанатично заблестели глубоко посаженные глаза. — Моя госпожа, надеюсь, вы не побрезгуете моими скромными дарами? Умоляю вас, подождите ещё минутку, я скоро!

Старик достал из каменной ниши пузатую глиняную бутылку и, сев у выхода пещеры, выдернул пробку.

— Хорошее фалернское и выдержка что надо, — похвалил он вино, после чего швырнул бутылку наружу и вытер губы.

С кряхтением поднявшись на ноги, Рико направился к занавеске, которая отделяла его импровизированную спальню от остальной пещеры. Когда он снова вышел, его было не узнать. Безродный бродяга исчез, теперь это был благородный господин преклонного возраста, одетый в богатый костюм старинного покроя.

Опустившись на колени у статуэтки девы Марии, Рико ясным голосом прочитал отходную молитву:

Ave, Maria, gratia plena; Dominus tecum:

benedicta tu in mulieribus, et benedictus

fructus ventris tui, Jesus.

Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis peccatoribus,

nunc et in hora mortis nostrae. Amen[1].

— Пречистая мать, прости прегрешения потомку славного семейства Гоцци, и самый главный его грех, что он следует за тёмным божеством, — завершил старик молитву и, поцеловав крест, добавил с грустной усмешкой: — Что ж, вот и покончено с земными делами.

По бикфордову шнуру побежал шустрый огонек, а Рико сел у постамента и без лишних слов перерезал себе горло.

Штейн резко обернулся, услышав взрыв. Его взгляд наткнулся на тёмный клуб, поднявшийся над склоном невысокой горы, которая была в примерно в четверти льё от него. Он подозрительно прищурился: «Так-так! Что-то многовато взрывов для одних суток. Teufel! И куда только Михаэль запропастился?» — тоскливо подумал он. очевидцы утверждали, что он был в операторской и наверняка погиб, если не от удара ноосферы, то от последующего взрыва, но Томас в это не верил. Пока раскапывали операторскую, он искал Михаэля сначала на базе, а затем по окрестностям, в надежде на чудо.

Впоследствии, когда на радость всем глава СС нашёлся, Штейн излазил небольшую гору вдоль и поперёк. Вот замеченная группа ёлок, вот каменное седло и никаких следов: ни следа воронки, ни выброса земли и камней, который он видел собственными глазами. На всякий случай он расширил зону поисков, но с тем же результатом. Везде и всюду простиралась совершенно нетронутая поверхность, поросшая многолетним кустарником и деревьями.

Откуда ж было Томасу знать, что это проделки их светлости лорда Ваатора, который решил посмотреть на невесту, но малость промахнулся по времени и она прямо на его глазах разлетелась на мелкие кусочки. Тогда он, недолго думая, применил магию и собрал их обратно. Оказавшись в пещере, он скользнул равнодушным взглядом по мёртвой вампирской королеве и одобрительно посмотрел на старика с перерезанным горлом. «А вот это куда более ценная добыча, чем дохлая девица, на которой я должен жениться».

Тем временем Эльжбета была уже страшно далеко от своей усыпальницы и ничем это расстояние не измерить. Ведь мир живых от мира мёртвых отделяют не мили и километры, а совсем иные мерки.

Вот только преданность порой способна творить чудеса и позволяет преодолеть любые препятствия.

Рико совершил головокружительный полёт по сияющему portalу и его вынесло в пустоту, перевитую многочисленными тропами, похожими на широкие нейлоновые ленты, лениво колышущиеся в слабом свете звёзд. Живи он несколькими десятилетиями позже, то назвал бы окружающий пейзаж фантастическим космосом. От невозможности опереться на какую-либо точку отсчёта ему показалось, будто он проваливается внутрь самого себя, стремясь к полному ничто. Это было настолько страшно, что из его глотки вырвался беззвучный вой.

«Тихо. Не паникуй, Рико. Не шуми, это небезопасно. Я только что еле отбилась от каких-то тварей».

Перед мысленным взором слуги, или того чувства, которое теперь его заменяло, возник туманный образ той, за которой он бестрепетно устремился в небытие.

«Госпожа! Вы ждали меня!»

«Не обольщайся! Я не ждала тебя, просто что-то не даёт мне уйти. Но ты порадовал меня, Рико. Не ожидала от тебя такой верности, — в голосе Ризы прорезались ласковые нотки. Помолчав, она тихо добавила: — Нет, неправда. Я всегда знала о твоей собачьей

преданности, иначе давно бы убила. Дай мне руку, Рико. Вдруг нас разбросает, а вдвоём всё же надёжней. В чём дело, почему ты медлишь?»

«Боюсь, госпожа, что теперь у меня нет рук, а только лапы».

«Что за крейд? Какой-то туман перед глазами... Слава богам, теперь я вижу! Действительно, ты превратился в пса. Не переживай, Рико, возможно это иллюзия».

«Спасибо, госпожа, за ваше бесценное утешение».

«Рико, а как я выгляжу со стороны?» — со скрытым волнением спросила Риза.

«Вы всё такая же, моя госпожа. Как и при жизни, вы по-прежнему сияете молодостью и красотой».

«Слава богам! — радостно воскликнула она и подозрительно добавила: — Надеюсь, ты не лжёшь?»

«Я не посмел бы, госпожа. Так что мы будем делать?»

«Не знаю, но что-то совершенно нет желания дожидаться посланников Создателя. Давай-ка, попробуем куда-нибудь уйти и побыстрее. Почему-то мне кажется, что это ещё не конец. К счастью или нет, но мы до сих пор существуем и осознаём себя, как личности...»

«Не спеши, дорогая, без меня ты гарантированно пропадёшь на тропах Междумирья», — внезапно раздался насмешливый мужской голос, и рядом с ними возникло туманное чудовище с красными призрачными глазами. Заслонив собой хозяйку, Рико злобно зарычал, но почувствовав исходящую от чудовища невероятную мощь, жалобно заскулил и в испуге прижался к её ногам.

«Ну-ка, что тут у нас? — властно произнёс всё тот же голос. — Всё верно, Истинная кровь и даже с Верным помощником. Что ж, от бывшего принца Хаоса меньшего я и не ожидал».

«Не бойся, малыш, я тебя не обижу», — неожиданно ласково произнесло чудовище. Присев на корточки, оно протянуло лапу и почесало собачий подбородок, и душу Рико вдруг наполнило чувство такого безоблачного счастья, какого он в своей человеческой жизни ни разу не испытал. Глядя на чудовище, он радостно заскулил.

«Вот умница! Вижу, ты мне тоже рад. Хороший пес! Может, продашь, дорогая? Мой верный Отисм недавно погиб, а твой зверь очень на него похож. Не бойся, я его не обижу».

«Я не продаю друзей».

Чудовище рассмеялось.

«Ты и друзья? Не смейся! Так сколько ты хочешь за него?»

«Не понимаю, что ты можешь предложить за Рико, да мне и не важно, я не собираюсь его продавать, — в сдержанном голосе Ризы зазвучало раздражение. — Тем более что это не животное, а мой преданный слуга».

«Зря. Считаю, что тебе крупно не повезло. Я снимаю предложение о покупке, и ты ещё пожалеешь о своём отказе. Я дал бы за зверя жезл силы, а это целое состояние, которое очень пригодилось бы тебе в будущем».

«Мое решение неизменно. Несмотря ни на что, я не собираюсь терять то небольшое, что ещё осталось».

«Это говорит твоё незнание, дорогая. Впрочем, достаточно разговоров! Пора перейти к испытаниям. Может, ты ничего не стоишь. Тогда нет смысла с тобой возиться, тем более торговаться».

[1] Радуйся, Мария, благодати полная!

Господь с Тобою;
благословенна Ты между женами,
и благословен плод чрева Твоего Иисус.
Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных,
ныне и в час смерти нашей. Аминь. (перевод с лат. яз)

Неожиданно для себя Риза оказалась на огромной арене и с радостью ощутила, что на ней легкие доспехи, а рука крепко сжимает знакомый меч. «Слава Священному предку, я снова жива!» — возликовала она. Чтобы понять, куда её занесло, она быстро глянула по сторонам.

На трибунах сидели удивительные создания, какие и в самом фантастическом бреду не привидятся, и громоподобным ревом подбадривали бойцов на огромной арене. Вокруг неё кипели многочисленные поединки, и она едва не поплатилась за своё ротозейство, но каким-то чудом всё же успела заблокировать удар противника. Им оказался высокий мощный воин в чёрных шипастых доспехах, лица которого она не могла разглядеть из-за причудливого шлема. Не мешкая, она вошла в экономный режим берсерка и на первых порах это её очень выручало.

Вот только противостоящий Ризе воин оказался запредельно силён и быстр. Казалось, он совсем не знает усталости, а может, так оно и было, так что ей пришлось сражаться на грани своих возможностей, а может быть, уже и за их гранью.

Сколько длился поединок, она не знала, но ей показалось, что целую вечность. Постепенно она начала сдавать, слабея от многочисленных ран, и с отчаянием почувствовала, что дрожащие ноги все чаще предательски скользят по камню, залитому кровью.

«Кажется, здесь нельзя сдаться на милость победителя и придётся биться до последнего за эту странную жизнь. А жаль! Все-таки не меч, а интриги — моё самое сильное оружие», — с огорчением подумала она.

Но Риза держалась из последних сил, вдруг осознав, что есть иной вид смерти, и значительно худший, чем тот, в котором она пребывала до сих пор.

И всё же, несмотря на все ухищрения и немалое воинское искусство, дело шло к печальной развязке. Преисполненная гнева, она стиснула зубы. «Что за чёрная полоса? Сплошное невезение! Мало того, что умерла, так и за гранью нахожусь в отчаянном положении... Терпение! Не может быть, чтобы удача совсем оставила меня». И капризная богиня её не подвела. Неожиданно с трибун прямо в лицо противника Ризы блеснул чей-то золотой доспех, и на какое-то мгновение тот замешкался. Этого ей хватило, и она в один замах снесла ему голову.

Дрожа от усталости и напряжения, она снова повисла в межзвездной сияющей пустоте, перевитой полупрозрачными лентами. «Крейд, и это называется посмертный покой? Да я в жизни так не уставала...»

«Неплохо, — удостоилась она похвалы от чудища. — Поздравляю! Ты прошла первичный отбор. Ну, а поскольку у тебя в зачёте победа в поединке, ты имеешь право на исполнение одного желания. Давай без глупостей! Никакого воскрешения не будет. Это всё сказки смертных, — помолчав, оно нейтрально добавило: — Можешь, например, увидеть кого-нибудь из близких».

Риза призадумалась. Ей очень хотелось встретиться с мужем, но при здравом размышлении она отказалась от этой затеи. «После всего, что произошло, вряд ли Михаэль будет рад нашей встрече», — подумала она и печально усмехнулась. Особого раскаяния за содеянное она не испытывала, к тому же знала, что он обязательно потребует объяснений, а

она была не готова дать их даже после смерти.

«Пусть прошлое остаётся в прошлом», — решила она, а чудовищу сказала, что хочет увидеть дочь, но не сейчас, а в будущем, лет эдак через шестьдесят.

«Почему не сейчас, а в будущем?» — спросило чудовище, хотя, если судить по гнусной ухмылке, прекрасно знало по какой именно причине.

«Хочу убедиться, что у неё всё хорошо», — помолчав, ответила Риза.

«Лгать бесполезно. Признайся уж, что ты не хочешь видеть девочку сейчас из-за опасения, что она попала в беду? Испугалась, что ко всем прочим разочарованиям, добавится ещё и чувство вины за брошенного ребёнка?»

«Не твоё дело! Могу я увидеть дочь?»

«Хорошо, я разрешаю. Но поторопись, у тебя мало времени».

Чудовище не обмануло, и Риза оказалась у изголовья кровати, в которой спала та, что без сомнений была её дочерью. Она пристально посмотрела на Мари и её лицо озарила горделивая улыбка.

— Литеран, у нас красивая дочь, — склонившись, она коснулась губами щеки дочери. — Прости, малышка! Я была тебе плохой матерью, но, может, оно и к лучшему. Похоже, ты простушка, а это значит, что ты не унаследовала ни моей гордыни, ни моего кровавого безумия. Прощай и будь счастлива!

Шестым чувством Мари уловила в комнате постороннее присутствие и открыла глаза. Спросонья ей почудилась, что у кровати стоит она сама, только почему-то с синими глазами.

— Совсем крыша едет. Уже собственный призрак мерещится. Чур, меня! — пробормотала она и с головой нырнула под одеяло.

«Может, скажешь, кто ты такой и что тебе нужно?» — спросила Риза чудовище, когда вновь оказалась в звёздной круговерти Междумирья.

«Как Истинная кровь ты призвана к Сияющему двору лорда Хаоса, а я твой сопровождающий».

«Звучит полной бессмыслицей».

«Это значит, что ты получила шанс на дополнительную жизнь. Но не тешь себя иллюзиями: он ничтожен. Прежде ты должна пройти через многие испытания. Сначала будет первичный этап отборочных поединков с такими же новичками, как ты, а затем очищение в Адской Бездне. Правильно понимаешь — там ты ответишь за каждое преступление и на собственной шкуре испробуешь, каково приходилось твоим жертвам. Если после этого останешься в здравом уме и памяти, тебе предстоит второй этап отборочных боёв за место при Сияющем дворе, но уже с нашей молодёжью. Здесь тоже ни на что особо не надейся. Они хоть и зелёные, но уже закалённые воины. Если случится чудо и ты победишь, то всё равно, став одной из нас, ты будешь продвигаться с самых низов. А быть на побегушках у вышестоящих богов, это немногим отличается от рабства в вашем эрейском обществе. Да и жаловаться на начальство у нас не только не принято, но и опасно. Вот так! А теперь идём».

Риза начала уже привыкать к новой реальности, как она преподнесла ей очередной сюрприз. По ощущениям ей показалось будто её вывернуло наизнанку, а затем она поняла, что обрела ряд чувств, которым нет названия в человеческом лексиконе. Она посмотрела на своих спутников. Рико снова был в человеческом облике, но он по-прежнему не спускал с

неё по-собачьи преданных глаз. Но самым неожиданным образом изменился их провожатый. Чудовище исчезло и её глазам предстал стройный мужчина с золотой кожей и огненной гривой волос. И это была не метафора. Его волосы действительно были языками живого пламени, и оно же смотрело из его глаз. Он понимающе усмехнулся, заметив её оценивающий взгляд.

«Что это?» — поинтересовалась Риза, гадая как выглядит она сама.

«Это называется звёздной формой. В ней удобней всего путешествовать по Междумирию, — провожатый смерил её оценивающим взглядом. — Смотришься неплохо, что неудивительно при твоём создателе. Кто он не скажу. Узнаешь, если доживёшь», — ответил он на оба её невысказанных вопроса.

Его тело закрыли гибкие доспехи, а затем в его руках переменялось несколько видов оружия. После некоторого раздумья он остановился на мече с чёрной рукоятью.

«Если дóрога жизнь, то не отставайте», — последовало предупреждение, когда они ступили на призрачную узкую тропу. Она резко уходила вверх и причудливыми петлями изгибалась над их головами. Ризе стоило немалого труда осознать, что здесь не действуют земные законы притяжения, и она не упадёт стоя вверх ногами по отношению к своим спутникам. Шагая след в след за провожатым, она вдруг засомневалась, а нужна ли ей такая жизнь, особенно в том свете, в каком ей это было преподнесено. «Может быть, проще сразу уйти в небытие и не мучиться?»

«О, это без проблем! — быстро отозвался провожатый. — Если не хочешь бороться, я могу развоплотить тебя в Адской Бездне, и ты будешь навечно свободна. Без сильной воли к существованию, ты станешь ничтожеством при Сияющем дворе».

«Не понимаю! Если я пробьюсь через все ваши ужасы, что будет мне наградой?»

«Радость существования, конечно. Оно само по себе награда, — совершенно серьёзно ответил провожатый. — Ну, и кое-что по мелочи, например, могущество богов».

«Не больше и не меньше? Наверное, ты преувеличиваешь. Все-таки я не очень верю, что это — загробный мир», — с сомнением сказала Риза. За разговорами она слегка оступилась и с ужасом почувствовала, что призрачная лента заколебалась, и начала проваливаться под её ногами.

Провожатый придержал её за локоть, и к ленте вернулась былая жёсткость. «Не отвлекайся, а то свалишься с тропы и пойдешь на корм **адейшам**, — предупредил он. — Верь не верь, а истина от этого не изменится. Что касается божественной силы, то доживи и поймёшь, что это далеко не подарок, а тяжёлая служба. Иногда и рад бы от всего отказаться, но пути назад уже больше нет».

«Я не только выживу, я обязательно пробьюсь наверх», — уверенно сказала Риза, снова готовая биться за место под солнцем, что бы это ни значило в новом для неё мире. Она была бойцом, и её жизнелюбивая натура легко преодолела минутную слабость. Провожатый искоса глянул на неё и обаятельно улыбнулся. «Что ж, Риза, тогда желаю тебе удачи...»

Неожиданно он остановился и меч в его руке вспыхнул жарким пламенем. Он явно приготовился к нападению, но затем расслабился и вновь обернулся к ней. «Я лорд Ваатор, так что при посторонних называй меня ваша светлость и больше никаких фамильярностей, — предупредил он и с приязнью посмотрел на Рико. — Так ты не передумала насчёт пса?»

Риза отрицательно качнула головой. «Простите, но нет, ваша светлость», — вежливо сказала она и воззрилась на спешащих к ним воинов, закованных в такую же золотую броню,

что и лорд Ваатор.

«Ваша светлость, простите за опоздание! — воскликнул командир и, преклонив колени, добавил: — По дороге мы напоролась на стадо мигрирующих **отлоков**. Отчего-то они сошли с обычных троп. К счастью, несмотря на потери, мы сохранили жезлы силы и их достаточно для создания прямого портала к Сияющему двору. Обычными путями Междумирья сейчас к нему не попасть, **отлоки** все их заблокировали.

Несмотря на встрепанный и усталый вид, Риза заметила, что воины удивлённо посматривают в её сторону. Наконец, кто-то не выдержал: «Ваша светлость, это правда, что она победила лорда Атлода?»

«Молва никогда не ошибается, даже если она не права, — сказал лорд Ваатор и усмехнулся, глядя на Ризу. — Кстати, ты первая кому в этом круге перерождения удалось снести башку непобедимому Атлоду. Потому тебе есть чем гордиться, правда, и опасаться тоже. Отныне ты нажила себе смертельного врага. Ведь теперь бедняге целую **этею** придётся носить голову под мышкой и выкрикивать всем при встрече, что он болван. Говорил же я ему: «Не спорь!», так нет, этот дурак мнит, что он умнее всех». И лорд Ваатор, явно передразнивая злосчастливого лорда Атлода, пробасил: «Не может быть, чтобы какая-то юбка посмела меня обойти!»

«Ваша светлость, так это он вам имел несчастье проспорить?» — догадалась Риза, вспомнив золотой блик, который спас её на стадионе. Могушественный провожатый ничего на это не ответил.

Лорд Ваатор шагнул в открывшийся портал и галантно протянул ей руку.

«Добро пожаловать в мир богов, — сказал он и прорези его глаз, где бесновалось слепящее пламя, уставились на Ризу: — Подумай ещё раз, дорогая. Если хочешь, я могу сейчас же тебя развоплотить. Не бойся, мучений не будет».

«Благодарю, ваша светлость, но давайте вернёмся к этому вопросу несколько позже».

Лорд Ваатор покачал головой. «Нет, Риза, сейчас или никогда... Ладно, я вижу, что ты уже сделала выбор. Что ж, тогда укрепи свою решимость, дорогая, и ступай за мной», — сказал он и крепко сжал руку женщины, предназначенной ему в жёны. Конечно, адскому палачу не составило бы труда прямо сейчас избавиться от неё, но его останавливал пробудившийся интерес. Отчего-то ему хотелось посмотреть, как она справится с предстоящими трудностями. К тому же ему нравились не только мужчины, но и женщины, так что красота навязанной невесты и его не оставила равнодушным.

Риза шагнула в черноту портала и задохнулась от сияющей круговерти более чем странного мира. Пока она приходила в себя, стараясь справиться с сильнейшим головокружением и тошнотой, у ног лорда Ваатора распростёрся великан в сине-зелёных одеждах.

— Ваша светлость, новенькую отправить в бараки для низших или высших соискателей? — деловито пробасил он, не поднимая головы, главным украшением которой были великолепные витые рога.

Повелитель Адской Бездны, успевший сменить золотые доспехи на роскошные одежды, протянул руку и в его ладонь послушно легла рукоятка меча, который до этого спокойно висел в воздухе. Пристёгивая его на пояс, он задумчиво осмотрел Ризу.

— Для начала отправь её в казармы Дев Ада, — распорядился он. — Дневной караул как раз сменился и находится на отдыхе. Если к концу смены от неё что-нибудь останется, тогда отправь её в бараки для низших соискателей, она же не из богов, а всего лишь

Истинная кровь.

По некоторым признакам Риза поняла, что понравилась командиру воинов, который их встречал, и теперь по безнадежному выражению на его лице, поняла, что у неё нет шансов пережить шалости Дев Ада.

— За что вы так со мной? — спросила она, кипя от гнева.

— Ты хочешь знать официальную версию или истинную? — осведомился лорд Ваатор.

— Обе!

— Хорошо, получишь обе. Официальная гласит: лучше сразу проверить чего ты стоишь, драгоценная невеста. Истинная: нужно было продать мне пса.

— Вот оно что! Кто-то приказал вам жениться на мне. Но вы зря переживаете, ваша светлость, скорее ад остынет, чем я соглашусь стать вашей невестой.

— Если бы от твоего согласия что-нибудь зависело.

Адский палач усмехнулся. Он выразительно глянул на командира воинов и тот, подчинившись его приказу, с каменным выражением на лице шагнул к Ризе.

— Поверьте, однажды вы пожалеете о своём опрометчивом решении! — выкрикнула она, дрожа от бессильной ярости.

— Ты мне угрожаешь? — удивился лорд Ваатор и под издевательский смех собравшихся зевак Ризу спихнули в пылающую бездну, разверзшуюся у неё под ногами.

Она пролетела сквозь огонь и оказалась среди злорадно ухмыляющихся зубастых демонесс.

— Какая нежная киска к нам пожаловала! Хор-р-ошенькая куколка! Чур, я первая в очереди!

Адская бездна, выбросившая язык слепящего пламени и жара, закрылась и лорд Ваатор ласково потрепал Рико по загривку. Оказавшись в мире богов, старый убийца вновь принял собачье обличье.

— Ах ты, красавец! — восхищённо сказал лорд Ваатор.

И в самом деле, Рико в звериной ипостаси был великолепен. В отличие от его человеческой личины, громадный пёс с тугими мускулами, плавно переливающимися под лоснящейся чёрной шкурой, и с адским пламенем в глазах был в самом расцвете молодости и сил. Тем не менее он не предал Ризу. Пёс подбежал к тому месту, где она только что была, и жалобно заскулил.

— Ну-ну! Забудь о ней, малыш. Теперь ты мой, — сказал лорд Ваатор, но пёс, не переставая скулить, так преданно заглядывал ему в глаза, что он сдался. — Ладно, твоя взяла! Ведь и в мире богов порой случаются незапланированные чудеса. Не хочется, чтобы девочка в случае чего держала зло на меня.

Радостно виляя хвостом Рико, лизнул его в щёку и лорд Ваатор с улыбкой щёлкнул пальцами. Вспыхнула арка портала, ведущая в казармы Дев Ада и он, оглядев представшую его глазам картинку, довольно ухмыльнулся.

— Веселитесь, девочки? Ну, как вам подарочек?

— Класс, ваша светлость! Если что, не стесняйтесь, мы всегда окажем вашей очередной невесте горячий прием!

— Умнички мои зубастые, — умилился лорд Ваатор, — только вас одних и люблю!

— А уж как мы вас обожаем, ваша светлость! За вас готовы хоть в рай, хоть в ад! — грянули хором воодушевлённые демонессы. — Слава, лорду Ваатору! Слава! Слава! Слава!

— Спасибо, девочки! Я всегда знал, что могу на вас положиться, — в руке адского

палача появился сгусток белого пламени. — Эй, невеста! Держи выкуп за пса. Если выживешь, не забудь его поблагодарить, — сказал он и в Ризу, зажатую в угол краснокожей рогатой демонессой, ударила молния, от которой она едва успела увернуться.

ГЛАВА 19. Мари. Испытание женской дружбы любимым камнем преткновения

Будь моя воля убила бы всех сплетников на свете! Ведь они и ангела так очернят, что бедняга не сможет трудоустроиться даже в аду. Может, именно это и произошло на небесах? Кто-то разозлился на своих товарищей и настучал на них, а оклеветанные бедняги не смогли оправдаться перед Господом.

После того как я просочилась в квартиру, Беккер захлопнула входную дверь с таким грохотом, что я аж подпрыгнула от неожиданности. Н-да! Тяжёлый случай. Похоже, на этот раз у нас такой острый приступ ревности, что Отелло отдыхает. Даже интересно, в каком виде преподнесли происшествие в автобусе, если она так на меня окрысилась?

Как бы то ни было, а оправдываться предстоит мне, а не сплетникам.

Когда мы пришли в Сонину комнату, основательно заставленную антиквариатом, то я, не дожидаясь приглашения (вряд оно мне светит) плюхнулась в первое попавшееся кресло. «О! Беккеры могли бы не скупердяйничать и постелить у входа коврик помягче», — подумала я, но с моих губ не слетело ни слова упрёка по данному поводу.

Мужественно терпя боль в занемевшем седалище и ногах, я с выжидательной миной устала на подругу, которая застряла в дверях комнаты, при этом всем своим видом говоря: «Давай покороче и вали отсюда, пока я добрая!»

Да ни фига! Если Беккер приспичило поиграть в гляделки, то пусть развлекается. Я завозилась, устраиваясь в кресле поудобней. Жёсткое зараза! Такое ощущение будто оно набито камнями, а не конским волосом. Вот за что терпеть не могу все эти старинные вещи. С виду красота, а на деле одна видимость и никакого полезного функционала.

Поняв, что взглядами меня не пронять, Соня всё же решила нарушить обет молчания.

— Говори, зачем пришла и убирайся! Нечего рассиживаться, как у себя дома.

Ну вот, почти слово в слово! Ладно! Для начала я показательно вздохнула.

— Грубо, милая! Это ты скажи, что случилось. Тогда я уберусь согласно твоему интеллигентному пожеланию. И постарайся убедить меня, что у тебя есть веские причины злиться, — нагло заявила я и, устав искать удобное положение, забралась в кресло вместе с ногами.

Глаза Сони округлились от возмущения.

— Нахалка! И выгоню! Могу и взащей! Она ещё прикидывается невинной овечкой! Не подозревала, что ты такая стервоза, Мари!

— Вот отсюда, Беккер, пожалуйста, подробней, — сказала я, начиная потихоньку заводиться. — Для меня это тоже открытие. Ведь столько лет мы вместе, а ты ни разу даже не намекнула на такую неприятную черту моего характера. В чём дело, Сонь? Неужели слова сплетников оказались весомей нашей дружбы? Или я чего-то не знаю? Так просвети, не держи в неведении.

Вооружившись терпением, я постаралась выглядеть как можно миролюбивей. Рассерженная подруга открыла было рот, но не нашлась, что сказать и стала метаться по комнате, швыряя вещи. «Отлично! Пусть выпустит пар. Главное, держать личико ромбиком», — подумала я и постаралась не засмеяться в самый неподходящий момент. Сонька была в своём репертуаре, — на пол летели только те предметы, падение которым не наносило ущерба. Правда, пару раз в меня полетели явно бьющиеся предметы, но опять же

из разряда тех, что не жалко. Я поймала их и аккуратно поставила на столик.

Когда разрушительный пыл пошёл на убыль, Беккер снизошла до переговоров. Она присела в кресло напротив и принялась сверлить меня злобным взглядом, явно готовая к бурному диалогу.

Не-а, даже не мечтай! Я с тобой ссориться не буду, так что Сорочинская ярмарка на сегодня отменяется. Сделав вид, что не замечаю её безмолвный вызов, я зарылась в бездонные недра галантерейного чуда итальянских мастеров. Чёрт! Эти новомодные изделия размером с чемодан просто чёрные дыры для их содержимого! После долгих поисков я всё же выудила из сумки искомое, а именно маникюрную пилочку.

— Ну, и что тебе напели сплетники, если ты так бесишься? — бросив беглый взгляд на подругу, лениво поинтересовалась я и взялась полировать когти.

Не знаю уж почему, но это невинное занятие отчего-то вызвало у Беккер просто феерический приступ раздражения. Подлетев ко мне, Сонька выхватила у меня несчастную пилку и со всей дури зашвырнула её куда-то в угол. Вот это она зря. Пилочка была из моего любимого маникюрного набора, подаренного Рени, и я постаралась определить место, куда она улетела. Нужно будет вернуть беглянку на её законное место в футляре.

— Сонь, с ума сошла? Чем тебе пилка-то помешала? — спросила я тоном воплощённой мисс Миролюбие.

— Да, пропади вы обе пропадом! Издеваешься, да? Ну давай, продолжай в том же духе! Я уже убедилась, что тебя ничем не прошибёшь! Молодец! Просто молодец! А знаешь, почему ты такая стерва? Потому что тебе наплевать на всех и вся, и на меня в том числе! — взорвалась Беккер, не давая вставить мне ни слова. — Причём здесь сплетники? Думаешь, я не вижу, что ты вытворяешь за моей спиной? — выкрикнула она и от полноты чувств даже топнула ногой. — Знаешь, Мари, а ведь ты большая эгоистка! Всё-то тебе «хи-хи», да «ха-ха» и ничего-то ты не берёшь в голову! Ведёшь себя как избалованный ребенок, с которым носятся взрослые, а тебе и дела нет до переживаний других. А знаешь почему? Потому что ты озабочена только собой любимой, а остальные для тебя игрушки, на которых ты оттачиваешь своё остроумие!

— Вся жизнь — игра, а мы статисты в добрых масках, — пробормотала я и, сделав паузу, глубокомысленно добавила: — Чтобы не пугать окружающих своим звериным оскалом.

Не-а, аудитория оказалась не контактной. Подруга, по своему обыкновению, пропустила мои слова мимо ушей.

— Как тебе не стыдно, Мари! Признайся уж, что ты ни во что меня не ставишь, поэтому так поступаешь.

— Стыдно... — вклинилась я в Сонькин монолог, соорудив покаянную физиономию.

— Молчи, когда я говорю! — рявкнула она и я послушно заткнулась. — Я всегда относилась к тебе как к другу, даже как к сестре, а ты чем меня отблагодарила? Мало тебе показалось Ника, так ты решила взяться за Ладожского? Ну спасибо, подруга! Наверно, это мне за всё хорошее, что я тебе сделала? Да? Что ты примолкла? Дар речи утратила или совесть внезапно прорезалась?

Дальше не имело смысла оставаться. Выскользнув из кресла, я обогнула Беккер, выросшую на моём пути, и направилась к выходу. Но она схватила меня за руку и со словами: «Не смей сбежать без объяснения!» поволокла обратно. Я не сопротивлялась и, плюхнувшись в кресло, подняла на неё глаза.

— Ну? Что ты пялишься на меня? — снова налетела она.

Разведя руками, я изобразила непонимание на лице.

— Господи! Стукнуть бы тебя чем-нибудь тяжёлым! Мари, прекрати паясничать!

С видом примерной девочки я сложила руки на коленях и, склонив голову набок, состроила по-собачьи умильную мину.

— Вот зараза! Не молчи, отвечай!

— Ну, вот! То молчи, то отвечай, — проямлила я, поёрзав в кресле.

— Не передергивай!.. Зай, прекрати свои штучки, пока мы окончательно не поссорились. Неужели тебе нечего сказать?

Выдохшаяся Беккер явно начала сдавать позиции.

— Зачем? — я пожала плечами, глядя на носки новеньких туфель. — Приговор уже вынесен и подписан. Так что нет смысла оправдываться. Ведь ты хотела сказать, какая я дрянь. Ты сказала, и я тебя услышала. Если ты уже успокоилась и закончила размазывать меня по плинтусу, то я пойду. ОК? — сказала я, стараясь удержать внешнее спокойствие.

Когда один бесится, другой должен быть на высоте, иначе дружба полетит ко всем чертям собачьим.

— Надо же! Я и не подозревала, что ты такая хладнокровная...

Что ж, любимая подруга добилась своего: моё терпение лопнуло.

— Что же ты замолчала? Давай, уж договаривай! Скажи уж, что я хладнокровная сучка!

— Нет, вы только посмотрите, она ещё и обижается! — всплеснув руками, воскликнула Соня. — Бессовестная!

— Спасибо. Список нелицеприятных[1] эпитетов растёт просто не по дням, а... — я сглотнула комок в горле. — Знаешь, лучше я пойду! А то мы сейчас такого друг другу наговорим, что нашей дружбе действительно придет конец, а я этого не хочу. Несмотря на все сказанные тобой глупости, ты по-прежнему моя самая лучшая подруга и я тебя люблю, чтобы ты себе там ни думала.

Беккер отступила в сторону, давая мне дорогу, и я с грустью подумала, что прав народ, говоря, что дружба женщин заканчивается, как только между ними встаёт мужчина. «Вот только я никогда не думала, что у нас Беккер дойдет до такого...»

Я уж было взялась за ручку входной двери, и тут Сонины руки обняли меня за талию.

— Мари, пожалуйста, не уходи! — попросила она, прижавшись к моей спине. — Прости меня, зай! Честное слово, я больше не буду. Ведь я тоже люблю тебя.

— Ага, свежо предание... — не выдержав, я всхлипнула. — Небось врёшь. Стоит только расслабиться, как ты опять примешься кричать на меня, как на неродную.

— Не буду! — пообещала эта поганка, вслед за мной хлюпая носом. — И вообще, ещё неизвестно, кто на кого больше орал.

Ну, конечно! Уж я-то точно знаю, кто из нас больше орал, но не стала развивать поднятую тему.

В общем, когда мы наревелись как две дуры, Беккер аккуратно промокнула глаза неизвестно откуда взявшимся платочком, ну а я как истинная Маша протёрла их руками. Я посмотрела в зеркало на себя, а затем на подругу и тяжело вздохнула. Не знаю, как ей это удаётся, но Сонька умудряется реветь так, что макияж на её лице остаётся в целостности и сохранности, чего не скажешь обо мне.

Только мы примирились и тут, как говорит Ладожский, получи фашист гранату.

— Мари! Неужели так трудно усвоить, что «врёшь» это грубое слово? Нужно говорить,

«обманываешь».

«Спокойствие! — стиснув зубы, я мученически улыбнулась. — Значит, это я веду себя как ребёнок? Между прочим, я тоже терплю, когда кое-кто бесконечно воспитывает меня. Зачем же лишать человека удовольствия?»

— А есть разница? Хрен редьки не слаще. Ой, а сама-то хороша! Тогда уж нужно говорить не «орать», а «кричать», — сказала я, довольная, что и мне удалось хоть к чему-то прицепиться.

— Ладно-ладно! Что-то я не форме...а-а! Я же не ела с утра! Зай, составишь компанию? — спросила Беккер и, не дожидаясь моего согласия, подхватила под руку.

— А-то! Я сама от бурных переживаний готова съесть хоть целого быка! — воскликнула я, страшно радуясь, что кризис в наших отношениях благополучно миновал.

После сытного обеда, сервированного на небольшом столике молчаливой, но улыбчивой служащей из нашего ресторана, я осторожно спросила:

— Так в чём дело, Сонь? Какого чёрта ты взбеленилась?

Аккуратно сложив салфетку, подруга подняла на меня виноватые синие глаза, и они снова подозрительно заблестели.

— Э, нет! Давай-ка без слёз! — поспешно воскликнула я. — На компанию даже не рассчитывай. По второму заходу будешь рыдать в гордом одиночестве. К твоему сведению, в настоящий момент у меня жизнерадостный душевный настрой, так что не смей его разрушать.

— Да, ну тебя! Никто и не собирался лить слёзы, — отмахнулась Соня. — Ладно. Идём в мою комнату, там и поговорим.

— Хорошо, но с одним условием. Чур, не обзывать, и не орать, а то я могу с перепугу описаться. С такой жизнью нервы совсем ни к чёрту.

— Только попробуй! Тут же получишь по носу, если испортишь мой любимый гарнитур. С ума сойти, сколько я за ним гонялась, ведь он от знаменитого Андрэ Буля! — сияя воскликнула моя любимая подруга и выдала на-гора почти детективную историю приобретения мебели знаменитого французского мастера эпохи барокко. Это было круто. Наслушавшись её баек, я прониклась осознанием жуткой ценности гарнитура и с опаской опустилась в драгоценное кресло.

«Подумаешь, ничего особенного. Море дурацких завитушек с позолотой, а сидеть довольно жестко», — скептически подумала я, припомнив недавнюю маяту именно с этим креслом. Ё-мое! Каюк креслицу! Внезапно я припомнила, как с размаху плюхнулась на историческую реликвию и безжалостно елозила по ней ногами. То-то Сонька смотрела на меня как на врага народа.

Осторожно ощупав кресло руками, я облегчённо перевела дух. Вроде бы нигде и ничего не отвалилось, теперь убедиться бы, что обшивка цела.

— Мари, прекрати дёргаться и сядь по-человечески. Не бойся, ничего с креслом не случится, это же Андре Буль! Мебель сделана на совесть. Я на все сто убеждена, что это оригинал после того, как ты зверски прошлась по нему ногами.

Несмотря на сдержанный тон, в голосе подруги послышались нотки досады.

— Прости-прости! Я же не знала, что под моей задницей национальное достояние Франции.

— Вот только не нужно глупостей! Как будто кресло для меня дороже друзей.

«Вот он, жертвенный порыв во имя дружбы!» — растроганно подумала я, глянув на

подругу, и перевела стрелки на другую животрепещущую тему.

— Беккер, скажи уж, наконец, чего ты мечешься? Впрочем, давай я сама угадаю. Ты злишься, что слишком далеко зашла в своём увлечении Ником Реази, и теперь боишься, что Иван тебя не простит?

— В общем-то, да, — поколебавшись, ответила Соня и с досадой добавила: — Господи, ну я и дура! Ни за что, ни про что, взяла и напустилась на тебя, как будто ты виновата. Прости! Уверена, что в автобусе ты просто дурачилась, но уж очень было обидно, когда мне сказали, что Ладожский вёл себя так, будто он клюнул на твои заигрывания.

— Да не было этого! Сонь, мы оба слегка подурачились, а ты уж расквасилась, придумав себе чёрт, знает что...

Беккер нахмурилась.

— Не лги, Мари! Прикрываешь Ладожского, да? Учти, я ведь тоже твоя подруга.

— С чего ты взяла, что я защищаю Ивана? — удивилась я, но, видимо, неубедительно и внутренне поёжилась под прицелом Сонькиных глаз. Ну, да! Знает кошка, чьё мясо съела.

— Вот-вот! А то я тебя не знаю! На твоём лице появляется именно такое выражение нашкодившего щенка, когда ты врё... говоришь неправду, — сердито сказала Соня и тут же виновато поникла. — Впрочем, я заслужила такое отношение.

Я подскочила к ней и, стиснув в объятиях, чмокнула в щеку.

— Слава богу! Порядок! Наконец-то, ты в норме!

— Это я-то? Боюсь, что ты преувеличиваешь, — уныло сказала Соня. — Как дура, из-за ревности я чуть не потеряла лучшую подругу и скорей всего потерю своего парня.

— Не кисни, Беккер. Знай, от меня не так-то просто избавиться, — воскликнула я. — Если ты занялась привычным самоедством, значит, справедливость восторжествовала в твоей душе. Кстати, можешь стукнуть меня как следует, я не обижусь. Признаюсь, как на духу, что в происшедшем есть доля моей вины. Не знаю, что на меня нашло, но я как последняя идиотка не придумала ничего лучшего, как разыграть Ивана. Своим нытьём вы на пару уже так меня достали, что я пошла на крайние меры. Но в драке между Ником и Иваном виновата ты, а не я.

— Да? А я слышала другое, — Соня высокомерно вздернула бровь. — Не придумывай, я-то здесь причём? Ведь меня даже не было в автобусе.

— Вот ещё! Была нужда придумывать, когда жизнь зачастую причудливее вымысла. Представляешь, твой заумный рыцарь хотел, чтобы я закадрила Ника и тот отвял от тебя, свалив под моё крыло.

Напрочь позабыв о бесценном антиквариате, по любимой привычке я забралась в кресло с ногами, и воззрилась на подругу. Что-то мне не нравилось выражение её личика.

— Конечно же, ты с радостью согласилась, — в голосе Сони вновь послышался холодок. — Да и как могло быть иначе? Ведь от такого парня никто в здравом уме не откажется...

— Беккер, скажи, какого чёрта с тобой творится? — возмущённо выпалила я. — Ничего не понимаю! Нафиг тебе этот гнусный тип, когда есть такой замечательный парень, как Иван? Или ты решила погнаться за двумя зайцами? Смотри, как бы не вышло по известной пословице...

У моей любимой подруги полезли брови на лоб, а затем она согнулась от смеха.

— Мари, ты это серьёзно насчёт гнусного типа? — отсмеявшись, спросила она.

— Серьёзней не бывает!

— Ну, ты даёшь! Господи, и чего я удивляюсь, ты же ненормальная.

— Вот спасибочки за комплемент, но я тоже могу обидеться, — обиделась я.

— Ой, извини! Зай, я не это имела в виду! Просто ты в своём репертуаре... я хочу сказать, у тебя какой-то вывернутый взгляд на окружающих.

Я фыркнула.

— Подумаешь! Мне это не мешает, а остальные перебьются.

— Вот оно как! — протянула Соня, по привычке пропуская мою реплику мимо ушей. — Значит, на выпускном балу мне не показалось, что вы с Ником шипели друг на друга, хотя на самом деле он тобой интересуется и очень сильно. Весь вечер он только и делал, что с пристрастием допрашивал меня о тебе, — сказала она и задумчиво добавила: — А ещё весь вечер ты тусовалась только с Моррисоном...

Я озадаченно хлопнула глазами, поймав её потрясенный взгляд.

— Что случилось? На моём лбу что-то пророческое нарисовалось? Типа писем на стене во время пира у царя Валтасара?

— Ой, я дура! Зай, я только сейчас доехала! Если бы я не злилась из-за...

— Лучше поздно, чем никогда, — пробормотала я, автоматически хватаясь за лилию. Соня тут же на неё уставилась.

— Всё же влюбилась в Моррисона, да?

— Как кошка, — созналась я и на всякий случай осведомилась: — Надеюсь, теперь с меня сняты обвинения в присвоении чужих парней?

— Зай, если хочешь, можешь забирать Ника себе, — свеликодушничала Беккер, и я с возмущением посмотрела на неё.

— Ну, конечно! На тебе, боже, что мне негоже. Спасибо тебе громадное, моя щедрая подруга.

— Зря иронизируешь, Реази действительно тобой интересуется... ой, извини! — виновато сказала Сонечка, полностью придя в адекватное состояние. — Зай, ты точно простила меня?

Присев на подлокотник кресла, она потёрлась носом о моё плечо.

— Нечего подлизываться, я выбираю тебе наказание. Думаешь, сидение на коврике под дверью и то, как ты всячески обзывалась, пройдут тебе даром? Нифига подобного!

— Тогда давай быстрее, — завздыхала любимая подруга.

— Кыш! Не мешай, я думаю. Ничего не выйдет, можешь не стараться! Своими щипками ты не собьёшь меня со стези возмездия. И вообще, спешка хороша только при ловле блох... Во, придумала! Хочу, чтобы ты не доставала меня по поводу внешнего вида! — победно воскликнула я, наконец найдя достойное наказание для Соньки. — Ладно-ладно! Знаю, что прошу невозможного. Не навсегда, но хотя бы на месяц отстань от меня. Хорошо?

— Господи! Но тогда с тобой будет невозможно выйти в приличное место.

— Yes! Наконец-то, я всласть позанимаюсь математикой!

— Ой, ненормальная, — покачала Соня головой.

— Такое ощущение, что этот эпитет я недавно слышала, и он мне не понравился.

Я стукнула Беккер по голове сложенной газетой, сначала раз, затем другой и она со смехом удрала от меня в гостиную.

— А ну-ка вернись! Ты ещё не получила своё!

— Ой-ой, я больше не буду! Честное слово, я не хотела тебя обидеть!

В результате беготни по дому Сонька была с позором изгнана на крышу.

— Мари! — она глянула вниз и взвизгнула. — Я сдаюсь! Только снимите меня отсюда!

— С ума сошла? Я сама боюсь высоты!

Делать нечего, пришлось мне тоже лезть на крышу. Сидя плечом к плечу, мы поболтали о всяких пустяках и помечтали о будущем.

— Сонь, а может, завалимся в гости к Ладожским? — предложила я. — Мне нужно с Верой Дмитриевной переговорить, а ты с Иваном поболтаешь. Глядишь и помиритесь, в очередной раз.

— Да, мы и не ругались, — ответила Соня и нерешительно посмотрела на меня. — Думаешь, будет удобно явиться к ним в гости без приглашения?

Я пожала плечами.

— На месте выясним. Кстати, кто бы ещё нас заметил в куче народа, который сейчас тусуется у Ладожских, — фыркнула я, видя, что она по-прежнему сомневается и, встав, потянула её за собой. — Нечего затягивать процесс, доводя его до хронического состояния. Не трусь, подруга. Подъём! Идём сдаваться на милость победителя.

С опаской ступая по довольно крутому скату крыши, мы направились к чердачной двери. Чувствовала я себя не лучшим образом, да и Сонька, вцепившаяся в меня мёртвой хваткой, основательно мешала передвижению. С писками и визгами мы доползли до нужного места, я толкнула дверь и тут выяснилось, что какая-то сволочь повесила на неё замок.

— Беккер!.. Ой, умоляю! Только не визжи и не цепляйся за меня как репей, а то свалимся с крыши. Так мы окажемся не дома у Ладожских, а у Мики в реанимации, — возвала я к разуму ошалевшей от страха подруги. — Сонь, посиди немножечко на месте, а я заберусь в чердачное окно и открою дверь. ОК? Вот и умница! Только будь осторожней, а то здесь черепица едет.

[1] Нелицеприятные эпитеты, значит, непредвзятые эпитеты, а никак не неприятные, как можно подумать.

ГЛАВА 20. Мари. Каникулярное счастье и не очень радостные дела семейные

Великолепное время — последние студенческие каникулы перед работой. До сих пор не верится, что учеба в Академии, вкупе с военной муштрой полностью закончена и я сама себе хозяйка. Это такое удовольствие делать только то, что хочется и бездельничать от души. Особенно радует, что Беккер притихла после приснопамятного разговора и на какое-то время оставила меня в покое. Да и дома нет никаких забот, их полностью взяла на себя тихая как мышка Аннабель.

Находясь в радостном предвкушении, я достала ноутбук, нашла учебник «Риманова геометрия и тензорный анализ» Рашевского в качестве костыля, открыла «Сборник задач по общей теории относительности и гравитации» Лайтмана, и с головой погрузилась в тензорное исчисление.

А что? У всех свои любимые игрушки.

— Господин Риччи, как основатель тензорного анализа, вы должны порадоваться моим успехам!.. И так, ничего сложного, а повторение — мать учения... а вот здесь перейдем от ковариантного дифференцирования тензорных полей в обычное, символы Кристоффеля равны нулю, ну а дальше совсем просто: получаем диаду, перейдя в прямоугольную систему координат... — временами бормотала я вслух полную абракадабру для непосвященных.

Сложные вычисления давались мне легко, я их щёлкала как орешки, и настолько увлеклась, что не заметила, как подкрался вечер.

«Математика — forever! Yes! Yes! Yes!» Решив, что на сегодня достаточно, я с наслаждением потянулась. Понятно, что сложная логическая игра — это развлечение для избранных, но тем математика и хороша. «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух...»

Хлопнула входная дверь.

«Ура, Рени пришла!»

Радостная, на всех парах я быстренько переместилась в прихожую и, с удовольствием вдыхая знакомый запах тонких духов и дождевую свежесть, помогла Рени снять плащ. В знак благодарности она устало улыбнулась и тут я уловила неладное, в ней чувствовался какой-то дисбаланс. Я окинула Рени внимательным взглядом и лишь тогда заметила, как заметно она осунулась и похудела. Не укрылись от меня и пугающие тёмные тени под глазами, замаскированные слоем искусной косметики. Напуганная её болезненным видом я осторожно спросила:

— Маман, как ты себя чувствуешь? С тобой всё в порядке?

— Все нормально, детка, — с улыбкой откликнулась Рени. — Ой, да не смотри ты так, как будто увидела привидение, — добавила она, хихикнув.

«Вот-вот! Именно такое впечатление ты и производишь», — озабоченно подумала я. Тем временем Рени, сняв туфли, что-то сосредоточенно разыскивала на полках с обувью и я, не понимая, что ей нужно, с недоумением наблюдала за её суетой.

— Не беспокойся. Честное слово, всё в порядке, просто я слегка устала на работе, — бросив беглый взгляд на меня, снова улыбнулась Рени. — Чёрт побери, никак не могу их найти! Ты не знаешь, где мои тапочки?

У меня ёкнуло сердце.

— Насколько я знаю, у тебя их сроду не было, — не сразу ответила я.

Выпрямившись, Рени замерла, и на её лице промелькнуло выражение сильнейшей досады. Впрочем, оно тут же исчезло, и она легко затараторила:

— Н-да, совсем ум за разум заходит. А все наш новый ревизор виноват! Представляешь, все экономические прогнозы рухнули в одночасье из-за этого паршивца Левандовского. Он, конечно, гений, но все-таки большое свинство с его стороны взять и заявить, что все наши многомесячные вычисления — это чушь собачья. Конечно, при детальном разборе, он оказался кое в чём прав, но начинать новый пакет вычислений с нуля, по-моему, полнейшая глупость...

По дороге к кухне она продолжала болтать о пустяках, оживлённо жестикулируя, но я слушала её лихорадочную речь с всё возрастающей тревогой.

«Господи, что-то с Рени не так... совсем не так!» — метрономом забило в моих мыслях. — Нет-нет! Нельзя думать о плохом: притянешь несчастье. Может, она действительно устала или слегка заболела? Правда, есть маленький нюанс. Все серьёзные болезни вампиров связаны с нашей генетикой и, как правило, они смертельно опасны... Неправда! Такое может приключиться с кем угодно, но только не с моей Рени!»

Не выдержав неизвестности, я выпустила ментальный щуп, и запустила в её эмополе. Боже, лучше бы я этого не делала! От моего прикосновения Рени вздрогнула и вышвырнула меня прочь. Это сравнимо с ситуацией, когда вы тянетесь к матери за лаской, а она вдруг со всей силы бьёт вас под дых. Думаю, именно тогда лопнула невидимая нить, или, если угодно, младенческая пуповина, что с первого дня нерасторжимо соединяла меня с вампирской матушкой.

Потрясение было столь велико, что я полностью ушла в себя.

Бесприютная я болталась в пустом пространстве и, отвечая моему душевному настрою, где-то жалобно плакал испуганный зверёныш. Беднягу, как и меня, бросили на произвол судьбы. Он ни на мгновение не прекращал свою тоскливую песню и вскоре она превратилась в настоящую пытку.

Зверёныш всё выл и выл, разрывая мне сердце своим одиночеством и неприкаянностью. Я заткнула уши, но это не помогло, я всё равно его слышала.

— Прекрати, малыш, мне больно! — в отчаянии закричала я, но он меня не слушал.

От его пронзительного воя на всё повышающейся ноте у меня заныли зубы.

— Заткнись, гад! Я больше не вынесу!

На границе сознания бился знакомый встревоженный голос, который я сейчас ненавидела. Кто-то безжалостно тряс меня за плечи, добавляя мучений моей несчастной голове.

— Мари, очнись! Почему ты кричишь, что с тобой, девочка? Что случилось? Где у тебя болит?

— А-а! Убирайся, не хочу тебя видеть, предательница!

— Господи, ничего не понимаю. Мика, какое счастье, что я сразу дозвонилась. Скорее приезжай! Нет-нет, со мной всё в порядке, с Мари что-то странное творится. Приедешь? Слава богу!

Вой зверёныша стал просто непереносимым, перейдя в область ультразвука, и золотая мгла эмополя, замельтешив белыми искорками, стала медленно гаснуть вместе с сознанием.

— Тише-тише, Мари! Всё будет хорошо, — пообещал уже другой знакомый голос и — о

чудо! — мой зверёныш сразу же затих, безоговорочно ему поверив.

В блаженной тишине, воцарившейся в голове, я услышала, как отец строго выговаривает моей подлой вампирской матушке:

— Рени, марш наверх! Выглядишь так, что краше в гроб кладут. Если не хочешь загреметь в клинику, прими лекарство и немедленно в кровать.

«Убить её мало за то, что она сделала со мной, а не укладывать в кровать!» — злюсь я и при этом умираю от тревоги, прислушиваясь к её надломленному, больному голосу.

— Прости, мой ангел, что сорвала тебя с совещания, но я так испугалась. Ты бы слышал, как девочка кричала, просто мороз по коже. Господи, пусть с ней всё будет хорошо!

Вот, значит, как ты заговорила! И всё же, в голосе Рени столько искренней мольбы, что моя злоба на неё пошла на убыль и зверёныш, приподнявший было голову, снова успокоился и, свернувшись в клубок, спокойно уснул. Слава богу!

Придя в себя, я быстро глянула на родителей и вновь закрыла глаза. Пока они не обращают на меня внимания, не грех послушать, о чём они говорят. А то вечно разведут тайны Мадридского двора, а ты потом как дура хлопаешь глазами, не понимая, о чём это они. Тем более что лежать на диване вполне комфортно, Мика даже озаботился выдать мне подушку и прикрыл одеялом.

— Милая, перестань плакать. Матка боска! Что ты из всякой ерунды делаешь трагедию? Поверь, у Мари всего лишь небольшой нервный срыв из-за ментального шока. Такое часто случается с молодыми вампирами. Их нельзя резко отсекать от семейного эмополя.

— Боже мой, но я же не знала, что так выйдет! Мика, ты не обманываешь? С Мари точно всё в порядке?

— Я не имею привычки обманывать. Рени, почему ты ещё здесь? Ну-ка отправляйся в кровать! — в мягком голосе отца послышалась ласковая насмешка. — Не беспокойся, для твоего личного успокоения, как только выдастся свободная минутка, я тут же отправлю Мари на обследование.

«Ага! Щас! Так я вам и далась. Только через мой труп. Вот ещё глупости придумали! Здоровье у меня отличное, дай бог каждому. Ни на какое обследование я не пойду, тем более к Мике в институт. У него там такие ужасы творятся, что, увидев их, точно заработаешь нервное расстройство... Ладно, так и быть я завещаю своё тело науке. Вот помру, тогда и ройтесь в нём сколько угодно. Нечего при жизни меня препарировать!»

И всё же спокойный уверенный голос отца действовал на меня очень успокаивающе, а наше родное эмополе окончательно унесло из души пережитый ужас. В общем, я и не заметила, как уснула.

Боже, столько мороки с младшими сестрами! Профессиональные рассуждения об убийстве

Проснулась я уже утром и в своей комнате, а не в гостиной на диване.

«Бедный Мика! Опять ему досталась куча хлопот с нами обеими. Что же случилось вчера?.. Кажется, у меня была банальная истерика», — со смущением констатировала я.

Не знаю, что точно послужило толчком: ментальный шок или нечто другое, но я точно знаю, что все дети страшно переживают, когда вдруг обнаруживают, что любимые родители собираются их бросить, тем более навсегда. И ребёнку, даже если ему до чёртиков лет, совершенно не важно есть ли у них для этого уважительная причина или нет.

Что ж, пора вставать, хотя нет никакого желания, но есть хочется зверски. Сказано —

сделано. Я в темпе проделала необходимые утренние процедуры и помчалась к кухне. Впрочем, проходя мимо спальни родителей, я внимательно прислушалась к их эмоциям. Эти сони ещё сладко спали. Собравшись с духом, я прошла по менталу Рени, но ничего страшного на этот раз не произошло. Как я и ожидала, она изменилась не только внешне. В её поле билась тревожные алые полосы, говорящие об общем неблагополучии организма.

Настроение сразу же резко упало. Похоже, пора поговорить с отцом и выяснить у него, насколько серьёзна болезнь Рени. Хотя соваться к нему с этим вопросом довольно рискованно. Есть шанс вместо ответа заработать по ушам. Несмотря на внешнее спокойствие, Мика человек настроения. Попадешь под горячую руку, мало не покажется: разом припомнит всё прегрешения и не важно, что они уже столетней давности. К тому же у него ментальное поле такой мощи, что, когда он злится, находиться рядом с ним сплошное мучение.

Лихой вираж при съезде по перилам и вуаля, вот он — первый этаж. Вау! Умереть не встать! Пахнет — обалденно! Ясненько, наш Карлик Нос уже вся в трудах. Вот ведь ненормальный ребёнок! У нас же есть свой ресторан. Достаточно оставить заказ, и его служащие что угодно доставят на дом, причём в любое время дня и ночи. Впрочем, если Аннабель такое времяпрепровождение доставляет удовольствие, ей никто препятствовать не будет, тем более что она прекрасно готовит. У девчонки явный талант к поварскому делу.

Я заглянула в кухню и, крутанувшись около дверного косяка, с блаженной миной потянула в себя воздух. Божественно! Нет, всё же не зря Рени спёрла девчонку у Веры Дмитриевны.

— Привет, волшебница с поварёшкой. Покормишь? Умираю, как хочу есть, — сказала я и с воодушевлением посмотрела на плошки, расставленные у плиты.

— Доброе утро, Мари, — с лёгким испугом отозвалась девчонка, она ещё не привыкла к нашей бесшумной ходьбе. Мало того на её раскрасневшемся личике засияла застенчивая улыбка.

«Гляди-ка, прогресс налицо. Наша птичка уже не молчит, как обычно», — насмешливо подумала я, довольная тем, что недельные труды не пропали даром.

— У меня есть говядина с молодой картошкой, салат и кофе готово. Вы будете?

— Боже! ты ещё спрашиваешь? Я буду всё-всё и даже без хлеба! Еда! Ура! Еда! Дайте её сюда немедленно! — процитировала я одновременно Вини-Пуха и Лину Инверс.

Стол был уже накрыт. Разок я пробовала помочь девчонке с его сервировкой, но ей, видимо, не понравилось, что я толкусь рядом с ней и вот она нашла способ, как от этого избавиться. Ну и ладно! Кто бы ещё возражал, терпеть не могу кухонную работу.

— Аннабель, перестань обращаться ко мне на «вы». Будь проще, зови меня на «ты», — сказала я, усаживаясь на своё место.

Вместо ответа девчонка отвернулась. Так! Выходит, я рано обрадовалась, наша птичка снова чего-то закапризничала. Что ж, будем работать дальше. Терпение и труд всё перетрут. На всякое хотение имей терпение. Стерпится — слюбится... Нет, кажется, это не из этой оперы. А! Не сразу Москва строилась...

— Спасибо, Аннабель! — поблагодарила я девчонку, когда она, прервав мои изыскания по части русских пословиц, поставила передо мной обещанные блюда.

«Еда — это блаженство и наивысшее счастье обжор», — утвердилась я в мысли, когда тарелки опустели. Не торопясь, я пила кофе и при этом краем глаза наблюдала за девчонкой. Что-то мне не нравилось её настроение. С грустным выражением на личике, она нехотя

ковырляла пирожное на тарелке, а затем и вовсе положила ложку и начала собирать посуду со стола.

— Оставь, я помою черепки. Ведь ты же готовила, — сказала я, ратуя за принцип справедливого распределения домашних обязанностей.

Но девчонка твёрдо вознамерилась исполнить свой кухонный подвиг до конца, так что пришлось отобрать у неё мочалку. По привычке она слегка шарахнулась от меня, а затем с растерянным видом застыла на месте, явно не зная, что ей делать.

— Сядь, Аннабель. Что ты стоишь, как неродная? — сказала я и ободряюще улыбнулась. — Эй, не будь букой! Расскажи, какую музыку ты любишь, какие фильмы ты смотрела. Ну?

Ни фиги! Присев на краешек стула, девчонка молчала. Ладно. Конечно, я не Мюллер — кстати, очень харизматичный тип — но кое-какие не менее эффективные методы обработки в нашем арсенале имеются. Кстати, классный сериал «Семнадцать мгновений весны». Правда, так и не въехала, почему именно семнадцать и почему именно весны, но Штирлиц красавец и очень жаль, что актёр, который его играет, не попался нашим патрулям. Наконец, после пяти минут непрерывной болтовни и легкого ментала мои старания увенчались успехом. Плюс за это время я успела перемыть посуду, которой мой подвиг обошелся всего лишь в пару разбитых тарелок.

— Я очень люблю смотреть японские фильмы и аниме, — застенчиво прошептала девчонка.

«Yes! Заработало!» — обрадовалась я.

— Да, ну? Что же ты раньше молчала? У меня же скачана целая куча аниме. Качество обалденное! Замечательно, Аннабель-сан, коничива, имото-сан, теперь нас двое, таких любительниц! — с искренним воодушевлением воскликнула я при виде засиявшего радостью личика нашего феникса.

Мне действительно нравились японские анимэ, и я никак не ожидала найти в лице Аннабель единомышленницу. Что ж, приятный сюрприз. В паре смотреть куда интересней, чем одной. Беккер наотрез отказалась составить мне компанию, видите ли, она ещё не впала в детство. Ну а у Ладожского вечно нет времени, хотя он тоже любит анимэ.

— Что тебе нравится? — поинтересовалась я у Аннабель.

— Ой! Я люблю Лину Инверс из «Слайерс»! Мы с братиком Сержем посмотрели все сезоны и так смеялись, — оживлённо заговорила девчонка, но тут же осеклась, явно вспомнив о доме. Она прижала руку к задрожавшим губам, и её глаза заблестели слезами.

«Кошмар! Опять двадцать пять! А вроде бы всё шло хорошо. Интересно, что значит слоган «опять двадцать пять»? Нужно будет спросить у Ладожского... Нафиг! Почему в свои каникулы я должна с ней нянчиться? — возмущённо подумала я. — Пусть Рени сама... вот чёрт!.. Ладно, нужно отвлечь девчонку от грустных мыслей».

— А ты откуда знаешь русский? — спросила я и осторожно присела рядом с Аннабель.

— Мама научила, — всхлипнув, ответила она. — Мы с ней часто разговаривали по-русски, хотя бабушка Анриетта не разрешала. Мама Наташа сильно скучала по дому.

— А как она оказалась во Франции? — задала я наводящий вопрос.

— Мама сказала, что они с папой писали друг другу красивые письма по интернету. Потом он приехал в Россию, по делам фирмы, и очень красиво ухаживал за ней, а потом они поженились, и папа увез её к себе. Папа хотел, чтобы я родилась дома, во Франции, — рассказала Аннабель, теребя кончик косички. Вдруг она добавила срывающимся голосом: —

Два года назад родители вместе с братиком Сержем разбились в автокатастрофе под Лионом... Бедная бабушка Анриетта, она так плакала... теперь вот и я пропала.

Девочка низко опустила голову и её плечики затряслись от сдавленных рыданий.

— Эй-эй! Аннабель, прекрати разводить сырость! Всё будет хорошо! — воскликнула я, но она сорвалась с места и убежала из кухни.

«Отвлекла ребёнка, называется. Вот дура!» — вздохнув, я поднялась из-за стола, и поползла вверх. Нужно утешить девочку, раз уж дала себе зарок, что по мере сил буду оберегать Рени от домашних хлопот.

Постучав чисто для проформы, я открыла дверь и заглянула внутрь комнаты, отведённой фениксу. При взгляде на её обстановку у меня вновь свело скулы, но я взяла себя в руки и перешагнула через порог. Не знаю, что уж приключилось с вкусом Рени, но такое впечатление, что это увеличенная копия спальни игрушечной Барби. Всё такое розовое и ванильное, что тошнит от одного только взгляда на это девчоночье великолепие.

Как и ожидалось, Аннабель ревела, свернувшись в клубочек на кровати. «Н-да, знакомая до боли поза!» Вдруг мне стало жаль девочку. Все-таки потеря близких людей, да ещё в её возрасте — это большая трагедия. Главное, теперь я понимаю её как никто другой.

Я присела на кровать и отвернула край пушистого покрывала, в которое она зарылась с головой.

— Послушай, Аннабель, всё не так плохо, как тебе кажется, — сказала я и дотронулась до хрупкого плечика, но мелкая отпихнула мою руку.

— Эй, малявка! Сейчас ты этого не понимаешь, но тебе небывало повезло, ты попала в такую семью, о которой другие могут лишь мечтать. Поверь, всё будет хорошо. Ведь я на твоей стороне.

— C'est vrai?[1]

— Oui, c'est vrai[2].

Мои ли слова сыграли свою роль или что другое, но Аннабель наконец-то прорвало. Она порывисто села и заглянула мне в лицо. Не знаю, что уж девочка вычитала на нём, но она отшвырнула одеяло и, повиснув у меня на шее, заревела с новой силой. Я сдержала порыв отпихнуть её от себя и запаслась терпением. Всё же это большой прорыв в наших отношениях. К тому же, как сказал Сент-Экзюпери, мы в ответе за тех, кого приручили — к моему великому сожалению.

Смирившись с родственной катавасией, я обняла Аннабель и, похлопывая её по спине, дала ей возможность выплакать страх и горе. Правда, несмотря на все увещания, слёзы все лились и лились. Просто какой-то нескончаемый поток, который уже насквозь промочил мою футболку и грозил затопить кровать. Малявка так захлёбывалась рыданиями, что я даже занервничала, решив, что у неё тоже истерический приступ. То-то отцу будет радости! Не успел одну откачать, как уже другая бьётся в истерике.

К счастью, обошлось без его вмешательства. Аннабель, которая не иначе выплакала годовой запас слёз, начала успокаиваться сама. К тому же я снова подключила ментальную обработку.

— Ну что, стало легче? — я заглянула девочке в лицо и, получив согласный кивок, перекрестилась про себя. Слава богу!

Сама люблю пореветь, но терпеть не могу, когда это делают другие. С другой стороны, Аннабель ещё ребёнок, потому имеет полное право реветь, когда ей захочется.

— Ну, милая! Я уж думала, что ты утопишь меня в слезах.

Отыскав сухой участок на своей футболке, я великодушно предложила его в качестве носового платка.

— Сморкайся, не бойся! Хуже ей уже не будет.

— Простите! — сконфузилась Аннабель, глядя на меня мокрыми и, что самое забавное, счастливыми глазами.

Нет, дети — это что-то с чем-то! И тут что сподобило меня спросить:

— Слушай, Аннабель, а ты знаешь, зачем ты у нас?

Девчонка отрицательно покачала головой. «Ну всё, лично прибью Рени! Вот зачем столько времени держать ребёнка в несознанке?» — возмутилась я и, спохватившись, вздохнула. Нет, не прибью. Рени теперь нужно беречь от всяческих волнений.

— А ты что думаешь? Зачем ты нам? — спросила я.

— Вы настоящие вампиры, мне так кажется, — тихо ответила Аннабель.

— Правильно понимаешь. Ну и?

— Когда вы выпьете мою кровь, я умру и тоже стану вампиром. Но я уже ничего не боюсь. Правда-правда! Мари, а мне тоже придётся спать в гробу? — спросила она с любопытством.

Уткнувшись в макушку удивлённой и чуточку обиженной девочки, я не выдержала и расхохоталась.

— Стоп! Не удирай, мышонок! Лично я не люблю спать в гробельнике, но ты как хочешь. Если есть желание, то можем заказать по интернету подходящую модель или съездим в бюро похоронных услуг и вживую подберём тебе какую-нибудь симпатичную домовину. Хочешь в стиле хай-тэк со встроенными динамиками? Да не пугайся ты, это шутка! — я пригладила взъерошенные пёрышки нашего феникса и уже на полном серьёзе добавила: — Аннабель, ты обладаешь уникальными способностями. Но чтобы стать настоящим вампиром, как раз умирать ни в коем случае нельзя. Ведь мы не киношные кровососы. Скажи, я каким-то боком похожа на мертвячку? Нет? Точно? Можешь пощупать меня руками. Ой, не щекотись! Скелет нигде не проглядывает? Ни ребрышка? Слава богу, шкурка натянута на совесть! А если серьёзно, то я хочу, чтобы ты знала, никто в нашей семье не причинит тебе вреда. Ясно, мышонок?

— Д-да...я буду такой же, как ты? — тихо спросила девочка. На её личике появилось сомнение.

— Эй, в чём дело? Тебе не по нраву моя внешность?

— Что ты, Мари! Ведь ты такая красивая!

«Молодец малявка, так держать! Ты нашла верный подход к старшей сестре». Но тут Аннабель понурилась и добавила:

— Я никогда не стану такой, как ты. А ещё эти дурацкие веснушки, от которых никак не избавиться...

— Вот глупая! Думаю, в вампирской ипостаси ты будешь настоящей красавицей и отодвинешь меня на второй план. И это очень нехорошо с твоей стороны. Но гораздо хуже другое, ты навсегда останешься моей младшей сестрёнкой, с которой придётся делиться любимым мороженым, терпеть налёты на свою одежду и диски с анимэ. Ну, а когда ты подрастёшь, то наверняка начнешь отбивать моих женихов. Ужас!

— Не бойся, Мари, я не буду отбивать твоих женихов, — всхлипнула Аннабель. — А одежда у тебя просто ужасная. Если разрешишь, конечно, я посмотрю диски с анимэ, но я обязательно их верну. Честное слово!

— Нет! Где это слыхано? Вот и утешай после этого нахальных девчонок, которые ещё никто и ничто, а уже хают мой несравненный вкус! И с женихами ещё бабушка надвое сказала. Это сейчас они тебе не нужны, а потом не успеешь оглянуться, и нет парня. Ищи ветра в поле!

— Неправда, я не буду их отбивать! — горячо запротестовала девочка. — Мари, хочешь мороженое? У меня есть ассорти с ягодами и шоколадом.

— Садистка! Как ты могла скрыть от меня мороженое, да ещё ассорти? Нет тебе за это прощения! Кстати, почему ты сразу его не выдала за завтраком?.. М-р-р! Мороженое! Ладно, так и быть дарю тебе своих женихов всех до единого, кроме одного — самого рыжего и красивого.

— А кто это? — спросила девочка, блестя любопытными глазёнками.

— Будешь много знать, быстро состаришься! — сказала я шутливо, легонько щелкнув её по носу. — Может, вернёмся в кухню и доедим те замечательные пирожные, которые ты сегодня приготовила, а затем попьём кофейку с обещанным мороженым?

— Идём! — радостно воскликнула Аннабель. Её слезы мгновенно высохли и, вскочив с кровати, она схватила меня за руку, и потащила в кухню.

«Ох, уж эта детская непосредственность! Куда только подевались страх и горе? Стоило только выплакаться, и глупый человечек снова сияет как ясно солнышко», — насмешливо подумала я.

Аннабель с таким аппетитом уплетала мороженое, что я даже умилилась. Замечательный феникс! Правильно Рени сделала, что сперла её у Ладожских. Вера Дмитриевна перебьётся.

В солнечном свете, падающим с террасы, рыжие кудри девочки горели золотом, навевая своим цветом ностальгию по Академии, точнее по одному симпатичному рыжику. Мои мысли плавно переключились на Тьена. Интересно, помнит ли он меня, или, как водится, с глаз долой — из сердца вон? А что? Запросто. Н-да, слишком поздно я проснулась для любви и теперь не вполне представляю, какие узы нас связывают...

«Если есть что связывать», — поняв, что сейчас по уши увязну в сомнениях, я решительно запретила себе думать о плохом. Придет время и всё разрешится. Достав золотую лилию, я нежно прикоснулась губами к её гладкой поверхности. «Где бы ты ни был, лови мой поцелуй, Тигруша!»

Я весело глянула на Аннабель.

— Эй, мышонок, нечего дома сидеть! Как насчет идеи сходить в кино? Что ты любишь кроме мультиков, ужастики или любовные драмы? Учти, лично я люблю ужастики, и чтобы кровищи было побольше. У-У-У!

Скорчив страшную мину, я погналась за девочкой, и та со смехом бросилась к лестнице. В конце концов, вампирка я или нет? Нужно поддерживать репутацию кровососов. Хотя кто бы боялся! Совсем девчонка страх потеряла.

— Эй! Собирайся быстрее, хорошо?

— Я быстро!

— Очень на это надеюсь! Не хотелось бы в собственной семье заполучить вторую копушу Беккер.

Ну, насчет ужастиков я приврала, — терпеть не могу экранную суету с огромными ножичками и прочими колюще-режущими предметами, да ещё под гнусную тревожную музыку. И в чём здесь заключается отдых? Что за радость глядеть на садистов, мучающих

невинную жертву? Конечно, можно порадоваться её страданиям, но для этого нужно иметь совсем уж извращённые наклонности.

Кстати, при нашей склонности к убийству нужно иметь очень чёткие моральные установки. В Академии в рамках военной подготовки нам читали этику военного и охотничьего дел, на примерах подробно разбирая, кого можно убивать и кого нельзя.

В реальной жизни лично мне вид описавшейся трясущейся жертвы в соплях и слюнях не доставляет никакого удовольствия. Убийство по необходимости слабых и немощных должно быть быстрым. Зачем же мучить невинных? А вот какую-нибудь сволочь, воображающую себя Фредди Крюгером, можно было бы и погонять. К великому сожалению, эти твари трусливей обычных обывателей.

Охота — святое дело, но достойная дичь, не лишенная мужества, поневоле вызывает сочувствие, если не уважение. Вот поэтому теряется моральный стимул её убивать. Да и матушка-природа возражает против такого расточительства — нельзя убивать лучших из лучших, а то испортишь породу. Просто замкнутый круг со сплошной борьбой инстинктов и общепринятой морали.

Резюме: пусть это и противно, но будем охотиться за Крюгерами. Тогда мораль молчит и инстинкты довольны.

Ладно, фиг с ними с убийствами. Скажу вам по секрету, только, чур! больше никому. Лично я обожаю любовные драмы. И чтобы в них была такая любовь-морковь, что слёзы ручьем. А что? Я не одна такая. Но только кто же в здравом уме признается в своих слабостях?

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

[1]C'est vrai? — Это правда? (в переводе с фр. яз.)

[2]Oui, c'est vrai — Да, правда. (в переводе с фр. яз.)